

ISSN 2414-374X (Online)

ISSN 2522-4069 (Print)

**ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ,
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№ 4 (67) 2018

Донецк

ISSN 2414-374X (Online)

ISSN 2522-4069 (Print)

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4УКР55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

Научный журнал Донецкого национального университета
Исторический факультет
сетевое издание

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Никольский В.Н., д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Заместитель главного редактора – Бобровский А.С. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)
Ответственный секретарь – Кухтин М.М. – к-т полит. наук (Донецкий национальный университет)
Агапов В.Л. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Бредихин А.В. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Кузнецова Е.В. – к-т полит. наук (Донецкий национальный университет)
Морозов Р.Н. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)
Пенькова О.Б. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)
Черкашин К.В. – к-т полит. наук (Донецкий национальный университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Баранов А.В. – д-р ист. наук, д-р полит. наук (Кубанский государственный университет, Российская Федерация)
Беловолов Ю.Г. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Ерхов Г.П. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Кияшко А.В. – д-р ист. наук (Южный федеральный университет, Российская Федерация, Ростов-на-Дону)
Кринко Е.Ф. – д-р ист. наук (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, Российская Федерация, Ростов-на-Дону)
Леонова Н.Б. – д-р ист. наук (Московский государственный университет им М.В.Ломоносова, Российская Федерация, Москва)
Липинский В.В. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Саржан А.А. – д-р ист. наук (Донецкий национальный технический университет)
Шендрикова С.П. – д-р ист. наук (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Российская Федерация, Симферополь)
Шепко Л.Г. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Цыганков П.А. – д-р филос. наук (Московский государственный университет им М.В.Ломоносова, Российская Федерация, Москва)

Рецензенты: д.и.н. Бредихин А.В., д.и.н. Колесник А.В., д.филос.н. Муза Д.Е., к.и.н. Разумный В.В., д.и.н. Саржан А.А., д.и.н. Шепко Л.Г., к.и.н. Шкрибитько Е.А.

Рекомендовано к изданию Ученым советом ДонНУ. – Протокол № 11 от 27.12.2018 г.

Журнал зарегистрирован Министерством информации ДНР, Свидетельство о регистрации средства массовой информации Серия ААА, №000149, выдано 20 июня 2017 г.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. – Приказ МОН ДНР №1134 от 1. XI. 2016 г.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), лицензионный договор №117-03/2016 от 9 марта 2016 г., и наукометрические базы данных Index Copernicus, Infobase Index.

Адрес редакции: Исторический факультет, Донецкий национальный университет, ул. Университетская, 24, Донецк, 83001. Тел. (095) 360-43-70, (071) 305-59-87; e-mail: nvn2015@rambler.ru, nicols46@mail.ru

Сайт <http://donnuhist.ru>

© Донецкий национальный университет

СОДЕРЖАНИЕ

Историография. Источниковедение

- Разумный В.В.** Изучение гражданской войны в Ливане 1975 – 1990 годов в работах французских историков. 7
- Бурцев А.И.** Краткий обзор историографии внешней политики Республики Казахстан. 13

Отечественная история

- Колесник А.В.** Эволюция системы расселения и землепользования в Донбассе в первобытное время. 20
- Разумная Н.Н.** Внутренняя политика Временного правительства (на примере Мариупольского уезда) 32
- Руденко М.В.** «Временная инструкция для военного отделения Донецкого губернского революционного трибунала», как пример локального нормотворчества в ходе реорганизации ревтрибуналов в УССР. 41
- Даниленко Е.Г.** Дела китайцев-красногвардейцев и красных партизан в партизанских комиссиях (по документам государственного архива ДНР). 45
- Стадник В.А.** К вопросу о кадровом составе работников тяжелой промышленности Донбасса (по материалам территориальных органов КК-РКИ конца 1920-х – начала 1930-х гг.). 52
- Краснонос Ю.Н.** Органы внутренних дел Донбасса в условиях реформирования советской правоохранительной системы (1953 – начало 1960-х гг.). 59
- Дмитриевский А.В.** Основные проблемы и тенденции развития сферы досуга граждан в Донбассе во второй половине 1980-х гг. (на примере кинофикации Донецкой области). 68

Донбасс в цифрах

- Скоков А.С.** Проведение крестьянской реформы на Донбассе во второй половине XIX в. 77

Всемирная история

- Дибас О.А.** Кадровая политика Ли Куан Ю: постороение «нового» Сингапура. ... 86

Международные отношения

- Кухтин М.М.** Место Германии на геополитической карте Евразии: история изучения вопроса. 92
- Милокост Л.С.** Медиация Кашмирского конфликта в рамках ООН (1948 – 1953 гг.). 97

Политология

- Черкашин К.В.** Динамика этнической самоидентификации жителей Донбасса.....104
- Лобова Л.А., Губарев П.Ю.** Информационно – политические риски и уровни прозрачности власти в условиях глобализации..... 109
- Онопко О.В.** Концепция внешней политики Донецкой Народной Республики: институциональное и идеологическое значение. 116

CONTENT

Historiography. Source studies

- Razumnyj V.V.** Study of the civil war in Lebanon in 1975 – 1990 in the works of French historians. 7
- Burtsev A.I.** A brief overview of the historiography of the foreign policy of the Republic of Kazakhstan. 13

Domestic and regional history

- Kolesnik A.V.** Evolution of the system of population diffusion and land use in Donbass in primaeval times. 20
- Razumnaya N.N.** Internal policy of the Provisional Government (on the example of Mariupol County) 32
- Rudenko M.V.** "Temporary instruction for the military department of the Donetsk provincial revolutionary tribunal" as an example of local rulemaking during the reorganization of the revolutionary tribunal in the Ukrainian SSR. 41
- Danilenko E.G.** Cases of Chinese red guards and red partisans in partisan commissions (according to documents from the State Archives of the DPR). 45
- Stadnik V.A.** To the question of the personnel composition of the workers of the heavy industry of Donbass (based on materials of the territorial bodies of the CC-WPI of the late 1920s - early 1930s). 52
- Krasnonosov Yu.N.** The internal affairs agencies of Donbass under the conditions of reforming the Soviet law enforcement system (1953 - early 1960s). 59
- Dmitrievsky A.V.** The main problems and development trends in the sphere of leisure of citizens in Donbass in the second half of the 1980s (for example, the cinema of the Donetsk region). 68

Donbass in figures

- Skokov A.S.** Carrying out the peasant reform in Donbass in the second half of the nineteenth century. 77

The World History

- Dibas O.A.** Lee Kuan Yew's personnel policy: building a "new" Singapore. 86

International relationships

- Kukhtin M.M.** The place of Germany on the geopolitical map of Eurasia: the history of the study of the issue. 92
- Milokost L.S.** Mediation of the Kashmir conflict within the United Nations (1948 - 1953). 97

Political science

- Cherkashin K.V.** The dynamics of the ethnic identity of the residents of Donbass. .. 104
- Lobova L.A., Gubarev P.Yu.** Information - political risks and levels of transparency of power in the context of globalization. 109
- Onopko O.V.** The concept of foreign policy of the Donetsk People's Republic: institutional and ideological significance. 116

Историография. Источниковедение

УДК 303.446.4(569.3)"19"1975/1990

В.В. Разумный

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЛИВАНЕ 1975 – 1990 ГОДОВ В РАБОТАХ ФРАНЦУЗСКИХ ИСТОРИКОВ

Аннотация

В статье был сделан историографический анализ событий гражданской войны в Ливане в период 1975 – 1990 годов. Автор исследовал степень изученности проблемы в трудах французских историков. В статье были определены наиболее дискуссионные вопросы в работах исследователей, посвященных изучению истории гражданской войны в Ливане.

Ключевые слова: *историография, Ливан, гражданская война, французские историки, Ближний Восток, конфликт*

Summary

This article is devoted to a historiographical analysis of the events of the civil war in Lebanon in 1975 – 1990. The author has investigated the articles of French researchers which are devoted to this problem. In the article, the most debatable questions are defined in the papers of researchers devoted to the study of the history of the civil war in Lebanon.

Keywords: *historiography, Lebanon, civil war, French researchers, Middle East, conflict.*

Франция во второй половине XX века проявляла глубокий интерес к событиям на Ближнем Востоке в целом и в Ливане в частности. Это объяснялось геополитическими, экономическими и военными факторами. Ливан после Первой мировой войны оказался под французским контролем согласно решений Парижской мирной конференции 1919 года. Ливанская элита, состоявшая в основном из арабов-маронитов, поддерживала тесные связи с французской администрацией. Кроме того, Франция, стремясь поддерживать свой статус сверхдержавы, пыталась активно влиять на политическую ситуацию на Ближнем

Востоке. Поэтому попытка рассмотреть события гражданской войны в Ливане в период 1975-1990 годов через призму работ французских историков, на наш взгляд, является актуальной и заслуживает внимания со стороны специалистов.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы изучить французскую историографию гражданской войны в Ливане в 1975 – 1990 годов.

Для выполнения этой цели необходимо решить следующие задачи: 1) найти характерные черты и особенности французской историографии гражданской войны в Ливане; 2) выявить наиболее дискуссионные вопросы в работах французских историков.

Приступая к историографическому обзору, следует подчеркнуть тот факт, что автор данной работы не ставит целью рассмотреть все работы французских историков, посвященных исследованию гражданской войны в Ливане 1975 – 1990 годов. На наш взгляд, необходимо рассмотреть наиболее значимые исследования по данному вопросу.

После окончания Второй мировой войны Франция была вынуждена ограничить свою активность на Ближнем Востоке. В 1943 году Ливан провозгласил о своей независимости от Парижа. Кроме того, в 1945 году началась национально-освободительная борьба народов Индокитая, направленная против французских колонизаторов. Этот момент способствовал отвлечению внимания французских властей от Ливана.

Следует также подчеркнуть тот факт, что Франция достаточно пассивно отреагировала на события первой гражданской войны в Ливане в 1958 году. На наш взгляд, это можно объяснить тем фактом, что в тот период Париж больше интересовали события, проходившие в Алжире. Более того, в самой Франции в это время начался серьезный политический кризис, который закончился падением Четвертой республики. Все эти моменты отразились на степени изученности ливанских кризисов в работах французских историков. Можно сказать, что во второй половине 1970-х годов было издано незначительное число работ, посвященных изучению гражданской войны в Ливане.

Одним из первых исследователей этой темы был французский историк Ив Шемель. В своей диссертационной работе, под названием «Социология ливанской политической системы», изданной в 1976 году в Гренобле, он изучал различные аспекты политической системы Ливана, выявляя ее несовершенства и подчеркивая очевидные достоинства [1]. Ив Шемель является научным сотрудником Центра исследования международных отношений и сравнительной политики. В своей работе он составил объективную картину социально-политических и этноконфессиональных особенностей Ливана.

В 1977 году в Париже была опубликована работа историка Жана Бодеро «Палестина и Ливан: обещания и ложь Запада» [2]. В ней автор рассматривал вопросы палестинской проблемы и ее значение для Ливана. Особый акцент делался на освещение деструктивной политики стран Запада по отношению к ливанской проблеме и палестинским беженцам.

По мере ухудшения ситуации в Ливане в 1980-х годах французские историки стали больше уделять внимание изучению гражданской войны в этой арабской стране. На фоне продолжающегося насилия и многочисленных актов террора Франция была вынуждена вмешаться в ливанский конфликт. В 1982 году в Ливан, по просьбе бейрутского правительства, были введены французские воинские контингенты, которые, как первоначально предполагалось, должны были выполнять миротворческие задачи. Однако, как и американские войска, введенные в Ливан в 1982 году, французские военные подразделения оказались вовлеченными в межэтнические столкновения. Более того, 23 октября 1983 года позиции французских десантников в Бейруте были подвержены атаке смертников из шиитских формирований. В тот день погибло 58 военнослужащих Франции. В результате этих терактов французский воинский контингент покинул территорию Ливана весной 1984 года.

После этих событий у французских историков возрос интерес к проблеме гражданской войны в Ливане. В их работах изучались вопросы причин ливанского кризиса, провала миротворческих миссий и роль внешних факторов в эскалации конфликта.

В 1987 году во Франции была опубликована работа исследователя, ливанца по происхождению, Жоржа Корма «Мифы и реалии ливанского конфликта» [3]. Жорж Корм был выпускником Парижского института политических исследований, а также он имел степень доктора философии Парижского университета. В своей работе он составил объективную картину социально-политических и конфессиональных особенностей ливанского общества в ходе гражданской войны 1975 – 1990 годов. Жорж Корм ставил перед собой цель окончательно разбить ложные стереотипы вокруг Ливана. В этом фундаментальном труде о современном Ливане был предоставлен глубокий анализ истории этой маленькой арабской страны, которая большую часть своего существования находилась под гнетом региональных и международных сил. Жорж Корм на страницах своей книги дает объяснение причин, благодаря которым Ливан был втянут в пятнадцатилетнюю гражданскую войну, последствия которой до сих пор ощущаются на Ближнем Востоке.

На наш взгляд, более глубоко вопросы гражданской войны в Ливане 1975 – 1990 годов было изучены в работах Элизабет Пикард. Она имела многолетний опыт работы в ближневосточном регионе, где являлась научным сотрудником Французского Центра исследований современного Ближнего Востока. В настоящее время Элизабет Пикард работает в Центре исследований Ближнего Востока и мусульманского мира, действующем при Национальном Центре научных исследований Экс-ан-Прованс.

В 1988 году в Париже была опубликована ее работа «Ливан, государство раздора. От основ к братоубийственным войнам» [4]. В ней Элизабет Пикард исследует причины внутреннего конфликта, превратившего Ливан, который был ранее гармоничным государством, в состояние полнейшего раздора. Необходимо подчеркнуть тот факт, что она дает глубокий анализ истории современного

Ливана, уделяя внимание роли Франции в политической и культурной жизни страны. Начиная с периода Османской империи и появления отдельных автономий в ливанских горах, автор подчеркивает специфику региональных и колониальных условиях, которые привели к созданию государства Большой Ливан, который позже стал Ливанской республикой в 1943 году. Элизабет Пикард рассматривает перегруппировку политических и общественных отношений, которая происходила на новом «национальном» пространстве, сначала в тени французского присутствия, а затем в независимом Ливане. Она выделяет две основные черты ливанской внутривнутриполитической системы. Это ультралиберализм, который сопровождался преувеличенной ролью третичного сектора экономики, и клиентелизм в политических отношениях.

Следующая работа Элизабет Пикард, посвященная ливанской проблеме, была опубликована в 1989 году. В этом году были подписаны Таифские мирные соглашения, положившие конец гражданской войне в Ливане. В своей работе «Общая статья о Ливане», Элизабет Пикард описывает проблемы социально-экономического развития Ливана, возникшие вследствие внутреннего конфликта. Здесь она, исходя из своего опыта пребывания на Ближнем Востоке, предлагает свое видение их решения [5].

Еще одной работой Элизабет Пикард является «Положение участников боевых действий в послевоенном Ливане», которая была опубликована в 1991 году [6]. В ней рассматривается послевоенная ситуация в Ливане, где возникла острая проблема совместного проживания бывших участников военных действий. Элизабет Пикард неоднократно подчеркивает тот факт, что для достижения хрупкого мира в 1989 году, нужно было почти пятнадцать лет изматывать население Ливана в братоубийственных сражениях. В этой работе автор также уделяет внимание изучению деятельности ливанского правительства по разоружению противоборствующих сторон.

В 1996 году было опубликовано, на наш взгляд, самое известное научное исследование Элизабет Пикард «Ливан. Разделенная страна. Мифы и реалии войны в Ливане» [7]. В отличие от предыдущих изданий эта работа была издана в США в издательстве «Holmes and Meier» на английском языке. Спустя шесть лет, в 2002 году она была вновь переиздана в Нью-Йорке.

Эта работа была высоко оценена экспертами в области изучения истории стран Ближнего Востока. В своем исследовании, автор проследила все стадии развития гражданской войны в Ливане. С точностью и беспристрастностью Элизабет Пикард анализирует причины и последствия гражданской войны. Из ее научной работы, можно почерпнуть ценную информацию, касающуюся особенностей внешней политики Франции на Ближнем Востоке и в Ливане, в частности, стратегические планы Парижа в регионе в колониальную эпоху, а также в период становления независимости и суверенитета арабских государств.

Автор оценивает десять лет послевоенной экономической и политической реконструкции в стране и рассматривает переговоры с Израилем и отношения с

Сирией, и четко показывает цену, которую заплатил Ливан за свое выживание на международной арене.

Элизабет Пикард также дает глубокий анализ деятельности ООП, а также израильских и сирийских сил, задействованных в ливанском конфликте. Она сравнивает Ливан со своеобразным мостом, соединяющим Ближний Восток и Запад, место встречи ислама и христианства. По ее мнению, эта страна в 1960-х годах была удачным примером гармоничного сосуществования различных этнических и религиозных общин. Однако после 1975 года, так называемая «Швейцария на Ближнем Востоке» превратилась в сплошную зону боевых действий, где пламя насилия раздувало все этнические, религиозные и политические антагонизмы в регионе.

Следует подчеркнуть тот факт, что в своей работе Элизабет Пикард неоднократно говорит об опасности забвения уроков ливанской войны. Она особенно выделяет тот момент, что все иностранные вмешательства не имели успеха в разрешении военного конфликта. Один за другим они терпели неудачу. Своими безрассудными и дорогостоящими операциями, которые сопровождались риском и большими людскими потерями, иностранные миротворцы приносили лишь бедствия местному ливанскому населению. Особенно горьким опыт ливанской кампании был для Франции, которая потеряла здесь несколько десятков убитых своих военнослужащих. Под благими намерениями в рамках операции многонациональных сил во главе с США, сбрасывая бомбы на долину Бекаа, Франция лишь разочаровалась в своей миротворческой миссии на юге Ливана.

Можно с уверенностью сказать, что работа Элизабет Пикард – это первое серьезное исследование ливанской гражданской войны во французской историографии. Ее авторский подход к сложившемуся новому балансу сил между христианами и мусульманами, установленный этим соглашением, особенно ценен. Ливан всячески пытался перестроиться из прежней политической системы, которая все еще имеет влияние на общество. Драматизм сложившейся послевоенной ситуации в Ливане, заключается и в том, что с уходом сирийских войск, «ливанизацией» партии «Катаиб», возрождением «Ливанских сил», возвращением мятежного генерала Мишеля Ауна у маронитов появилась надежда, но то, что они со временем вновь станут значимым фактором в ливанской политике. Однако это может быть возможным только в случае сохранения за христианами существующих квот в государственном руководстве. За полную ликвидацию политического конфессионализма активно выступают ливанские мусульмане, особенно шииты, так как именно они в силу своей многочисленности могли бы получить наибольшие политические дивиденды от «деконфессионализации». Последствия такого развития событий в целом, несомненно, будут очень серьезными как для ситуации внутри страны, так и для ее внешней политики и регионального окружения. И в любом случае христиане вообще и маронитская община, в частности, окажутся перед лицом практически полной маргинализации. При этом, как считает Элизабет Пикард, может

возникнуть и противоположная тенденция. По мере политического оживления маронитов, а также возникновения у христиан ощущения шанса вернуть свои позиции в стране не исключено начало репатриации. Подобная ситуация была уже в 1982 – 1983 годах, когда после размещения в Ливане многонациональных сил в стране возникла надежда на скорейшее прекращение боевых действий, и многие эмигранты, бросая свой успешный бизнес за рубежом, спешили вернуться на родину.

В 2008 году была опубликована работа французского историка Ива Боннэ «Ливан: заложники лжи» [8]. Здесь основной акцент делался на изучение внешнеполитических факторов, повлиявших на историческую судьбу Ливана. Автор негативно оценивал роль Ирана в дестабилизации ситуации на Ближнем Востоке, где действовали шиитские группировки «Амаль» и «Хизбалла». Ив Боннэ утверждал, что Ливан стал разменной монетой в ходе тонкой дипломатической игры, где игроками выступали Иран и страны Запада. Книга посвящена истории небольшого государства, который оказался брошенным между требованиями тегеранской теократии и амбициями высоких французских чиновников, которые сделали это вопросом своей внутренней политики.

Таким образом, можно сделать вывод, что тема гражданской войны в Ливане 1975 – 1990 годов нашла достаточное отражение в работах французских историков. В их исследованиях в значительной степени изучались вопросы причин гражданской войны, политических противоречий и внешнеполитических факторов. Французские историки негативно оценивали деятельность ООП в Ливане, а также подвергали критике действия ливанских шиитских организаций, которые получали поддержку со стороны Ирана. Вместе с тем, нужно отметить тот факт, что тема участия французских вооруженных сил в ливанском конфликте в 1982 – 1984 годов, была недостаточно освещена. Характерной чертой работ французских историков является глубокое изучение межконфессиональных отношений в Ливане. Также хотелось бы подчеркнуть фактическое отсутствие работ, посвященных биографии политических деятелей периода ливанской гражданской войны 1975 – 1990 годов.

Ссылки и примечания:

1. Yves Schemeil, *Sociologie du Système Politique Libanais*. Grenoble: Université de Grenoble, Ph.D. dissertation, 1976. 571 p.
2. Jean Bauderout. *Palestine et Liban: promesses et mensonges de l'Occident*. Paris: L'Harmattan. 1977. 203 p.
3. Georges Corm. *Mythes et realites du conflit libanais*. Paris, 1987. 255 p.
4. Elisabeth Picard. *Liban, Etat de discorde. Des fondations aux guerres fratricides*. Paris: Flammarion, 1988. 263 p.
5. Elisabeth Picard. *Article general sur le Liban*. Oxford: University Press, 1989. 125 p.
6. Elisabeth Picard. *La dissolution des milices dans le Liban de Fapès guerre*. Oxford: University Press, 1991. 203 p.

7. Elisabeth Picard. Lebanon: A Shattered Country. Myths and Realities of the Wars in Lebanon. New York: Holmes and Meier, 1996. 202 p.
8. Yves Bonnet. Liban les otages du mensonge. Paris: Editeur Michel Lafon, 2008. 425 p.

УДК 327(574)-029:9

А.И. Бурцев

аспирант,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: alex.byr.251091@gmail.com

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация

В статье выделены основные направления изучения внешней политики Республики Казахстан, а так же названы наиболее значимые и важные работы, посвященные данной теме. На основании этих данных анализируются перспективы дальнейшего изучения внешней политики Республики Казахстан и называются вопросы, которые нуждаются в дальнейшем изучении.

Ключевые слова: *историография, внешняя политика, Республика Казахстан.*

Summary

The article highlights the main areas of study of the foreign policy of the Republic of Kazakhstan, as well as identifies the most significant and important works on this topic. Based on these data, the prospects for further study of the foreign policy of the Republic of Kazakhstan are analyzed and the issues that need further study are listed.

Keywords: *historiography, foreign policy, Republic of Kazakhstan.*

В связи с тем, что Республика Казахстан является одним из наиболее развитых государств на территории СНГ, а ее международный авторитет и влияние повышаются, изучение различных аспектов внешней политики привлекает внимание исследователей. За три десятилетия независимости Казахстана написано большое количество научных работ, посвященных внешней политике Республики. Все исследования, посвященные данной теме можно поделить на несколько групп в зависимости от географической направленности внешней политики Казахстана: взаимоотношения с государствами Западной Европы и США, Китая, России и СНГ, отношения с другими странами. В

отдельную группу можно выделить работы, посвященные изучению внешней политики Казахстана в целом, без выделения конкретного направления.

К первой группе относятся работы, направленные на изучение истории формирования, общих закономерностей, концептуальных особенностей внешней политики Казахстана. Следует выделить монографию выдающегося государственного деятеля К.К. Токаева «Дипломатия Республики Казахстан». В данной работе автор дает краткий экскурс в историю внешней политики Казахстана и анализирует положение, в котором оказалась Республика к началу XXI в. В монографии рассматриваются особенности развития и перспективы сотрудничества Казахстана с различными государствами и международными организациями. К.К. Токаев в 1994 – 1999 гг. занимал должность министра иностранных дел Республики Казахстан, благодаря чему он обладает специальными навыками, знаниями и информацией по исследуемой теме [1]. В работе Ж. М. Медеубаевой «История формирования внешнеполитической доктрины Республики Казахстан (1991 – 2010 годы)» проанализированы внутренние и внешние факторы, оказавшие влияние на развитие внешней политики Казахстана. Особое внимание автор работы уделяет энергетическим ресурсам, геополитическому положению Республики, развитию мира в условиях глобализации. Ж.М. Медеубаева в монографии подробно рассматривает особенности и этапы формирования концепции внешней политики Казахстана. Так же, автор акцентирует внимание на роль Президента Казахстана Н. Назарбаева в формировании и реализации внешней политике Республики [2]. Е.Ф. Троицкий в своей статье кратко и лаконично выделил характерные черты внешней политики Казахстана на протяжении первого десятилетия независимости. Благодаря этому автору удалось продемонстрировать факторы, приведшие к формированию многовекторной модели внешней политики Казахстана в новом тысячелетии [3]. А.С. Бердалина, рассматривая современную внешнюю политику Казахстана, обращает внимание на внедрения принципа толерантности, способствующего мирному разрешению международных конфликтов и предотвращению распространения терроризма [4].

После обретения независимости Казахстан начинает расширять контакты со странами Запада. Исследования, посвященные изучению данного направления внешней политики, составляют отдельную группу. Изучению казахстанских инициатив по сотрудничеству с Евросоюзом в 2000 – 2010 гг. посвящены работы Р.С. Курмангужина. В них выделены основные этапы развития взаимоотношений Казахстана и ЕС в первом десятилетии XXI в., проанализированы программа «Путь в Европу» и другие концептуальные документы [5]. М.В. Лапенко и Д.К. Кенжебаева рассмотрели эволюцию двухстороннего сотрудничества Казахстана с рядом государств ЕС, их особенности и перспективы дальнейшего развития. Авторы пришли к выводу, что Республика Казахстан заинтересована в укреплении сотрудничества не только с ЕС, в целом, но и с отдельными государствами, входящими в его состав [6]. Важный вклад в изучении взаимоотношений Казахстана и Европейского союза внесла С.М. Нурдаuletова,

рассмотревшая в своих работах различные направления их сотрудничества. Она называет начало XXI в. новым этапом в развитие взаимоотношений Казахстана и ЕС, особое внимание в своих работах автор уделяет изучению сотрудничества в сфере экологии [7].

На рубеже веков усилился интерес к Казахстану со стороны США, что становится толчком в активизации сотрудничества между странами. Е.П. Ионова, используя статистические данные и материалы выступлений политических лидеров, в своей статье она продемонстрировала масштабы и значение сотрудничества США и Казахстана. По её мнению, обеспечение региональной безопасности, борьба с терроризмом, производство энергетических ресурсов, развитие торговых путей являются направлениями для углубления стратегического партнерства между двумя странами [8]. В.Г. Цыплин рассматривает казахстано-американские отношения на современном этапе, как фактор, представляющий угрозу геополитическим интересам России в регионе и являющийся противовесом для ЕАЭС [9].

Так сложилось, что наибольшее внимание исследователи уделяют изучению взаимоотношений Казахстана с Россией, выступающей наследницей СССР и являющейся лидером СНГ. Перспективам, проблемам и особенностям приграничного сотрудничества России и Казахстана посвящены исследования М.К. Жундубаева, в которых проанализированы особенности экономического сотрудничества между странами, социально-гуманитарные аспекты взаимоотношений, деятельность по борьбе с преступностью. На основании этих данных автор делает выводы о перспективах, проблемах и возможностях дальнейшего развития приграничного сотрудничества между Россией и Казахстаном [10]. В 2015 – 2016 гг. опубликованы статьи О.Ю. Курныкина, посвященные российско-казахстанскому сотрудничеству. В них проанализированы факторы, повлиявшие на внешнюю политику Казахстана, рассмотрены особенности ее реализации на протяжении двух с половиной десятилетий, и дана характеристика перспективам и направлениям развития казахстанско-российских отношений. Как и многие другие исследователи О.Ю. Курныкин высоко оценивает многовекторную модель внешней политики Казахстана, отличающуюся рациональностью и прагматизмом. Он предполагает, что в наши дни сложились благоприятные условия для развития сотрудничества между Россией и Казахстаном в военно-стратегической, гуманитарной, экономической сферах [11]. В.В. Огнева в своей статье называет наиболее актуальные проблемы сотрудничества между Казахстаном и Россией и выдвигает предложения по их решению [12].

За годы независимости между Казахстаном и Китаем сложились добрососедские отношения, реализующиеся через политическое, экономическое, военное сотрудничество. Данная группа исследований, представленная большим количеством работ, посвященных различным аспектам сотрудничества между странами. Китайскому направлению внешней политики Казахстана в 1991 – 2001 г. посвящены исследования Е.В. Савковича. Он проанализировал факторы,

повлиявшие на формирование взаимодействия между КНР и Казахстаном, интересы, цели и подходы сторон к сотрудничеству, концептуальные подходы к осуществлению внешней политики в целом. Автор рассмотрел формирование нормативно-правовой базы, пограничное урегулирование между странами, деятельность по обеспечению безопасности в Азии, развитие контактов в сфере экономики, торговли, энергетики и т.д. Е.В. Савкович утверждает, что отношения между Китаем и Казахстаном обладают перспективой и могут выйти на стратегический уровень [13]. По мнению К.Л. Сыроежкина в Центральной Азии Китай обладает экономическими и политическими интересами и будет стремиться расширить свое влияние в регионе. Он акцентирует внимание на присутствии китайского капитала в нефтедобывающем комплексе Казахстана, что в дальнейшем может создать проблемы для государства [14]. Р.М. Валеев и Л.И. Кадырова рассматривают культурные связи между Китаем и Казахстаном, как фактор, играющий важную роль в развитии дипломатических отношений между странами. По их мнению, сотрудничество культурно-гуманитарное сотрудничество между КНР и Казахстаном находится на высоком уровне и в дальнейшем будет углубляться [15]. Особый интерес представляет статья Г.У. Хаджиева «Казахстан и Китай: современный этап всестороннего стратегического партнерства». В ней рассмотрены основные вехи развития отношений между странами и на основании анализа ряда факторов дает оценку современному казахско-китайскому сотрудничеству [16].

В настоящее время Казахстан является лидером Центральной Азии, и его внешняя политика в регионе обладает своей спецификой и особенностями. Исследования, посвященные данному вопросу, составляют отдельную группу. Важный вклад в изучение международных отношений в центрально-азиатском регионе внес доктор политических наук М.Т. Лаумулин. Особое внимание в своих работах он уделяет вопросам, связанным с обеспечением безопасности в Центральной Азии и интересам ведущих стран мира в регионе. В его монографиях и статьях рассмотрены особенности развития и реализации внешней политики Казахстана. В связи с тем, что изучением международных отношений в Центральной Азии М.Т. Лаумулин занимается на протяжении многих лет, проанализировав его работы хорошо заметно, как менялось положение и значение региона в течение почти трех десятилетий [17]. В исследовании Ш.Б. Закиевой посвященном интеграционным процессам в Центрально-Азиатском регионе, рассмотрен ряд вопросов, связанных с особенностями развития Казахстана и местом в системе международных отношений. В данной работе анализируются интересы мировых держав в Центральной Азии, геополитическую ситуацию, предпосылки и механизмы интеграции в регионе, проблемы безопасности Республики Казахстан. Следует отметить, что Ш.Б. Закиевой рассмотрен широкий спектр вопросов, позволяющий дать всестороннюю оценку процессам, происходящим в регионе. Можно утверждать, что автор смогла точно оценить особенности развития интеграционных процессов в регионе и дать верный прогноз внешней политике Казахстана в Центральной Азии [18].

С.К. Кушкумбаевым проанализированы особенности развития отношений между странами центрально-азиатского региона и роль Казахстана в этих процессах, сделан акцент на том, что Казахстан стремится к обеспечению стабильности и безопасности в регионе, созданию благоприятной внешнеэкономической и внешнеполитической среды [19].

Последнюю пятую группу исследований составляют работы, посвященные взаимоотношениям с остальными странами. Влияние Японии на Новый Шелковый Путь в Центральной Азии, особенности японско-казахских взаимоотношений и перспективы их дальнейшего развития рассматриваются в статье К.П. Курылева и А.Г. Серикбаевой [20]. Этапы развития партнерства, особенности торговых, экономических, культурных, гуманитарных взаимоотношений между Казахстаном и Южной Кореей были подробно рассмотрены в масштабной монографии Г.Е. Кима [21]. А.А. Бердалиевой проанализированы основные направления внешней политики Казахстана, его интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, проблемы обеспечения безопасности и многие другие вопросы [22].

Таким образом, проведенное исследование историографии внешней политики Казахстана, можно утверждать, что данный вопрос привлекает внимание исследователей. Опубликованы многочисленные работы, посвященные различным направлениям, отраслям и особенностям внешней политики государства. При этом остаются вопросы, нуждающиеся в дальнейшем изучении. Например, недостаточно внимания уделяется исследованию геополитических интересов и особенностей политики Казахстана в Центральной Азии, несмотря на то, что Республика играет важную роль в регионе и является его лидером.

Ссылки и примечания:

1. Токаев К. Дипломатия Республики Казахстан. Астана: Елорда, 2001. 552 с.
2. Медеубаева Ж.М. История формирования внешнеполитической доктрины Республики Казахстан (1991-2010 годы): монография. Астана, 2012. 288 с.
3. Внешняя политика Казахстана: формирование и развитие (1992-2000 гг.) Троицкий Е.Ф. Вестник Томского государственного университета. 2010. № 337. С. 96-99.
4. Бердалина А.С. Внедрение принципа толерантности во внешней политике Республики Казахстан В сборнике: Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Редколлегия: И.А. Ветренко (отв. ред.), А.М. Балацкий, И.К. Жуков [и др.]. 2017. С. 192-197.
5. Республика Казахстан – Европейский Союз: казахстанские инициативы по сотрудничеству с Евросоюзом (2000-2010) / Р.С.Курмангужин. Астана. «Жаркын Ко». 2014. 176 с.; Курмангужин Р.С. Из истории разработки казахстанской государственной программы «Путь в Европу» // Право и политика. М. 2012. №2. С. 273–281; Курмангужин Р.С. О вкладе Казахстана в

- создании Стратегии нового партнёрства Европейского Союза со странами Центральной Азии на 2007 – 2013 годы // «Вестник Томского государственного университета». 2012 г., №360 июль. С. 90-93.
6. Основные тенденции и перспективы двусторонних отношений республики Казахстан со странами ЕС Кенжебаева Д.К., Лапенко М.В. Современные евразийские исследования. 2017. № 2. С. 72-81.
 7. Нурдаuletова С.М. Сотрудничество Республики Казахстан и Европейского Союза в сфере экологии. Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. №2 (62). 2013 С. 142-146; Нурдаuletова С.М. Республика Казахстан и Европейский Союз: новый этап сотрудничества (2000 – 2007 гг.) : дис. канд. ...истор. наук :07.00.15 / Каз. нац. унив. им. Аль-Фараби. Алматы, 2007. 136 с.
 8. Ионова Е.П. Проблемы стратегического партнерства Казахстана и США. Россия и новые государства Евразии. 2012. № 2 (15). С. 72-77.
 9. Цыплин В.Г. Современные казахстано-американские отношения как система противовесов ЕАЭС В сборнике: Политика обеспечения продовольственной безопасности современной России и стран ЕАЭС: региональное измерение Сборник научных статей. 2015. С. 149-154.
 10. Приграничное сотрудничество между республикой Казахстан и Российской Федерацией на современном этапе: характер развития, проблемы и перспективы. : автореферат дис. ... канд. полит. наук : / 23.00.04 / Жундубаев Марат Куниcбайулы. Москва, 2014. – 33 с.
 11. Курныкин О.Ю. Внешняя политика Казахстана и перспективы российско-казахстанских отношений Дневник АШПИ. 2016. № 32. С. 271-276.; Курныкин О.Ю. Потенциал и факторы сотрудничества приграничных регионов России и Казахстана.. Дневник АШПИ. 2015. № 31. С. 244-249.
 12. Огнева В.В. Приграничное сотрудничество России и Казахстана: современные горизонты //Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 2. С. 176 – 179.
 13. Китай во внешней политике Республики Казахстан в 1992 – 2001 гг. : автореферат дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Савкович Евгений Владимирович. Томск , 2005. 30 с.
 14. Сыроежкин К.Л. Присутствие Китая в энергетическом секторе Центральной Азии. Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. № 1. С. 23-46.
 15. Валеев Р.М., Кадырова Л.И. Казахстанско-китайские культурные связи Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3. С. 117-122.
 16. Хаджиева Г.У. Казахстан и Китай: современный этап всестороннего стратегического партнерства. Вестник университета Туран. 2017. № 4 (76). С. 35-40.
 17. Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Том V: Центральная Азия в XXI столетии – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. 440 с.; Безопасность Центральной Азии в контексте ситуации в Афганистане после 2014 года Лаумулин М. Центральная Азия и

- Кавказ. 2013. Т. 16. № 3. С. 7-23.; Позиция Казахстана по вопросам водопользования Лаумулин М.Т. Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. 2012. № 6 (27). С. 5-10.
18. Закиева Шынар Болатовна. Интеграционные процессы в Центрально-Азиатском регионе: интересы Казахстана : Дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 : Москва, 2005. 216 с.
19. Кушкумбаев С.К. Центрально-азиатский вектор внешней политики Казахстана: поиск оптимальной модели сотрудничества. / Республике Казахстан – 15 лет: достижения и перспективы: материалы научно-практической конференции (28 ноября 2006 г.). Алматы: Киси при президенте РК, 2007. 204 С.
20. Курьлев К.П., Серикбаева А.Г. «Дипломатия великого шелкового пути»: Казахстан – Япония. Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. № 1 (40). С. 132-140.
21. Ким Г.Н. Казахстан – Южная Корея: по пути стратегического партнерства: монография. – В двух книгах. Книга 1. Этапы партнерства и сотрудничества. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2012. 392 с.; Ким Г.Н. Казахстан-Южная Корея: по пути стратегического партнерства. Книга 2 Монография. – В двух книгах. Книга 2: Сборник документов. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2012. 432 с.
22. Бердалиева, Акзер Алиевна. Стратегия Республики Казахстан в азиатско-тихоокеанском регионе : Национальные интересы, приоритеты, направления : автореферат дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Дипломат. акад. МИД РФ. Москва, 2003. 20 с.

Отечественная история

УДК94 (477.6) “105”

А.В. Колесник

доктор исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: akolesnik2007@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ДОНБАССЕ В ПЕРВОБЫТНОЕ ВРЕМЯ

Аннотация

Для периода 120-35 тыс. л. н. характерны модели расселения и землепользования на основе мобильного охотничье-собирательского хозяйства. 35-11 тыс. л. н. широкое развитие получили «стационарные» модели хозяйственной и поселенческой активности. В последующем (11-9 тыс. л. н.) неравномерность ресурсной базы провоцировала формирование отдельных связанных между собой экономических районов. На заключительных этапах каменного века (9-7 тыс. л. н.) эта система расселения и землепользования получила дальнейшее развитие с учетом появления производящих форм экономики в пищевой сфере и развития межплеменного обмена.

Ключевые слова: *Донбасс, расселение, землепользование, первобытное время, ресурсные стратегии, экономическая зона.*

Summary

The territory of modern Donbass was systematically settled in the Middle Paleolithic about 120 thousand years ago. Throughout the Stone Age, there have been consistent changes in patterns of the systems of population diffusion and land use in extensive and intensive forms of economy. In this process, there is a certain rhythm that practically coincides with the archaeological periods and, indirectly, with the stages of the natural and climatic history of Donbass. For the period of 120-35 thousand years ago, patterns of population diffusion and land use based on a mobile hunting and gathering economy are typical. 35-11 thousand years ago, “stationary” models of economic and settling activity within a vast (within a radius of 80-120 km) zone of exploitation of natural resources were widely developed. Subsequently, against the background of the formation of the modern climate (11-9 thousand years ago), a pronounced natural-climatic zoning with mosaic landscapes was formed. They were used with varying intensity; an uneven resource base provoked the formation of separate

interconnected economic areas. At the final stages of the Stone Age (9-7 thousand years ago), this system of population diffusion and land use was further developed taking into account the emergence of productive forms of economy in the food sector and the development of tribal exchange. Intensive economic and demographic development of the steppe expanses occurred in the Donetsk region in the period of widespread introduction of copper and copper alloys, as well as the development of cattle breeding in the next period of history.

Keywords: *Donbass, settling, land use, prehistoric time, resource strategies, economic area.*

Введение

Фундаментальное значение для понимания исторического процесса имеет анализ систем расселения и землепользования, которые фактически суммируют демографические, экономические и (частично) социальные процессы. В настоящее время по отношению к первобытной истории для освещения этих проблем широко используется теория ресурсных стратегий и её дериваты. Согласно этой теории, наиболее привлекательными для заселения являются участки ландшафта в зоне концентрации разнородных ресурсов, как пищевых, так и не пищевых (минеральных). Их можно определить также на статичные и динамичные ресурсы [1]. Присутствие людей в таких зонах позволяло им контролировать и использовать различные пищевые источники или применять различные системы пищевого производства, а также поддерживать и развивать материальное производство. Участки ландшафта с повышенным ресурсным потенциалом интенсивно использовались и заселялись людьми, независимо от культурного типа. В «доистории» этот эффект описывается в основном в рамках теории интенсивности заселения (theory of intensity of occupation) [2]. Теории ресурсных стратегий близки теории поселенческих стратегий и концепция типов мобильности [3].

Вместе с тем, теория интенсивности заселения ориентирована в основном на изучение человеческих коллективов, практиковавших охотничье-собираТЕЛЬскую экономику, и имеет ограниченную ценность при анализе ранних земледельцев и скотоводов. В задачу настоящей работы входит исследование поселенческих стратегий, моделей землепользования и хозяйственной адаптации различных сообществ людей на территории Донбасса в первобытное время в рамках экономик присваивающего и производящего типа. Работа базируется на теории ресурсных стратегий, расширяет область применения этой теории на заключительный этап первобытности, направлена на формирование целостного представления о системе расселения и землепользования в первобытное время, установление закономерностей в развитии этих систем. Фактически речь идет об установлении базовых признаков исторического процесса в региональном измерении. Для территории Донбасса такая работа проводится впервые и требует согласования базовых понятий (см. глоссарий). Хронологические рамки работы охватывают период от 120 тыс. лет назад до 7 тыс. лет назад – фактически весь

каменный век в Донецком регионе, по археологической схеме. Вопросы популяционной динамики в статье не рассматриваются.

Системы расселения и землепользования

В период 120-35 тыс. лет назад в пределах физико-географической зоны Донбасса развивались модели адаптации, приспособленные преимущественно к открытым ледниковым и умеренно облесенным межледниковым ландшафтам с различными стадными копытными (ископаемый бизон, благородный олень, плейстоценовая лошадь). В рамках таких моделей, существенно отличающихся от способов хозяйственного приспособления людей к природному окружению в горных странах, фундаментальное значение для расселения имели промысловые животные как основной источник пищи, и фактор кремневого сырья, необходимого для производства каменных орудий труда. В силу особенностей геологической истории сырьевая база основывалась на качественном меловом кремне, аллювиальном кремне различного генезиса и палеогеновом кварците. Кремнистые породы иного минерального состава встречаются редко. Характер пространственного распределения кремневого и кварцитового сырья способствовал образованию значительного количества участков с повышенной ресурсной привлекательностью, с оптимальным сочетанием статичных и динамичных ресурсов. В первую очередь это касается Северо-Западного Донбасса. Именно этот район был наиболее интенсивно освоен в рассматриваемый период. Есть основание предполагать, что в среднем палеолите заселялись и интенсивно использовались, прежде всего, участки с богатыми залежами каменного сырья; имеет место хорошо выраженная сырьевая доминанта в хозяйственной адаптации. Сырьевая стратегия неандертальского населения Донбасса строилась исключительно на использовании местных источников камня, расстояние от поселений до геологических источников кремня и кварцита не превышает 20-30 км.

Такое расстояние маркирует экономическую зону поселений в пределах «ранцевой» стратегии [4]. В пределах Донбасса и на его периферии изучены остатки небольших сезонных стойбищ (преобладают), мастерских и стоянок со следами неоднократного заселения. Связанность фракций кремневого инвентаря, рассредоточенных на соседних участках ландшафтов, видимо, отражает связанность эпизодов хозяйственной деятельности и фактически отражает наличие одного «большого поселения» подвижной популяции с локальными дневными «филиалами» на месте ночлега, охоты и т.д. Фактически речь идет о приносе, изготовлении на месте и импортировании на короткие дистанции орудийных наборов и текущего запаса заготовок и сырья в составе небольшого индивидуального «ранца». При этом следует понимать, что одна популяция неандертальцев, в зависимости от типа мобильности, контролировала весьма значительные территории. Косвенным показателем хозяйственной зоны может служить размах миграций стадных копытных, на которые охотились группы неандертальцев. По этой причине суммарная площадь, сохранившая следы

пребывания одной относительно небольшой группы неандертальских охотников-собирателей в рамках годового хозяйственного цикла в равнинных условиях, трудно поддается учету.

В целом, сохранившиеся культурные слои поселений среднего палеолита Донбасс (Курдюмовка и др.) и соседнего Северо-Восточного Приазовья (Рожок, Носово) характерны для небольших сезонных охотничьих лагерей [5], оставленных небольшими постоянно (круглогодично) мигрировавшими мобильными группами людей. Повышенная подвижность небольших коллективов охотников-собирателей (постоянная миграция за стадами копытных животных), ранцевая сырьевая стратегия (*omnia mea mecum porto* - все свое ношу с собой), упрощенная функциональная типология поселений (кратковременные охотничьи лагерь и мастерские) отражают особую «неандертальскую» систему расселения и землепользования начального этапа истории Донбасса.

В период 35-11 тыс. лет назад на юге Русской равнины и в Донбассе, в частности, климат, в целом, отличался чрезвычайно суровыми условиями, особенно в конце ледниковой эпохи. Господствовали сухие перигляциальные степи с островками байрачных лесов в поймах рек и балок. В пределах Донбасса сформировались мозаично расположенные участки различных ландшафтов при доминировании открытых ландшафтов, заселенных преимущественно стадными копытными степной фации позднепалеолитического фаунистического комплекса (бизон, лошадь, северный олень и др. животные). В финальном палеолите на фоне дальнейшего иссушения климата широко распространяются виды плейстоценовых лошадей. Сезонная цикличность систем жизнеобеспечения приводила к образованию системы адаптации, в основе которой лежали экономические зоны с рассредоточенными в пространстве охотничьими угодьями, с различными комбинациями «сезонности» и «оседлости» [6].

Природно-климатическая обстановка, периодически приближавшаяся к экстремальной, а также охотничье-собираТЕЛЬСКИЙ тип экономики, ориентированный на добычу крупных копытных животных [7], стимулировали развитие особых поселенческих стратегий на юге Русской равнины в это время. Развитие взглядов на этот вопрос сопровождалось острыми дискуссиями, преимущественно связанными с правомочностью выделения особой степной историко-культурной области. Полемика вызвана тем обстоятельством, что концепция особой степной адаптации изначально была вплетена в базовую теорию позднего палеолита Восточной Европы и затрагивала все аспекты жизни людей того времени. Обзоры проблемы содержатся во многих критических и историографических очерках [8] и не нуждаются в детализации. Суммарно, полемика вокруг поселенческих стратегий южной зоны прошла несколько важных этапов. Толчком к развитию концепции послужили взгляды П.П. Ефименко и П.И. Борисковского, которые реконструировали мобильный (бродячий) образ жизни степных охотников на бизонов, сезонный характер поселений и мест забоя животных [9]. По мнению этих авторов, широкое распространение холоднолюбивых мигрирующих стадных копытных провоцировало появление

соответствующих форм охотничье-собирательского хозяйства. Резкое возрастание мобильности в это время отмечено во всей перигляциальной зоне, основным типом стоянок становятся кратковременные сезонные охотничьи лагеря, состоящие из одного или нескольких небольших хозяйственно-бытовых комплексов. Одновременно М.Г. Гвоздовер высказала сомнение в отношении кратковременного характера степных памятников [10]. В 70-е годы прошлого века существенное влияние на полемику оказала концепция хозяйственно-культурных типов (ХКТ), сформированная ранее в среде этнографов [11]. Выделялись различные ХКТ позднего палеолита [12], в том числе охотников на бизонов. На всех этапах дискуссии система условной «степной адаптации», состоявшая из особых поселенческих стратегий и форм специализированной охоты, во многом противопоставлялась образу жизни охотников-собирателей центра Русской равнины с крупными поселками и жилищами из костей мамонта. Вопросы касались длительности обитания, сезонности, форм охотничьей специализации, комплексности хозяйства, и др. Вместе с тем, О.А. Соффер убедительно показала сезонность базовых поселений и гибкие поселенческие стратегии позднепалеолитических охотников центра Русской равнины [13]. Одновременно становилась очевидной развитая структурированность поведения охотников-собирателей южной зоны [14], разнотипность стоянок [15], сложность организации пространства поселений [16]. В настоящее время, при признании очевидных культурных отличий, противопоставление образа жизни охотников-собирателей двух соседних географических зон не выглядит столь контрастным. Сочетание резидентного и логистического типов мобильности, отмеченное А.Ф. Гореликом для памятников финального палеолита Роголико-Передельского района на левобережье Северского Донца [17], видимо, справедливо по отношению ко всем регионам Восточно-европейской равнины.

Комплексная система жизнеобеспечения и природопользования позволяла местному населению эффективно использовать ресурсы своей экономической зоны без значительных перемещений, не говоря уже о каких-либо перманентных миграциях. Развитая структура «точек присутствия» (базовые поселки, сезонные и эфемерные стойбища, места забоя животных, ближние и удаленные мастерские, и т.д.) обеспечивала круглогодичный контроль за условной экономической зоной. В этом смысле, вместе взятые «точки присутствия» и были единым поселением, с различными в сезонном и функциональном смысле «филиалами». «Представляемая структура размещения разнотипных стоянок и местонахождений, в зависимости от их сезонной принадлежности, предполагает обитание каждого первобытного коллектива в пределах достаточно ограниченной территории в период всего годового цикла» [18]. Наиболее разработана модель заселения и поселенческих стратегий в дельте Дона; на основании ряда признаков обсуждается зона системного экономического контроля («районы частого и редкого посещения») в пределах 80 км. Сырьевые провизоры, обеспечивавшие систематическую поставку кремневого сырья в район базового поселка из районов Южного Донбасса (на расстоянии 80-120 км), были организованы по типу

охотничьих рейдов, уходивших на среднее (до 20-30 км) и дальнее (до 80 км) расстояние в составе групп из 5-6 человек. Скорее всего, такая модель расселения и землепользования должна быть признана базовой для первобытных коллективов юга Русской равнины, в том числе и для Донбасса.

Предполагаемая «стационарная» модель расселения и землепользования населения степной зоны требовала высокой степени структурированности экономики и организации эффективной системы поставок различных продуктов, веществ и материалов. «Миграционная» модель поселенческих стратегий обсуждается по отношению к позднему и финальному палеолиту Северной Евразии, но эта модель в основном связана с охотой на северного оленя [19], и к Донбассу имеет косвенное отношение.

Видимо, обеспечение кремневым сырьем Северного, Северо-Восточного Приазовья в позднем палеолите также следует связывать с прямыми пешими поставками, так как максимальное расстояние от стоянок до потенциальных источников кремня фактически не превышает здесь 120 км. Наиболее показательны в этом отношении позднепалеолитические памятники каменнобалковской группы недалеко от г. Таганрога. Кремневая индустрия этих стоянок, вероятно, базировалась на сырье из сравнительно недалеко месторождений бассейна р. Крынки в Южном Донбассе. В позднем палеолите одним из таких районов, безусловно, было среднее течение Северского Донца [20]. Другая группа моделей использования сырьевого потенциала была основана на эксплуатации источников кремня, расположенных непосредственно в пределах экономической зоны стоянки.

Таким образом, в конце последней ледниковой эпохи на территории Донбасса практиковались дисперсные модели расселения, а также системы землепользования, основанные на адаптации к двум базовым факторам – каменному сырью и стадным копытным как основному источнику пропитания. Экстенсивный тип экономики, видимо, вовлекал в совокупную экономическую зону поселений практически все пространства, с учетом размытой «дальней» границы охотничьих угодий.

В период 11-9 тыс. лет назад развитие человеческих популяций происходило на фоне системных природно-климатических изменений в основном в пределах пребореального и бореального этапов климатической истории раннего голоцена [21]. Во время пребореального климатического этапа в бассейне Северского Донца произрастали березово-сосновые леса с примесью широколиственных пород, южнее распространялись дернинно-злаковые степи [22]. В бореальный период граница лесостепи простиралась южнее современной, климат был холоднее и влажнее современного [23].

На фоне культурной мозаики того времени выделяется Донецкая мезолитическая культура, наибольшая по площади распространения и количеству изученных памятников. Расцвет культуры приходится на период 9-8 тыс. лет назад. Система расселения и землепользования населения данной культуры представляет особый интерес в аспекте нашего анализа, так как в хозяйственной

адаптации культуры впервые отмечены признаки экономического районирования. Экономика была комплексной, пищевая отрасль базировалась на охоте и собирательстве в пределах облесенных участков долины Северского Донца. Именно здесь располагалась область стационарных и сезонных поселков. Систематическое исследование этих древностей ведется, начиная с 20-х гг. прошлого века [24]. Подавляющее количество поселков располагаются на песчаных дюнах в долине Донца и на краю боровой террасы на левом берегу реки. После стабилизации ландшафтов в раннем голоцене край боровой террасы был участком наивысшей концентрации разнообразных пищевых ресурсов и стабильно заселялся вплоть до исторической современности [25]. В рамках т.н. «пост-плейстоценовой адаптации» [26] происходит выработка наиболее продуктивных форм присваивающей экономики в пищевой сфере, в том числе в зонах повышенной концентрации суммарной биомассы, подобных долине Северского Донца. При этом основной базой каменного сырья был расположенный к югу участок Донецкого кряжа с большим количеством месторождений качественного темно-серого кремня – Бахмутско-Торецкая котловина. Можно предположить, что именно здесь формируется достаточно крупный производственный центр, включавший целую сеть кремнеобрабатывающих мастерских начального цикла [27]. Расстояние от левобережной поймы Северского Донца до максимально удаленной мастерской ус. Белая Гора не превышает 60-70 км по прямой линии. Такая дистанция допускает прочную экономическую связанность районов производственной и поселенческой активности. Таким образом, мы имеем возможность проследить уникальную бинарную структуру землепользования у населения позднего мезолита среднего течения Северского Донца и соседнего участка Северо-Западного Донбасса. Хозяйственная специализация территорий была прямо детерминирована особенностями ресурсной базы отрогов Кряжа и долины Донца.

Экономическая основа племен юга Днепро-Донского междуречья в период 9-7 тыс. лет назад была разнообразной. Предполагается широкий спектр моделей от присваивающего хозяйства с элементами земледелия и скотоводства, до производящей экономики фермерского типа, которая окончательно сложилась только в раннем бронзовом веке [28]. Существует мнение одоместикации лошади в этом секторе Степи в неолите [29]. Соответственно, стратегии расселения и землепользования неолитических племен были достаточно вариативными, в зависимости от культуры, времени ее существования и типа хозяйственной деятельности. Система расселения неолитических племен в пределах Донбасса в значительной степени наследует систему расселения мезолитического населения, что еще раз подчеркивает преемственность в регионе двух эпох каменного века. Основной археологической культурой является Донецкая неолитическая культура, занимавшая, по последним данным, среднее и нижнее течение р. Северский Донец. Основное количество поселений донецкой культуры связано с плодородной долиной Северского Донца и низовьями впадающих рек.

Экономическая база неолитических племен Донецкой культуры менялась во времени, присваивающие формы экономики дополнялись элементами земледелия и животноводства. Свидетельства этого крайне лаконичны. Так, «лишь на одном фрагменте керамики с поселения Серебрянское найден отпечаток зерновки пленчатого ячменя» [30]. Какие-либо каменные или костяные орудия сельскохозяйственного назначения на поселения не обнаружены. Гораздо больше признаков появления скотоводства. «На памятниках Донецкой культуры определены кости крупного и мелкого рогатого скота, а также лошади» [31]. Вместе с тем, А.Ф. Горелик пишет о высокоадаптивном присваивающем хозяйстве у населения Донецкой культуры низовьев Северского Донца [32]. В области кремневого хозяйства, видимо, была выработана гибкая система сырьевого обеспечения, основанная на эксплуатации местных и удаленных ресурсов. На ряде поселений, относящихся к раннему периоду существования культуры (Ольховая V и др.), эксплуатировались местные сырьевые источники – аллювиальный валунный кремль или кремль относительно невысокого качества из ближайших меловых обнажений [33].

Основное количество специализированных мастерских по производству кремневых нуклеусов и орудий с двусторонней обработкой Донецкой неолитической культуры к настоящему времени выявлены в пределах Бахмутско-Торецкой котловины Северо-Западного Донбасса. Расстояние от этих мастерских до долины Северского Донца относительно небольшое – в пределах 20-50 км. Как видно, сохраняется экономическое районирование в среднем течении Северского Донца, заложенное в предшествующее время.

Признаки экономического районирования отмечены также в Южном Донбассе на границе со степью. В долине р. Миус недалеко от г. Матвее Курган известно крупное стационарное поселение раннего неолита [34]. Экономика местной общины составляло комплексное хозяйство, в котором сочетались охота, собирательство, специализированный рыбный промысел и скотоводство. Рядом со стационарным поселком отмечены поселения-сателлиты, включенные в общий экономический каркас. Непосредственная экономическая зона группы поселков могла достигать 20 км. Была хорошо организована поставка кремневого сырья из геологических источников соседнего Южного Донбасса на удалении до 30 км.

На заключительных этапах каменного века в Донбассе формируется мозаичная система расселения и землепользования с участками, на которых практиковалась присваивающая и производящая экономика. В неолите в пределах Донбасса и соседних участков Северного Приазовья происходит складывание различных территориальных анклавов со своими моделями расселения и землепользования. Это способствовало активному развитию межплеменных контактов, обмену и дальнейшей экономической специализации отдельных районов.

Заключение

1. Система расселения и землепользования прошла длительную эволюцию на территории Донбасса в первобытное время. Эта эволюция может быть представлена как восходящий прогресс в системе оптимальной адаптации социального организма к динамично меняющейся природно-климатической среде. В основе адаптации людей среднего палеолита (120-35 тыс. лет назад) лежало предпочтительное заселение районов с большими сырьевыми запасами. Базовая сырьевая и поселенческая стратегия может быть описана как «ранцевая».

2. В период 35-11 тыс. лет назад в Донецком регионе сохранялись принципиально те же статичные и динамичные ресурсы, необходимые для выживания человеческих популяций. Экстремальность природно-климатической обстановки нарастала к финалу ледникового периода. Более сложные формы социального поведения людей того времени выразились в дальнейшей дифференциации материального производства и, как следствие, в более отчетливой функциональной специализации отдельных участков ландшафта. Предполагается «стационарная» модель в это время в рамках в рамках достаточно крупных (80-120 км от места постоянного обитания) районов поселенческой и производственной активности. Видимо, вся территория Донбасса входила в систему организованных таким образом охотничьих угодий.

3. Время раннего голоцена (11-9 тыс. лет назад) совпадает с первым этапом т.н. «пост-плейстоценовой адаптации» в условиях относительно теплого климата, развития лесной формации, появления новых сообществ животных и низкой плотности населения. Значительные участки пространства оставались незаселенными, пустынными, с точки зрения системы землепользования того времени. Интенсивно использовалась преимущественно долина Северского Донца и низовья его притоков. Водосборные участки «малых» рек посещались эпизодически. В структуре территорий наиболее изученной Донецкой мезолитической культуры предполагается выделение двух взаимосвязанных экономических районов.

4. Период 9-7 тыс. лет назад заселялись преимущественно долины крупных и средних рек (включая Северное Приазовье), дававшие ресурсную базу для комплексного пищевого хозяйства, а также участки Северо-Западного и Южного Донбасса с богатыми геологическими источниками кремня. Окончательно складывается экономическое районирование. Появляется первый опыт освоения степных пространств (матвеево-курганская культура).

Глоссарий

Расселение – процесс включения новых территорий человеческими коллективами в пространство их экономической, культурной и иной деятельности; расселение связано с расширением освоенной территории до естественных (географических) или ситуационных границ и напрямую зависит от популяционной динамики.

Модели расселения – варианты распространения человеческих популяций в пространстве в зависимости от типов ландшафтов, географии привычной среды обитания и характера ресурсной базы. Наиболее полярными являются линейные и дисперсные модели. При линейных моделях расселения происходило заселение в основном по речным долинам, морской береговой кромке, и т.д. При дисперсных моделях преобладало расселение по множественным векторам.

Землепользование – система эксплуатации недр и ландшафтов определенных территорий; ландшафты – однородные участки земной поверхности вместе с растительными и водными ресурсами, сформированные в результате длительной эволюции природы. В плане рельефа, ландшафты делятся на равнинные, горные, и т. д. Степень интенсивности землепользования напрямую связана с типом экономики и выражается в различных моделях.

Модели землепользования – варианты эксплуатации недр и ландшафтной оболочки в зависимости от уровня развития материального производства и пищевых стратегий, а также системы социальных отношений. Модели землепользования различаются по степени интенсивности эксплуатации ресурсов, включая землю, а также от специализации при использовании однородных ресурсов.

Поселение – участки пространства, маркированные остатками стационарных или сезонных жилых конструкций разных типов. Территория поселения, как правило, структурирована на отдельные хозяйственно-бытовые комплексы, изолированные жилища, блоки построек, и т.д., в зависимости от уровня развития общества и культурной традиции.

Экономическая зона поселения – пространство вокруг поселения, непосредственно вовлеченное в годичный цикл хозяйственной деятельности жителей поселка; размеры и структура экономической зоны существенно зависят от типа хозяйственной деятельности. Наиболее экстремальные размеры экономической зоны связаны с экстенсивным кочевым скотоводством; данный кочевой уклад жизни формируется на заключительных этапах первобытной истории и существует вплоть до современности. Понятие экономическая зона по отношению к охотничье-собираетельским обществам, как правило, замещается близким по смыслу понятием *охотничья территория*. Совокупность экономических зон поселений, оставленных близкородственным населением, проживавшим в группе соседних поселений, фактически соответствует территории распространения памятников отдельного варианта археологической культуры.

Структура поселений – система функционально связанных поселений разного типа, оставленных одной общиной или группой близкородственных общин в течение годичного цикла хозяйственной деятельности. Функциональная и сезонная специфика поселений согласуется с характером ресурсной базы территории расселения: пространственный каркас поселений, как правило, точно соответствует «карте ресурсов».

Функциональная типология поселений – дифференциация поселений по доминирующей хозяйственной направленности, связанной с эксплуатацией однородных ресурсов; затрагивает сезонные (временные) и круглогодичные (стационарные, базовые) поселения. Функциональная типология поселений последовательно менялась во времени в результате развития экономики и социальных отношений, поэтому является специфичной для каждой эпохи.

Ссылки и примечания:

1. Колесник А.В. Функциональная принадлежность памятника // Висла балка – позднепалеолитический памятник на Северском Донце. Археологический альманах, № 11. Донецк, 2002. С.142-147.
2. Dibble H., Rolland N. On Assemblage Variability in the Middle Paleolithic of Western Europe // *The Middle Paleolithic: Adaptation, Behavior, and Variability*. Eds. H. Dibble and P. Mellars. University of Pennsylvania. University Museum Monograph 78. 1992. P.1-27.
3. Binford L.R. Willow Smoke and Dog's Tails: Hunters-Gatherer Settlement Systems and Archaeological Site Formation // *American Antiquity*, 45, 1980. P.4-20.
4. Колесник А.В. Кремневые сырьевые стратегии Большого Донбасса в эпоху камня – палеометалла // Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы. Археологический альманах, № 20. Донецк, 2009. С.41-52.
5. Щелинский В.Е. Каменная индустрия Носово I в Приазовье: технологический аспект // Археологический альманах. Донецк, 1999. № 8. С. 109-128.
6. Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А. Палеоэкология равнинного палеолита. М., 2006. 342 с.
7. Миньков Е.В. Охотничье хозяйство населения Северного Причерноморья в эпоху позднего палеолита. Кандидатская диссертация. М., 1991. 418 с.
8. Сапожников И.В. Хозяйственная специфика степной историко-культурной области // КСИА. 1992. Вып. 206. С.43-48.
9. Борисковский П.И. Проблема развития позднепалеолитической культуры степной области // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964. С.1-8; Ефименко П.П. Переднеазиатские элементы в памятниках позднего палеолита Северного Причерноморья (к происхождению мадленской культуры Восточной Европы) // Советская археология, 1960, №4. С.14-25.
10. Гвоздовер М.Д. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона // САИ. Вып. А 1-5. Прил. 1. М.: Наука, 1964. С.37-41.
11. Левин М.Г., Чебоксаров М.М. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. № 4. 1955. С.3-17.
12. Гладких М.И. К вопросу о разграничении хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических общностей позднего палеолита // Палеоэкология

- древнего человека. М., 1977. С.112-117; Кротова О.О. Пізньопалеолітчні мисливці азово-чорноморських степів. К., 2013. 420 с.
13. Soffer O. The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. San Diego: Academic Press, 1985. 539 p.
 14. Краснокутский Г.Е. Охотничий промысел бизонов в позднем палеолите Северо-Западного Причерноморья: автореф. ... канд. ист. наук. К., 1992. 18 с.
 15. Кротова А.А. О хозяйственной деятельности позднепалеолитического населения степной зоны Восточной Европы // Археология, 1988, № 64. С.1-11.
 16. Леонова Н.Б. Жилые площадки и жилища: особенности формирования культурного слоя (на примере памятников юга Восточной Европы) // Кам'яна доба України. Вип. 4. Киев-Полтава, 2003. С.223-235.
 17. Горелик А.Ф. Памятники Роголикско-Передельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. Луганск, 2001. С.341.
 18. Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А. Палеоэкология равнинного палеолита. М., 2006. С.255.
 19. Васильев С.А., Абрамова З.Г., Григорьева Г.В., Лисицын С.Н., Синицына Г.В. Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. СПб, 2005. 106 с.
 20. Кротова А.А. Связи позднепалеолитического населения бассейна Северского Донца и центра Восточно-европейской равнины // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб, 2002. С.66-80.
 21. Горелик А.Ф. Мезолит Северо-Восточного Приазовья (вопросы культурно-хронологического членения) // Материалы каменного века на территории Украины. К., 1984. С. 4-23.
 22. Пашкевич Г.А. Динамика растительности Северо-Западного Причерноморья в голоцене, его изменения под влиянием человека // Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М.: Наука, 1981. С. 4-23.
 23. Герасименко Н.П. Развитие зональных ландшафтов четвертичного периода на территории Украины: автореф. ... докт. геогр. наук. К., 2004. С.23.
 24. Сибилев Н.В. Древности Изюмщины, вып. I. Изюм, 1926. 10 с., 40 табл.
 25. Колесник А.В., Давыденко В.В. Разведки памятников археологии в Подонцовье в 2008 г. // Святогірський альманах 2008. Донецьк: Донбас, 2008. С.28-38.
 26. Binford L.R. Post-Pleistocene adaptations // *New Perspectives in Archaeology* / Edited by S.R. Binford and L.R. Binford. Chicago: Aldine Publishing Company, 1968. P.313-341.
 27. Kolesnik A. Donbass (South-East Ukraine) – an important East European centre of flint-working // *Man and Flint. Proceeding of the VII th International Flint Symposium. Warszawa – Ostrowiec Swietokrzyski. September 1995.* Warszawa, 1997. S.209-216.
 28. Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск: Шлях, 2002. 268 с.

29. Котова Н.С. Материалы к проблеме доместикации лошади // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж, 1999.
30. Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск: Шлях, 2002. С.46.
31. Там же, с.53.
32. Горелик А.Ф. Сложение донецкой культуры и некоторые методологические проблемы “неолитизации” мезолитических культур // Древности Подонцовья. Луганск, 1997. С.32-39.
33. Горелик А.Ф., Выборный В.Ю. Итоговые результаты исследования неолитических памятников в устье р. Ольховой // Археологический альманах, №4. Донецк, 1995. С.105-126.
34. Крижевская Л.Я. Начало неолита в степях Северного Причерноморья. СПб, 1992. 176 с.

УДК 94:323(477.62)"1917"

Н.Н. Разумная

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: nnrazumnaya@mail.ru

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (НА ПРИМЕРЕ МАРИУПОЛЬСКОГО УЕЗДА)

Аннотация

В статье автором рассматривается исполнение распоряжений Временного правительства в провинции: создание милиции, проведение реформы местного самоуправления, создание общественных исполнительных комитетов, введение волостных земств и попытки решения аграрного вопроса, нововведения в сфере образования и т.д.

***Ключевые слова:** Временное правительство, Мариупольский уезд, Первая мировая война, волостное земство.*

Summary

This article deals with the execution of orders of the Provisional Government in the province: the creation of the local police, the reform of local government, the creation of public executive committees, the establishment of volost zemstvos, and attempts to solve the agrarian question, innovations in the field of education, etc.

***Keywords:** Provisional Government, Mariupol district, World War I, volost zemstvos.*

В связи с юбилеем окончания Первой мировой войны повышенный интерес вызывают события, происходившие в Донбассе более сотни лет назад. В условиях военного времени потребовалось огромное напряжение сил, как государства, так и органов местного самоуправления. В это время в губерниях Российской империи усложнялась система взаимодействия между тылом и фронтом, возросла материальная и моральная поддержка армии общественностью, активизировалась деятельность земств. Актуальные проблемы этого времени нашли отражение на страницах Мариупольского уездного земского делопроизводства. После свержения самодержавия, созданное в марте 1917 г. Временное правительство, пыталось найти возможные пути выхода из кризисной ситуации.

Целью данной статьи является рассмотрение процесса воплощения в жизнь провинции решений Временного правительства, направленных на решение основных внутривластных проблем.

В последнее время появляются публикации, посвященные различным аспектам деятельности Временного правительства. Рассматривается его законодательство в области реформирования городского самоуправления, вопрос о существовании церковноприходских школ, организационные и правовые меры, направленные на снижение остроты продовольственного кризиса в России после Февральской революции 1917 г. [1]. В статье Куталевского Н.М. освещается процесс модернизации системы местного управления на территории юго-восточных губерний России в данный период. Автор раскрывает роль земских деятелей, гражданских комитетов, Советов и политических партий в проведении выборов членов волостных земских собраний [2]. Работ, посвященных вопросу деятельности Временного правительства на территории Мариупольского уезда, к сожалению, не выявлено.

3 марта 1917 г. была опубликована Декларация Временного правительства. В первые дни после революции был уничтожен репрессивный аппарат самодержавия: полиция, жандармерия, цензура. Для охраны общественного порядка началось создание милиции, исполнительного органа земств.

В Мариупольском уезде Екатеринославской губернии приступили к расформированию корпуса жандармов, запасы оружия нижних чинов передавались уездным воинским начальникам для направления на артиллерийские склады. К примеру, был составлен перечень секретных дел помощника Екатеринославского жандармского управления за период с 1914 по 1917 гг. Среди них перечислялись следующие документы: об охране и сопровождении высокопоставленных лиц в губернии; переписка о наблюдении за иностранными подданными и шпионаже; переписка о благонадежности лиц пребывавших в резиденции государя и служащих в войсках гвардии, переписка об общественных движениях, аграрных беспорядках, забастовках и т.д. [3].

Доклад о содержании Мариупольского Уездного Крестьянского Союза, поскольку на его собрании 6 июня 1917 г. было избрано временное Правление в

составе 5 человек с жалованием председателю 225 руб. в месяц, секретарю – 225 руб. в месяц, всем остальным членам Правления – 200 руб. в месяц. В составе правления были избраны: И.Ф. Москаленко, Ф.И. Кириченко, Т.Е. Овсеенко, Ф.К. Луцик и кандидатом – Ф. Карманов [4].

В сентябре 1917 г. на заседании Мариупольского уездного земского собрания было заслушано представление от начальника милиции о необходимом штате и сметном содержании нового формируемого общественного института власти. В соответствии с проектом, в уезде была предусмотрена должность начальника, его помощника, создавалось управление милиции в составе 1 секретаря, 3-х столоначальников (по гражданскому, уголовному и бухгалтерскому делам), регистратора, машиниста (переписчика) и трех младших машинистов. Уезд планировалось разделить на 6 участков: в каждом из которых учреждалась должность участкового начальника милиции, с канцелярией, помещением для арестованных и тремя младшими милиционерами. Один младший милиционер находился в поселке при станции Еленовка. В соответствии с количеством волостей в Мариупольском уезде было определено количество старших милиционеров – 41 человек.

В докладе подчеркивалась необходимость достаточного материального обеспечения и высокого морального и интеллектуального уровня служащих милиции. Поскольку возрастающая дороговизна, в условиях военного времени, на предметы первой необходимости лишала возможности милицейских чиновников нормального существования. Те оклады, которые устанавливались после свержения самодержавия, давно не соответствовали возросшим ценам на продукты питания. Такое положение привело к печальным результатам, ко времени составления доклада (август–сентябрь 1917 г.) лучшие милицейские кадры и достаточно опытные, уходили с занимаемых должностей, оставляя вакантные должности для набора, по мнению докладчика, «больших неудачников». Предоставленная смета расходов из земских средств, на содержание чинов милиции, была дополнена статьей на приобретение мебели для Управления милиции и канцелярии участковых начальников в сумме 3000 рублей [5].

Таблица 1

Штаты и смета содержания чинов Мариупольской уездной милиции [6].

Наименование должностей	Число должностей	Заработная плата в месяц				Итого	Годовой оклад
		Жалование на 1 человека	Канцелярские расходы	На аренду помещения			
Начальник уездной милиции	1	400	-	-	400	4 800	
Помощник начальника уездной милиции	1	300	-	-	300	3 600	

Наименование должностей	Число должностей	Заработная плата в месяц				Итого	Годовой оклад
		Жалование на 1 человека	Канцелярские расходы	На аренду помещения			
Канцелярия управления милиции: секретарь	1	200	-	-	200	2 400	
столонячий	2	150	-	-	300	3 600	
регистратор	1	100	-	-	100	1 200	
Машинист (переписчик)	1	100	-	-	100	1 200	
Канцелярские и хозяйственные расходы	-	-	250	-	250	3 000	
Наем помещения для управления милиции	-	-	-	-	83 руб. 33 коп.	1 000	
Участковые начальники милиции	6	200	80	40	1920	23 240	
Старшие милицеекие волостей	41	100	-	-	4100	49 200	
Милиция по 3 на квартирах участковых начальников милиции и 1 в поселке при старшем	15	70			1330	19 950	
Милиция при управлении милицией	3	90			270	810	
Всего	16	1710	330	40	9 353 руб. 33 коп	114 000	

После получения на местах очередных номеров «Известий Временного правительства» с постановлениями, был заслушан доклад о введении в уезде волостных земств. Были изданы отдельные брошюры для разъяснения населению по данному вопросу (в количестве 6 000 экземпляров на территории уезда). В ходе работы специальной комиссии уездного земства выяснилось, что вместо 41 существующей волости по приговорам сельских обществ планировалось создать 66 волостных земств. Указывалось, что население Мариупольского уезда с пониманием отнеслось к данному вопросу, работали инструктора по разъяснению населению необходимости проведения земской реформы. Уездной комиссией были назначены выборы в волостные земства на 13 августа 1917 г. На территории уезда были созданы: Никольское, Андреевское, Урзуфское, Еленовское, Чермалыкское, Константинопольское, Петровское (крепость), Стародубовское, Ольговское, Старо-Крымское, Златоустовское, Волновахское и т.д. волостные земства [7].

30 июля 1917 г. состоялось открытие чрезвычайного Мариупольского уездного земского собрания, на котором присутствовал 21 гласный и 4 представителя управы. Председателем собрания был перечислен перечень вопросов подлежащих рассмотрению. Среди прочих было оговорено, что в связи с активизацией деятельности земств в годы войны, возникла острая необходимость приглашения в уезд юрисконсульта с оплатой в 1180 руб. 53 коп. в год, со внесением данной суммы в смету 1918 г. [8].

В мае-июне 1917 г. была проведена реформа местного самоуправления. Новыми органами местной власти стали общественные исполнительные комитеты (или комитеты общественной безопасности). Создавались волостные земства, заменившие в мае все другие волостные органы власти, и районные городские думы.

В свою очередь Екатеринославский Губернский исполнительный комитет рабочих, солдатских и крестьянских организаций уже 26 августа 1917 г. направил в Мариупольскую уездную управу циркуляр следующего содержания.

Екатеринославский Губернский Исполнительный комитет заслушал на пленарном заседании 19 августа 1917 г. доклад своего Председателя о финансировании Временным правительством исполнительных комитетов. Здесь выяснилось, что средств отпущенных на Екатеринославский губернский исполнительный комитет недостаточно для выполнения всех возложенных на него функций, а именно: издание двух печатных газет «Бюллетеней» и «Известий» и популярных брошюр, посылке делегатов во все уезды губернии для решения всех возникающих конфликтов, но и само существование губернского исполнительного комитета становилось невозможным [9]. Учитывая, что существование губернского исполнительного комитета, являющегося революционным органом, безусловно, было необходимо, Комитет обратился во все уездные земства, городские самоуправления и общественные организации, посылающие своих представителей в его состав с предложением финансировать ежемесячно или единовременно суммы на нужды Губернского исполнительного комитета [10]. На что в уездной управе ответили отказом, поскольку в связи с финансовым кризисом перерасход по смете на 1917 г. к тому времени был колоссальным.

В сфере проведения социально-экономических реформ первое место по своему значению и неотложности занимало проведение аграрной реформы. 8 августа 1917 г. Екатеринославский отдел Лиги аграрных реформ направил уездным земским управам распоряжение соответствующего содержания. Поскольку решение аграрного вопроса обсуждалось в программах всех политических партий, население было заинтересованно в решении данного вопроса на Учредительном Собрании.

Лига аграрных реформ в мае 1917 г. (в состав которой вошли общественные деятели, земские работники, представители комитетов всех партий, Крестьянского союза, Совета рабочих депутатов и т.д.) приступила к работам по решению аграрного вопроса, Екатеринославская губерния не была исключением из правил. В частности предполагалось: составить и свести воедино все статистические данные о размерах и подробном распределении земельного фонда в пределах губернии и конкретно по каждому уезду, его использовании в период войны. Определить размеры посевной площади и ее распределение в зависимости от форм собственности. Предполагалось собрать информацию о ценах на землю. Выявить число нуждающихся в земельной собственности, как в пределах всей губернии, так и конкретно в каждом уезде.

Предполагалось также специально провести аграрно-экономическое исследование, с целью установления потребительских норм землевладения, определить значение крупного и мелкого хозяйства. Предполагалось издание результатов всех проведенных статистических работ с целью дальнейшего использования уездными земствами, Земельными Комитетами и партиями. Подчеркивалась необходимость создания и деятельности книжного склада аграрной литературы для снабжения земств и общественных организаций, при проведении лекций, диспутов и съездов по аграрному вопросу и т.д.

В докладе земской управы говорилось, что перечисленные мероприятия выполнялись уже с осени 1917 г. Работы по сведению воедино всей полученной информации от статистического отдела губернского и уездных земств, Землеустроительной комиссии, от дворянского и Крестьянского банков и других учреждений планировалось завершить к январю 1918 г. Для чего на места направлялась своего рода анкета следующего содержания: указать количество земли в губернии и по уездам, пригодной и непригодной. Как распределялся земельный фонд в губернии и по уездам по различным категориям владельцев (сельскими, общественными учреждениями и частным владельцам по сословиям) и по категории размеров владений (отдельно до 5 д., 5–10, 10–20, 20–50, 50–100, 100–200, 200–500, 500–1000, 1000 и выше).

Запрашивалась информация о формах крестьянского землевладения, количества земли и дворов в различных обществах с указанием площади, оставшейся в общественном землевладении и земли закрепленной (на отруба, хутора и укрепленной без владения: каким было распределение до Столыпинской реформы и после нее). Выяснение того, какие группы общинников (по крупности владений) в основном шли на укрепление собственности.

При этом на рассмотрение Мариупольской уездной управы поступали не совсем обычные вопросы. В связи с участвовавшими случаями дезертирства солдат, 5 сентября Комиссия о дезертирах по Мариупольскому уезду сообщала исполнительному комитету о недостатке средств, выделенных на проверку поездов между станциями Мариуполь-Ясиноватая, поэтому просили разрешить пользоваться земскими и частновладельческими лошадьми для осуществления ареста дезертиров на территории уезда [11].

Интересным является следующий неординарный случай о превышении служебных полномочий, по вопросу акушерки Копачевой, уволенной земской управой за нарушение служебных обязанностей. На рассмотрение собрания поступил доклад о предоставлении акушерке права на получение пенсии за 20 лет службы в земстве. Поскольку в селе Новоспасовке еще зимой 1916 года произошел конфликт между земским врачом И.Д. Левиным, с одной стороны, и фельдшером Прокопенко и акушеркой Копачевой, с другой стороны. Врачебно-Санитарный совет и уездная управа разобравшись в конфликте, признали виновными фельдшера и акушерку, постановили перевести фельдшера в с.Богатырь, а акушерку в с.Сретенку. Акушерка этому постановлению не подчинилась и была уволена. До лета 1917 года она так и не выселилась из

земской квартиры, до получения пенсии ей оставалось доработать 10 месяцев, ввиду сложившейся конфликтной ситуации она была уволена.

По постановлению Врачебно-Санитарного совета в с. Новоспасовку была отправлена комиссия в составе члена управы И.К. Шаповалова, врачей И.М. Эрбера, В.М. Лебедева, фельдшеров Ф.Г. Харакоза и И. К. Булавина. Эта комиссия представила следующее заключение: со стороны акушерки Копачевой был допущен целый ряд проступков, как служебного, так и личного характера по отношению к врачу И.Д. Левину. Она систематически не появлялась в амбулатории, при этом принимала больных у себя на дому. Брала с амбулаторных больных вознаграждение за лечение в виде «добровольных пожертвований» со стороны пациентов. Иногда эти приношения доставлялись ей на дом. Занималась лечением больных, даже не в акушерских случаях, выходя за рамки служебных обязанностей. Для своих личных пациентов брала лекарственные препараты из земской аптеки. Не звала на помощь врача в тяжелых акушерских случаях, самостоятельно действуя там, где она по закону не имела права этого делать. Комиссией установлен факт, что когда врач отказался выдать спирт одному из фельдшеров, Копачева же, самостоятельно подобрала ключ к земской аптекарской кладовой, достала спирт и распила его с фельдшером Прокопенко. Комиссия установила, что Копачева своим поведением и систематическим неисполнением предписаний врача, некоторыми грубыми выходками по отношению к нему сделала невозможной совместную работу. В связи со всем вышесказанным комиссия не разрешила акушерке вернуться на прежнее место работы. Мариупольская уездная управа ходатайствовала в связи с обращением населения с. Новоспасовки и лично Копачевой зачесть недостающие ей до пенсии 10 месяцев [12].

Об ухудшении материального положения земских служащих в 1917 г. свидетельствуют многочисленные обращения в земство за помощью. На заседании Мариупольской уездной управы был заслушан доклад с ходатайством служащих воинского присутствия в составе 5 человек, об увеличении содержания за счет земских средств. Поскольку за время войны делопроизводство Воинского присутствия Мариупольского уезда достигло колоссальных размеров, увеличившись в общей сложности в 10 раз, а штат лишился своего секретаря Кушниренко из-за его болезни. Сравнивая размеры делопроизводства за 1913 г. и призывные кампании за 1916 г. в условиях войны они настаивали на повышении заработной платы. В 1913 г. было призвано по уезду около 3000 человек новобранцев, канцелярией, состоящей из 4 сотрудников и секретаря, было заполнено 21 563 входящих номеров и десятка три пенсионных дел; а в 1916 г. было выполнено 43 396 входящих и исходящих номеров и до 1 000 пенсионных дел, прошло 5 мобилизаций ратников ополчения, один призыв новобранцев в 5 000 человек и призыв белобилетников 1-й очереди 1916–1910 гг. до 7 000 человек [13].

Кроме этого были приняты определенные нововведения в сфере образования. 10 сентября 1917 г. состоялась чрезвычайная сессия Мариупольского уездного земского собрания, на которой был заслушан доклад об организации управления

народным образованием в Мариупольском уезде. В докладе говорилось о том, что 8 мая 1917 г. был принят закон Временного правительства об упразднении уездных и губернских училищных советов, ведавших до этого отделом народного образования, данные функции возложены на уездные земства. После чего управа организовала временную специальную комиссию по народному образованию в составе 27 человек. Согласно положению об ее деятельности, комиссия рассматривала вопросы о народном образовании, в период с 17 июня до 10 сентября 1917 г. она провела 21 заседание, рассмотрев 200 вопросов [14].

В это же время в ведение земства были переданы церковно-приходские школы. Министр народного просвещения, циркуляром от 19 августа 1917 г. за № 2873, опубликованном в Вестнике Временного правительства от 26 августа, уведомил все городские и уездные земские управы о том, что согласно закона временного правительства от 20 июня 1917 г., все начальные церковно-приходские школы со зданиями и всем имуществом переходили в заведование органов местного самоуправления. До принятия данных школ управа направила две комиссии для исследования состояния имущества и зданий данных школ. На тот момент на территории уезда было открыто 60 одноклассных и одна двухклассная [15].

Летом – осенью 1917 г., в связи со сложными социально-экономическими условиями, земским управам и обозначенным общественно-политическим организациям не удалось создать разветвленную, организационно и территориально завершенную, всенародно признанную, жизнеспособную систему волостного земского самоуправления (и непосредственно ее главное звено – сеть волостных земских собраний). В связи с ухудшением социально-экономической ситуации и обострением социально-политических противоречий в стране, меры, предпринимаемые Временным правительством, оказались незавершенными. Незавершенными остаются и попытки проведения широких подготовительных работ по всестороннему статистическому изучению состояния земельного фонда в пределах каждой губернии. В провинции усиливался финансовый кризис, что подтверждают многочисленные обращения с просьбой о предоставлении материальной помощи земским служащим летом-осенью 1917 г., что явилось причиной следующей революционной ситуации. Логическим продолжением подобного развития событий стала Октябрьская революция и сосредоточение всей власти в руках большевиков.

Ссылки и примечания:

1. Чудаков О.В. Законодательная деятельность Временного правительства по реформированию городского общественного самоуправления (март 1917 – октябрь 1917 гг.)//Омский научный вестник. 2012. электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnaya-deyatelnost-vremennogo-pravitelstva-po-reformirovaniyu-gorodskogo-obschestvennogo-samoupravleniya-mart-1917-oktyabr>; Житенев Т.Е. Церковноприходские школы в политике

- Временного правительства.//Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2014. электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/tserkovnoprihodskie-shkoly-v-politike-vremennogo-pravitelstva>; Сахневич И.В. Правовые основы продовольственной политика Временного правительства.//Юридические записки. 2014. электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-prodovolstvennoy-politiki-vremennogo-pravitelstva>.
2. Куталевский М.Н. Взаимодействие земских учреждений и общественно-политических организаций в процессе реализации волостной земской реформы Временного правительства (июнь-октябрь 1917 г.)//Власть. 2011. электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-zemskih-uchrezhdeniy-i-obschestvenno-politicheskikh-organizatsiy-v-protssesse-realizatsii-volostnoy-zemskoy-reformy>
 3. Государственный архив ДНР. Ф.109, оп.1, д.4. Расформирование корпуса жандармов. Л.22-24.
 4. Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. Мариуполь, эл.тип. "Печатное искусство",1917 г. С. 53.
 5. Там же. С. 236-242.
 6. Там же. С.238.
 7. Там же. С.38-43.
 8. Там же. С.3, 5.
 9. Там же. С. 248.
 10. Там же. С. 249.
 11. Там же. С.250-251.
 12. Там же. С.69-72.
 13. Ходатайство служащих воинского присутствия об увеличении содержания за счет земских средств. //Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. Мариуполь, эл.тип. "Печатное искусство",1917. С.98-103.
 14. Там же. С.127 – 128.
 15. Там же. С.144-146.

УДК 94:343.197(477.6) «1921»

М.В. Руденко

аспирант,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: m.rudenko@odsd.ru

**«ВРЕМЕННАЯ ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ВОЕННОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ДОНЕЦКОГО ГУБЕРНСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА»,
КАК ПРИМЕР ЛОКАЛЬНОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА В ХОДЕ
РЕОРГАНИЗАЦИИ РЕВТРИБУНАЛОВ В УССР**

Аннотация

В статье рассматривается «Временная инструкция для военного отделения Донецкого губернского революционного трибунала», как пример, вызванного отсутствием соответствующей нормативно-правовой базы, локального нормотворчества в процессе реорганизации системы революционных трибуналов в УССР.

***Ключевые слова:** Донецкий губернский революционный трибунал, военное отделение, временная инструкция, Революционный военный трибунал Донецкой трудовой армии.*

Summary

The article discusses the “Temporary instruction for the military department of the Donetsk provincial revolutionary tribunal” as an example of local rulemaking caused by the lack of relevant legal framework in the process of reorganizing the system of revolutionary tribunals in the Ukrainian SSR.

***Keywords:** the Donetsk provincial revolutionary tribunal, military department, temporary instruction, Revolutionary Military Tribunal of the Donetsk Labor Army.*

23 июля 1921 г. Коллегия Донецкого губернского революционного трибунала (ДГРТ), обсудив вопрос о слиянии губернского и военного трибуналов в единый губернский трибунал, постановила подчинить деятельность Революционного военного трибунала Донецкой трудовой армии (РВТ ДонТА) Донецкому губревтрибуналу [1]. Для того, чтобы данное постановление было воплощено в жизнь, требовалась разработка и реализация комплекса необходимых для слияния ревтрибуналов организационных мероприятий. Однако реорганизация РВТ ДонТА в военное отделение ДГРТ была затруднена таким объективным обстоятельством, как отсутствие на местном уровне соответствующей нормативно-правовой базы, позволяющей полноценно регламентировать данный

процесс. В соответствии с «Правилами о введении в действие положения «О едином Верховном Трибунале УССР», данный документ, ставший основанием для создания военных отделений при гражданских ревтрибуналах на территории УССР, вступал в силу лишь во второй половине августа 1921 г. Причем новое положение о губернских трибуналах, учитывающее специфику произошедших организационных изменений, еще только предстояло выработать Верховному Трибуналу УССР совместно с Наркомюстом [2].

Дальнейшее развитие ситуации потребовало создания локального нормативного правового акта, временно регламентирующего работу бывшего РВТ ДонГА в качестве военного отделения Донецкого губернского ревтрибунала, и вскоре такой документ появился.

В результате проработки вопроса слияния ревтрибуналов была составлена «Временная инструкция для военного отделения Донецкого губернского революционного трибунала». К сожалению, в архивных материалах отсутствует точная дата создания данного документа, однако по косвенным признакам можно предположить, что он появился в хронологическом диапазоне между 23 июля 1921 г. (постановление Коллегии ДГРТ о подчинении РВТ ДонГА губернскому ревтрибуналу) и последней декадой августа 1921 г. (начало фактической деятельности военного отделения ДГРТ).

Исследователям доступны две, незначительно отличающиеся одна от другой, редакции данной инструкции. Причем в первой из них речь идет о «военном отделении», а во второй о «военном отделе». Обе редакции инструкции состоят из 12 идентичных по своему содержанию параграфов. Вторая редакция данного документа имеет более завершённый, чистовой вид, без рукописных исправлений и дописок, однако для последующего анализа информации, содержащейся во «Временной инструкции для военного отделения Донецкого губернского революционного трибунала», будет использоваться сопоставление материалов обеих редакций [3].

Итак, согласно вышеупомянутой инструкции, создаваемое военное отделение Донецкого губревтрибунала в нормативном отношении должно было действовать по положению о военных ревтрибуналах, но как отделение, подчиняться губернскому (т.е. гражданскому) ревтрибуналу. Председатель военного отделения, являвшийся заместителем председателя губревтрибунала, должен был делать ежедневный доклад о работе военного отделения председателю ДГРТ. Вопросы направления дел в военное отделение, разного рода переписки должны были решаться военным отделением самостоятельно. В то же время оговаривалось, что дела, направляемые в военное отделение Президиумом губревтрибунала, должны были приниматься к своему производству без пререкания. По делам, поступавшим в военное отделение от других учреждений, подсудность должна была устанавливаться Коллегией губревтрибунала [4].

За военным отделением Донгубревтрибунала на данном этапе сохранялись все процессуальные особенности военного ревтрибунала, все законоположения о судоустройстве в военном трибунале, а также установленный постоянный штат

военных следователей. Однако права, имевшиеся у Реввоенсовета Республики, в отношении военных трибуналов на приостановление исполнения приговоров к расстрелу, по приговорам к высшей мере наказания, вынесенным военным отделением губревтрибунала, переходили к Президиуму Донецкого губисполкома[5].

Военное отделение сохраняло свой хозяйственный аппарат, и получало все виды довольствия по установленному порядку через губвоенкомат. В параграфе 5 особо оговаривалось, что военное отделение, реорганизованное из Реввоентрибунала ДонТА, должно произвести конкретные изменения в своем аппарате. В частности – общая канцелярия и канцелярия следственной части должны были объединиться в одну, путем упразднения второго настольного реестра; также должны были производиться другие вытекающие из этого слияния «упразднения или видоизменения». По возможности следовало объединить функции комендантской команды и хозчасти [6].

Военному отделению ДГРТ предоставлялось право передачи ведения следствия по подсудным ему делам, особым народным следователям на местах; также последним при необходимости можно было давать отдельные поручения (наведение справок и т.д.). По военному отделению могли назначаться выездные сессии, о чем принималось либо соответствующее распоряжение председателя ДГРТ, либо по согласованию с последним, решение председателя военного отделения. Председателями выездных сессий могли назначаться члены Коллегии военного отделения, а также (в первой редакции инструкции – «в случаях невозможности назначения из Военной Коллегии») другие сотрудники ДГРТ по распоряжению председателя губревтрибунала. Права и процессуальные особенности военного отделения полностью сохранялись и за выездными сессиями [7].

Члены Коллегии военного отделения назначались на общих основаниях с членами Коллегии ДГРТ. В параграфе 9 отдельно оговаривались административные права председателя военного отделения. С одной стороны, все административные права в пределах отделения («смещение с должностей сотрудников, принятие новых, реорганизация дела и судопроизводства в пределах, возможных на основании существующих законоположений») принадлежали председателю военного отделения, который нес всю ответственность за его работу. С другой стороны, всякие изменения штатов, введение или упразднение должностей, крупные реорганизации отделения должны были проводиться по представлению председателя военного отделения, распоряжением председателя ДГРТ. Данный параграф инструкции, похоже, содержит противоречие в части определения полномочий по изменению штатов военного отделения, что может, как являться следствием недоработки документа из-за ее временного характера, так и выдавать опасения председателя губернского ревтрибунала на счет возможной излишней самостоятельности начальника военного отделения [8].

В интересах нормального хода работы в военном отделении («сохранения необходимой быстроты работы») в инструкции особо оговаривалось, что члены Коллегии отделения могли привлекаться к работе в других отделах Донецгубревтрибунала, только в случаях крайней необходимости. Также в инструкции подчеркивалось, что военное отделение, сохраняя подсудность военных трибуналов армий, включало в свое производство дела по крупным должностным преступлениям и бандитизму. В последнем параграфе документа акцент еще раз ставился на временном характере инструкции, которая сохраняла силу «до выработки Центром надлежащего положения о Едином Трибунале», однако до этого момента подлежала «выполнению губревтрибуналом в целом с подведомственными ему органами» [9].

Вероятно, упомянутое выше «положение о Едином Трибунале» в контексте данной инструкции следует понимать, как новое положение о губернских ревтрибуналах, которое согласно «Правил о введении в действие положения «О едином Верховном Трибунале УССР» было поручено издать Президиуму ВУЦИК [10].

Под второй редакцией «Временной инструкции для военного отдела ДГРТ» машинописным текстом в качестве подписантов были указаны следующие должности: «Преддонецгубисполкома, Завгубюстом, Преддонецгубревтрибунала, Предвоенотдела». Но подписи этих лиц, либо заверяющие их печати, на документе отсутствуют [11].

В целом содержание данной инструкции согласовалось с соответствующими нормами положения «О едином Верховном Трибунале УССР», касающимися создания при губернских ревтрибуналах военных отделений.

В настоящее время сложно определить, вступила ли эта временная инструкция в действие, руководствовались ли ей в работе военного отделения ДГРТ, как полноценным нормативным документом. Однако, даже если допустить, что данная инструкция осталась на стадии проекта, она все равно является историческим свидетельством локального нормотворчества на уровне Донецкой губернии в процессе реорганизации системы революционных трибуналов УССР. Нормотворчества, вызванного практической необходимостью урегулирования слияния военного и гражданского ревтрибуналов на местном уровне, и отсутствием подходящей нормативно-правовой базы, позволяющей полноценно регламентировать работу реорганизованных ревтрибуналов. И, конечно же, «Временная инструкция для военного отделения Донецкого губернского революционного трибунала» является документальным отражением подходов губернских властей к организационному обеспечению преобразования РВТ ДонГА в военное отделение Донецкого губернского ревтрибунала.

Ссылки и примечания:

1. Государственный архив Донецкой Народной Республики. Ф.Р-2470. Оп.1. Д.8. Л.18-20.

2. Там же. Л.46.
3. Там же. Л.15-17об.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же. Л.40.
11. Там же. Л.17об.

УДК 930.253

Е.Г. Даниленко

соискатель,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: gddgtu@gmail.com

**ДЕЛА КИТАЙЦЕВ-КРАСНОГВАРДЕЙЦЕВ И КРАСНЫХ ПАРТИЗАН В
ПАРТИЗАНСКИХ КОМИССИЯХ
(ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ДНР)**

Аннотация

Китайские мигранты массово стали прибывать на Донбасс в ходе Первой мировой войны. Многие китайцы после Первой мировой войны приняли участие в Гражданской войне и в послевоенном восстановлении страны. В фондах Государственного архива Донецкой Народной Республики хранятся уникальные документы, свидетельствующие об этой малоисследованной странице истории нашего края. В данной статье автор публикует материалы о китайцах, проходивших по делам местных партизанских комиссий Сталинской области.

Ключевые слова: *Донбасс, китайские красноармейцы, архивные документы, партизанские комиссии.*

Summary

Chinese migrants began massively arriving in Donbass during the First World War. Many Chinese people took part in the Civil War and in the post-war reconstruction of the country after the First World War. The funds of the State Archives of the Donetsk People's Republic keep unique documents that testify to this poorly studied page of the

history of our region. In this article, the author publishes materials about the Chinese who were involved in the affairs of local partisan commissions in the Stalino region.

Keywords: *Donbass, Chinese Red Army soldiers, archival documents, partisan commissions.*

После окончания Гражданской войны, в разрушенной стране, помимо трудностей с восстановлением экономики, возникло много проблем, вызванных социальными обязательствами со стороны государства по отношению к своим гражданам. Среди этих обязательств можно выделить поддержку активных участников борьбы за новую государственность – бывших военнослужащих Красной армии и участников краснопартизанских отрядов. 18 февраля 1928 года было издано Постановление ВУЦИКа и СНК УССР: «О льготах и преимуществах бывшим красногвардейцам, красным партизанам, а также служащим РККА». На основании этого Постановления была организована деятельность Комиссий по делам бывших красногвардейцев и красных партизан при исполкоме Сталинского горсовета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и в других городах области [1].

К бывшим красногвардейцам могли относиться те лица, которые служили в отрядах Красной Гвардии, а также те, кто активно боролись за власть Советов в период с 1917 г. до формирования регулярной Красной Армии. Для этого в деле должны были быть документы или свидетельства участников, которые за все это время ничем себя не скомпрометировали. К бывшим красным партизанам относились только участники краснопартизанских отрядов, которые действовали в союзе с Советской властью. Причём, деятельность этих отрядов на стороне Красных войск должна была документально подтверждена, засвидетельствована бывшими командирами этих отрядов или решением собрания организации. Какая-нибудь связь с врагами Советской власти или последующая деятельность в период мирного строительства, которая компрометировала и дискредитировала общество, считались материалом достаточно важным, чтобы отказать в просьбе заявителям.

Партизанская комиссия занималась: выявлением активных участников и бойцов Красной гвардии и партизанских отрядов; проверкой и восстановлением в правах бывших красногвардейцев и красных партизан; их учётом, проведением среди них политико-восстановительной работы, контролировала исполнение государственными учреждениями законов о льготах и пенсиях. Право на льготы имели граждане, состоящие в отрядах и дружинах Красной гвардии и краснопартизанских отрядах, а также семьи умерших красногвардейцев и красных партизан. Так, например, проживающие постоянно в городах, красногвардейцы и красные партизаны, если они нуждаются в жилой площади, имели право получить жилую площадь по месту своего постоянного жительства из жилищного фонда местных советов наравне с рабочими [2].

Позже Сталинский городской совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с целью улучшения культурно-бытового положения красногвардейцев и красных партизан закрепил «Обязательным постановлением»

от 10 декабря 1931 года за № 59 льготы для бывших красногвардейцев, красных партизан и семей погибших красногвардейцев и красных партизан. Все владельцы и арендаторы как государственных, кооперативных, советских и частных домовладельцев обязаны были установить 50% скидки из ставок квартирной платы с помещений, занимаемых красногвардейцами и красными партизанами. При оплате за электроэнергию, «Электросвет» давал 50% скидку со стоимости киловатт-часа, а также бесплатное пользование трамваем во всех направлениях с правом входа через переднюю площадку при предъявлении партизанского билета. Для обеспечения продуктами питания и хозяйственными товарами для красноармейцев и красных партизан создавались специальные магазины. В городе Сталино такие магазины находились на Путиловке, Трудовских и в центре. Продукты в них поставлялись из Донбассторга [3].

Местные партизанские комиссии и милиция должны были следить за выполнением настоящего постановления. Виновные в нарушении данного постановления привлекались к ответственности в административном порядке: штраф до 100 рублей; принудительные работы до одного месяца и арест до двух недель.

Также была издана соответствующая инструкция «О порядке проведения самопроверки рядов бывших красногвардейцев и красных партизан» спущенная комиссией ВУЦИКа. Целью проверки была чистка рядов красногвардейцев и красных партизан от засоренности и устранения ошибок. Основной задачей самопроверки было установление действительного участия лиц, принятых на учет в революционной вооруженной борьбе за власть Советов, с тем, чтобы закрепить за этими участниками льготы и преимущества, предоставленные правительством. Для лучшего обслуживания красногвардейцев, красных партизан и их семей, городские и районные партизанские комиссии выделяли своих уполномоченных, которых посылали на предприятия, в села и др. населенные пункты. Уполномоченных выбирали из лучших партизан и красногвардейцев-активистов своего участка. Они выбирались на собраниях красногвардейцев и красных партизан своего участка и утверждались на заседании городской и районной комиссии. Уполномоченные должны были находить и выявлять красногвардейцев, красных партизан и семьи погибших красных партизан. В случае выявления, а также подачи заявлений на оформление уполномоченный собирает актив и на заседании актива рассматривает дело и выносит свое решение вместе с активом, после чего вместе с протоколом оформляет дело и рекомендации передает на окончательное решение городской или районной партизанской комиссии. И после того, как партизанские комиссии их утверждают, они выдают партизанские билеты и удостоверения. Все дела красноармейцев и красных партизан, а также семей погибших должны были храниться в архивах городских и районных комиссий [4].

В числе проходивших самопроверку мы обнаруживаем несколько советских граждан с китайскими фамилиями. Краткая предыстория этих китайцев такова. Бывшие китайские рабочие иммигранты, оставшиеся в нашей стране после

революции 1917 года, приняли активное участие в Гражданской войне. Дисциплинированных, организованных и непритязательных китайцев хорошо принимали в Красную Армию, о чём свидетельствует нижеследующий документ.

«Предписание Главковерха Овсеенко-Антонова фабрично-заводским и рудничным управлениям 22 апреля 1919 г. о беспрепятственном переходе китайцев в Красную Армию.

Категорически предписываю никаких препятствий к переходу китайцев в Красную Армию не чинить. Малейшая попытка в этом отношении повлечёт строжайшую ответственность.

Главковерх Овсеенко-Антонов» [5].

После окончания Гражданской войны на предприятия каменноугольной промышленности Донбасса направляются рабочие со всего Советского Союза, в их числе были и бывшие китайские красноармейцы и партизаны. Многие уже несколько лет жили на Донбассе, некоторые женились, обзаводилось семьями. Китайцы по происхождению (по анкетам и автобиографиям мы видим, что все они родились в Китае), они проходили все процедуры самопроверки на общих основаниях и, получив удостоверения, пользовались всеми установленными льготами и пенсиями, наравне с их русскими, украинскими и других национальностей бывшими однополчанами. Никаких признаков какой-либо дискриминации в процедуре самопроверки или ущемления прав в получении положенных по закону льгот в архивных документах автором обнаружено не было. В вопросах льготного трудоустройства и образования, снабжения продуктами и оздоровления, в вопросах пенсионного обеспечения – советские китайцы пользовались равными со всеми правами. Заслуги перед советским народом были единственным критерием как в самой процедуре самопроверки, так и в обеспечении социальной поддержки тех, кто эту самопроверку прошёл и получил соответствующее удостоверение. Интересным кажется также то, что в рассмотренных делах не найдено фактов смены китайцами своих фамилий на русские (например, с русскими окончаниями) [6].

Автором обработано 30 личных дел (более 100 архивных документов) бывших китайских красногвардейцев и красных партизан, которые после окончания Гражданской войны остались жить и работать на территории Донбасса. Эти дела размещены в фондах Р-455, Р-1024, Р-1067, Р-1100, Р-1135, Р-1154, Р-1178, Р-1181, Р-1215. Среди них: 26 заявлений, 16 анкет, 28 автобиографий, 12 различных справок, предоставляемых в комиссии, 18 выписок из протоколов заседания комиссий и др. документы.

Основными из этих документов являются заявления в Партизанскую комиссию (Комиссию по выявлению красногвардейцев и красных партизан), автобиографии (иногда написанные всего в несколько предложений, но чаще – развернутые, начиная с детских лет жизни в Китае) и анкеты по установленной

комиссиями форме. Эти документы обязательны и имеются в наличии в большинстве из обработанных дел.

Особый интерес в этих делах представляют краткие автобиографии – истории китайцев, рассказанные ими самими. Впрочем, следует заметить, что, за редким исключением, китайцы не знали русского языка, поэтому их анкеты и заявления, автобиографии и свидетельские показания записывались работниками партизанских комиссий. Письменные документы, написанные китайцами собственноручно исключительно редки. Это несколько снижает качество информации этих архивных материалов, но сомнений в подлинности, как самих документов, так и содержащейся в них информации нет. Писались автобиографии в произвольной форме, иногда – в форме ответов на вопросы обязательного анкетирования.

Стандартные вопросы анкет: фамилия, имя, отчество; год рождения; партийность; какой чин, какая профессия; социальное положение (рабочий, служащий, крестьянин); семейное положение; место рождения (обл., город, р-н, село); место жительства; где и кем работает; основная профессия; состоял ли в других партиях, и каких; был ли под судом и следствием; лишался ли избирательных прав; № партизанского или красногвардейского билета; какой организацией выдан и когда; где и когда проходил проверку; где, какой организацией был впервые признан в правах красного партизана; в каких отрядах принимал участие и когда; кто были командиры отрядов; в каких местностях оперировал военный отряд, и с какими по соседству отрядами; принимал ли участие в боях, где и когда и против кого; был ли ранен и контужен и какие получил увечья; какие имеет награды или заслуги за службу в партизан. отрядах или РККА; служил ли в Красной армии; каких организаций прибыл и когда; где находится личное партизанское дело [7].

В некоторых анкетах вопросы формулируются развернуто и требуют более четкого и подробного ответа на следующие вопросы:

- *Когда вступил в красногвардейский или партизанский отряд, в какой местности и сколько времени пробыл в нем (указать месяц и год);*
- *Какую обязанность выполнял в партизанском или красногвардейском отряде;*
- *Был ли в плену или в подполье у белых и подвергался ли репрессиям;*
- *Был ли в тылу у белых, и поднимал ли восстания за власть Советов;*
- *Служил ли в белых армиях или бандах, и в каких именно, по периодам;*
- *К какой партии принадлежал в бытность в рядах Красной Армии, либо Красной гвардии, краснопартизанских отрядов;*
- *Состояли ли в каких либо партиях, причина выхода;*
- *Социальное положение до Октябрьской революции и в настоящее время, если крестьянин указать бедняк, середняк, колхозник [8].*

Кроме заявлений, автобиографий и анкет, во многих делах есть различные справки и свидетельства, подтверждающие участие проверяемых комиссиями китайцев в воинских подразделениях, упоминаемых в анкетах или

автобиографиях (выданных политотделами воинских частей по месту службы), а также подписки товарищей по службе (уже прошедших комиссию по самопроверке) удостоверяющих это участие. Справки и подписки рассматривались на заседаниях местными партизанскими комиссиями, которые выносили решение признания проверяемого красногвардейцем или красным партизаном и об утверждении его в соответствующих правах.

Впрочем, решения комиссий по итогам проверки не всегда были в пользу заявителя. Так, например, в выписке из протокола заседания Сталинской партизанской комиссии по рассмотрению заявления Лю-Лин-Шана об утверждении его в правах красных партизан читаем: «в признании красным партизаном отказан так как факт участия в партизанских отрядах из личного объяснения не установлен» [9].

Процедура самопроверки завершалась выдачей удостоверения, итогового документа, удостоверяющего факт участия в военных действиях и дающего право на пользование льготами и пенсией.

В удостоверении, выданном Фин-Фу-Рину Артёмовским Окружным Исполнительным Комитетом Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов вклеена его фотография, на которой стоит штамп Артёмовского исполкома. Удостоверение выписано на украинском языке и называется «ПОСВІДЧЕННЯ для колишніх червоних партизанів и червоногвардійців». Внутри удостоверения на развороте написано следующее:

Удостоверение [10]

<p>ПОСВІДЧЕННЯ №2778</p> <p>1. <u>різвище, ім'я та по батькові</u> <u>Фин-Фу-Рин Василь</u></p> <p>2. Рік народження <u>1889</u></p> <p>3. Місце народження <u>Китай</u></p> <p>4. Заняття або фах <u>служба</u></p> <p>5. Де працює <u>міськ-міліція</u></p> <p>6. Партийність <u>б/п</u></p> <p>7. Склад сім'ї <u>2</u></p> <p>Підпис власника посвідчення <u>Фин-Фу-Рин</u></p>	<p>Постановою Артёмівської окружної комісії по обліку колишніх червоних партизанів та червоногвардійців визнаний за <u>Красного партизана</u> Має право користуватися пільгами й перевагами на підставі постанови ВУЦВК й РНК УСРР з 18 лютого 1928 р. «Про пільги й переваги кол. червоним партизанам і червоногвардійцям»</p> <p>Голова Артёмівського Окружного Виконавчого Комітету Секретар АОВК 2 марта 1930 р. м. Артёмівськ</p>
--	--

Эффективность и результативность работы партизанских комиссий, возможно, достойна более внимательного исследования, так как этот положительный опыт может быть полезен и в наше время – в отношении к ополченцам, в первую очередь. Не менее полезным кажется изучение опыта интернациональной работы органов власти того времени, особенно по отношению к представителям национальных меньшинств иностранного происхождения.

Автор продолжает работу по выявлению в фондах Государственного архива ДНР материалов по работе Партизанских комиссий с целью введения в научный оборот архивных документов (ранее не использованных в научных публикациях) о подлинной истории советских граждан китайского происхождения, принимавших участие в Гражданской войне и в восстановлении и развитии промышленности Донбасса в 20-30 годы прошлого века.

Ссылки и примечания:

1. Государственный архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). Ф.Р-1100, Оп.1, Д.4, Л.8.
2. Ф.Р-1100, Оп.1, Д.4, Л.9.
3. Там же.
4. Ф.Р-1100, Оп.1, Д.4, Л.24.
5. Ф.Р-2109, Оп.1, Д.140, Л.132. (Выделенное здесь и далее курсивом воспроизводится по оригиналу документа).
6. Такой факт имеет место только в одном случае: Ун-Чин-Чен сменил фамилию на Унов (Ф.Р-1146, Оп.2, Д.118, Л. 2-8). За время работы с материалами, относящимся к жизни китайцев в Донбассе в 20-30-е годы прошлого века, автором было обработано более 1000 архивных документов разного происхождения, содержания и назначения (в том числе более 440 личных карточек), и нигде больше не было обнаружено попыток смены фамилии.
7. Ф.Р-1181, Оп.1, Д.617, Л.2.
8. Ф.Р-1100, Оп.1, Д.457, Л.2; Ф.Р-1100, Оп.1, Д.748, Л.8; Ф.Р-1100, Оп.1, Д.752, Л.11; Ф.Р-1100, Оп.1, Д.731, Л.3.
9. Ф.Р-1100, Оп.1, Д.731, Л.2.
10. Ф.Р-1178, Оп.1, Д.1135, Л.5.

УДК 94[622+33+669+66]-051(477.6)«1928/1933»

В.А. Стадник

аспирант,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: ayah19@rambler.ru

**К ВОПРОСУ О КАДРОВОМ СОСТАВЕ РАБОТНИКОВ ТЯЖЕЛОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОНБАССА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ КК-РКИ КОНЦА
1920-Х – НАЧАЛА 1930-Х ГГ.)**

Аннотация

В статье рассматривается проблема профессиональной компетенции и социально-экономического положения инженерно-технического персонала и трудящихся рабочих специальностей в ведущих отраслях тяжелой промышленности (угольной, металлургической и химической) Донбасса. Акцентируется внимание на участии территориальных Контрольных комиссий Рабоче-Крестьянской инспекции и государственных органов в преодолении кризисных явлений и негативных тенденций, связанных с подбором квалифицированных кадров на предприятиях Донбасса в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Ключевые слова: *Контрольные комиссии Рабоче-Крестьянской инспекции, Советский Союз, Донбасс, индустриализация, тяжелая промышленность, рабочие, служащие, партийное руководство, социально-бытовое обеспечение.*

Summary

The article deals with the problem of professional competence and the socio-economic status of the engineers and workers in the leading branches of the Donbass heavy industry (coal, metallurgical and chemical). Attention is focused on the participation of the territorial Control Commissions of the Workers' and Peasants' Inspectorate and state bodies in overcoming the crisis phenomena and negative trends connected with the selection of qualified personnel at Donbass enterprises in the late 1920s and early 1930s.

Keywords: *Control Commissions of the Workers' and Peasants' Inspectorate, famine, Soviet Union, Donbass, industrialization, heavy industry, workers, office-based employees, Party leaders, social welfare services.*

В постсоветский период представленная тема приобрела особую актуальность в контексте изучения и переоценки общеисторических событий достаточно сложного периода 1930-х гг.

Начало 1930-х гг. сыграло важную роль в коренном преобразовании Донбасса как крупного индустриального центра СССР. В этот период было активизировано проведение социалистической модернизации хозяйственного комплекса и управления общественным производством, происходили жесткие чистки местного партийного и административного аппарата. Партия и правительство особую роль в указанных процессах отводили местным контролирующим структурам – областным, районным и городским контрольным комиссиям Рабоче-Крестьянской инспекции (далее КК-РКИ), которые выполняли распоряжения республиканской НК РКИ УССР и ЦКК-РКИ в Москве. Направлением работы этих органов стал непосредственный контроль за выполнением заданий первой пятилетки, концентрация всех внутренних резервов для ее скорейшего завершения в СССР, в том числе и в индустриальном Донбассе. В результате, была создана уникальная система, при которой инспекция в индустриальном секторе осуществлялась не только органами КК-РКИ, но и, непосредственно, трудящимися, которые были вовлечены в решение хозяйственных и социальных задач, стоявших перед СССР и, в частности, Донбассом, в указанные годы. В процессе социалистической модернизации народного хозяйства рабочие и служащие, инженерно-технический персонал внесли много ценных предложений в дело рационализации, повышения производительности труда и снижения себестоимости продукции.

Именно на рубеже 1920-1930-х гг. формировался новый административный и экономический базис Советского государства. Знаменитое высказывание И.В. Сталина: «Кадры решают все» – непосредственно характеризует командно-административную модель экономики, сложившуюся в Советском Союзе в период индустриализации конца 1920-х-начала 1930-х гг. В период модернизации экономики в указанный период, человеческому фактору уделяли большое внимание. Именно от стабильности и квалификации кадров рабочих и, особенно, инженерно-технических работников (ИТР) зависела бесперебойная работа шахт и заводов, своевременное выполнение производственных планов в угольной, металлургической и химической промышленности, экономическое развитие государства.

Роль контролирующих органов в процессе экономической модернизации 1920-1930-х гг. освещена в работах С.Н. Иконникова [1], Е.М. Химович [2]. Их дополняют работы М.А. Коновалова [3], В.П. Ренке [4] и других исследователей, в которых проанализированы вопросы текучести кадров и роль в этом процессе государства, партийных и контролирующих органов.

Опубликованные материалы дополняют документы Государственного архива ДНР, а также опубликованные материалы.

После утверждения в декабре 1925 г. курса на индустриализацию, в Донбассе начинается широкомасштабная реконструкция промышленности и строительство новых предприятий. Эти процессы привели в регионе не только к ликвидации

безработицы среди ИТР, но и обусловили острый дефицит квалифицированных инженерно-технических кадров. Так, в 1927 г. на Сталинском металлургическом заводе работало всего 69 дипломированных инженеров, на Макеевском – 73, на Енакиевском – 67, на Константиновском – 19, на заводе им. Ильича – 44. Недостаток высококвалифицированных специалистов перекрывался за счет техников и практиков-выдвиженцев. Такая же ситуация была и в угольной промышленности [5].

В такой ситуации у ИТР появилась возможность выбирать место работы. В значительной мере этот процесс стимулировали определенные недостатки в системе начисления зарплаты – в рамках отдельной отрасли или треста отсутствовали единые стандарты относительно размера зарплаты специалиста. Определен был только размер минимального оклада, который, например, для инженера угольной промышленности составлял в 1928 г. 100 руб. [6]. Очень часто уровень зарплаты зависел не столько от производственного стажа, квалификации ИТР или условий труда, сколько от отношений между инженерно-техническими кадрами и их профессиональными объединениями, с одной стороны, и конкретным хозяйствующим органом, с другой стороны. Так, например, в 1929 г. зарплата инженера со стажем 5-10 лет в Кадиевском рудоуправлении «Донуголь» составляла 500 руб., а в рудоуправлении им. Парижской коммуны – только 180 руб. [7].

Аналогичная ситуация у технической интеллигенции сложилась и в бытовых условиях, особенно с жильем. Уровень обеспечения специалистов квартирами на предприятиях был разным и был связан с тотальным жилищным кризисом. Например, более стабильной была ситуация у ИТР угольной промышленности по Сталинскому округу. В металлургической отрасли ситуация была противоположной [8].

Особое внимание советские партийные, хозяйственные и контролирующие органы уделяли социально-бытовому обеспечению иностранных специалистов и созданию условий для их продуктивного труда на производстве, где также были выявлены грубые нарушения [9]. Уровень заработной платы, обеспечение продовольственными пайками у иностранных специалистов были значительно выше, чем у советских ИТР (табл.2).

Таблица 1

Нормы обеспечения иностранных и советских ИТР в Донбассе
в 1931-1932 гг. [10]

Категории ИТР		Продукты										
		Хлеб, кг	Мука, кг	Крупа, кг	Мясо, кг	Рыба свежая, кг	Сливочное масло, кг	Масло, л	Сахар, кг	Молоко, л	Яйца, шт.	Чай, кг
Иностранные ИТР	с 1.05.1931	0,8	4	6	9	6	3	1	4	1	60	0,2
	с 1.08.1932	0,8	2	3	7	3	1,5	0,5	3	0,5	-	0,1
Советские ИТР в 1932 г.		0,8	2	3	7	3	1,5	0,5	3	0,5	-	0,1

Категории ИТР	Продукты										
	Хлеб, кг	Мука, кг	Крупа, кг	Мясо, кг	Рыба свежая, кг	Сливочное масло, кг	Масло, л	Сахар, кг	Молоко, л	Яйца, шт.	Чай, кг
	1	1	2,25	2	2	-	0,4	1	-	-	-

*По хлебу и молоку приведены суточные нормы, по другим продуктам – месячные нормы. Советские ИТР получали 2 кг свежей рыбы на квартал.

На обеспечение предприятий Донбасса квалифицированным техперсоналом также влияли условия труда. Несмотря на переход в 1927 г. на 7-часовой рабочий день, технические специалисты, из-за отсутствия кадров, вынуждены были работать по 10-12 часов. Это повышало уровень травматизма [11]. Нерешенным также оставался вопрос о регламентации прав и обязанностей ИТР на предприятиях. Часто техперсонал нес ответственность за сложившиеся на предприятиях чрезвычайные происшествия с привлечением к судебной ответственности [12].

В ходе дальнейших проверок на отдельных предприятиях Донбасса были выявлены и другие нарушения по отношению к техперсоналу. Например, в г. Славянске Славянской районной КК-РКИ в сентябре 1932 г. была проведена комплексная проверка машиностроительного завода «Красный металлист», которая выявила широкий спектр разнообразных нарушений – начиная от срыва плана по выпуску продукции и увеличения брака – до хищений продовольствия, которое выделялось рабочим, а также пьянства руководства завода и партийной ячейки. Материально-бытовое обеспечение рабочих было низким, продукты питания распределялись руководству завода или направлялись в те организации, которые никакого отношения к заводу не имели. Работу заводской столовой бригада КК-РКИ признала, как крайне неудовлетворительную, продукты питания расхищались при содействии и прямом участии директора завода Ясницкого и предпрофкома Голоты. Продуктовые книжки рабочим не выдавались, а присваивались администрацией предприятия. Материал для пошива рабочей одежды (мануфактура) и обувь для рабочих разворовывались [13]. Соцсоревнования и «ударничество» на предприятиях были организованы слабо, хозрасчет практически отсутствовал, следствием чего являлась низкая производительность труда.

Важнейшей мерой увеличения производительности и повышения качества труда была переподготовка и подготовка квалифицированных кадров без отрыва от производства. По этому поводу в архивном документе зафиксировано: «...переподготовить на протяжении этого года (1933 – В.С.) не менее 50% горновых, сталеваров, газовщиков, вальцовщиков и машинистов паровозов внутризаводского транспорта; пропустить через сеть ФЗТК весь младший технический персонал заводов, не имеющий специальной подготовки» [14].

Указанные выше условия труда на предприятиях тяжелой промышленности существенно отличались от работы в аппарате рудоуправлений или руководящих

учреждений трестов «Югосталь», «Донуголь», «Химуголь» и других, где рабочий день не превышал 8 часов, зарплата иногда была даже выше, чем непосредственно на производстве. Поэтому с начала индустриализации наблюдалась устойчивая тенденция перехода ИТР с производства на работу в учреждения и ведомства.

За короткий срок уровень текучести квалифицированных кадров в тяжелой промышленности достиг критического максимума. Так, на Часов-Ярском заводе огнеупоров текучесть ИТР-строителей составила 100%. На Сталинском металлургическом заводе за 1923-1928 гг. поменялось 4 управляющих, на Макеевском – 6 [15].

В сложившейся ситуации государство должно было простимулировать закрепление специалистов на производстве, отрегулировать их права и обязанности, усовершенствовать систему распределения молодых кадров. Однако развязанная в 1928 г. кампания против вредителей и шпионов из среды т.н. «буржуазной интеллигенции» исключила возможность подобных действий. Известное «Шахтинское дело» стало основой для широкомасштабной кампании по выявлению врагов среди технического и инженерно-технического персонала во всех отраслях промышленности Донбасса. В результате чистки, проведенной комиссией из представителей ЦК и ЦКК ВКП(б), а также ГПУ, только с аппарата «Донугля» было уволено 150 квалифицированных специалистов, в основном как антисоветский элемент или за причастность к «шахтинцам», а 32 специалиста – взяты на контроль [16]. Подобные ситуации были не единичными на шахтах Донбасса [17].

Большинство инженеров и техников работало в условиях полного недоверия и подозрения. Любая производственная ошибка рассматривалась как преднамеренное преступление. Резко возрос уровень привлечения специалистов к судебной ответственности за аварии, нарушение правил безопасности, за несчастные случаи с рабочими. При этом не учитывались объективные причины нештатных ситуаций, ИТР, по классовым признакам, просто привлекали к судебной ответственности.

Это объясняет факт массовой утечки квалифицированных технических кадров с предприятий. Те, кто остался на производстве, старались отстраниться от выполнения работ, связанных с риском или ответственностью. Это стало одной из причин срыва планов пятилетки в топливной промышленности Донбасса. В сложившихся условиях партийно-государственное руководство применило методы административно-принудительного характера. Подобные действия были признаком деградации технической интеллигенции. Следует отметить, что предприятия Донбасса пополнялись ИТР в основном за счет специалистов, мобилизованных из ведомств и учреждений Харькова, Киева и Днепропетровска. При этом перемещение мобилизованных сопровождалось бюрократическими проволочками. Осенью 1930 г. в Донбасс прибыло 100 специалистов горного профиля (на шахты было распределено только 90 чел.) и 50 электромеханического [18]. Однако подобные мобилизации квалифицированных кадров саботировались самими техническими специалистами, а те, кто прибывал в Донбасс, под различными предложениями не приступали к работе.

Движение по закреплению специалистов на производстве охватило промышленность Донбасса. Наиболее массовым этот процесс был в угольной, металлургической и химической отраслях [19]. Однако высокие кадровые показатели достигались, преимущественно, командно-административными методами. Многие специалисты выражали недовольство силовым методам. Для пресечения подобных акций Народный комиссариат труда (НКТ) прибегнул к чрезвычайным методам и 10 мая 1930 г. издал документ, фиксирующий передвижение кадров на предприятиях [20].

Однако, перечисленные жесткие меры были малоэффективными, так как непосредственные причины текучести кадров не были устранены. Учебные технические заведения не покрыли дефицит специалистов на предприятиях. В 1930-1932 гг., несмотря на ряд постановлений относительно улучшения материально-бытового положения ИТР, на местах эта проблема осталась актуальной. На фоне этого методы давления на технических специалистов усиливались. По подсчетам историка профессора В.Н. Никольского только в 1931 г. в Донбассе органы госбезопасности «выявили» 8 «вредительских» и «диверсионных» организаций, в состав которых будто бы входил высший и средний техперсонал предприятий [21]. Кроме этого, в 1929-1930 гг. текучесть кадров усиливается по причине постоянной переброски хозяйствующими органами специалистов с должности на должность или увольнения с должности. Так, с июня по октябрь 1932 г. по трестам «Сталинуголь» сменилось 333 чел. ИТР, «Донбассантрацит» – 185 чел., «Макеевуголь» – 128 чел. [22].

Сложившаяся ситуация могла спровоцировать системный кризис в угольной отрасли. Поэтому в 1932-1933 гг. советское руководство большое внимание уделяло решению кадрового вопроса, однако созданная командно-административная система нивелировала своевременное решение этой проблемы. В декабре 1932 – мае 1933 гг. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли ряд постановлений, направленных на кардинальное улучшение кадрового состава технических специалистов в угольной промышленности Донбасса. Согласно этому документу предусматривалось, например, сокращение на 35 % количества техперсонала, работавшего в управленческих и научно-исследовательских структурах, и перевод их на шахты и участки. Следует отметить, что на некоторых угольных предприятиях инженеры и техники не были направлены непосредственно на производство, а продолжали работать в управленческих аппаратах. Вследствие этого добыча угля не только не повышалась, но даже снижалась [23].

Таким образом, в первой пятилетке крайне остро стоял вопрос об обеспечении предприятий тяжелой промышленности Донбасса квалифицированными специалистами. Текучесть технических кадров на предприятиях этого региона была обусловлена широкомасштабной реконструкцией региона, нерешенностью материально-бытовых проблем (нехватка жилья, низкая зарплата, ненормированный рабочий день, отсутствие четкой регламентации прав и обязанностей ИТР), а также жесткими командно-административными методами решения этого вопроса со стороны государственно-партийного аппарата.

Фактически, несмотря на все усилия советского руководства, партийных и контролирующих органов, проблема текучести кадров среди работников тяжелой промышленности Донбасса так и не была окончательно решена.

Ссылки и примечания:

1. Иконников С.Н. Создание и деятельность объединенных органов ЦКК-РКИ в 1923-1934 гг. М.: Изд-во «Наука», 1971. 480 с.
2. Химович Е.М. Режим экономии в СССР: ЦКК в борьбе за режим экономии в СССР и рационализацию общественного производства и управления (1926-1934 гг.) / Отв. ред. А.И. Чугунов. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. 216 с.
3. Коновалов М.А. Вирішальна сила соціалістичної реконструкції: (Діяльність КП України по підготовці та вихованню індустріально-технічних кадрів (1928- 1937 рр.)). К.: Вид-во Київського ун-ту, 1973. 229 с.
4. Ренке В.П. Кадры инженерно-технического персонала каменноугольной промышленности Донецкого бассейна / Под ред. К.В. Моисеенко. Донецк: изд-во Донугля, 1930. 114 с.
5. Там же. С.7.
6. Там же.
7. Там же. С.108.
8. Там же. С.110-111.
9. Государственный архив ДНР (далее – ГА ДНР). Ф. Р-835. Оп.1. Д.76. Л.1.
10. Там же. Ф. П-565. Оп.1. Д.53. Л.28; Ф. П-326. Оп.1. Д.47. Л.105.
11. Киржнер Д., Турубинер Б. Условия труда и быта инжтехперсонала украинской горной промышленности // Инженерный работник. 1928. №11-12. С.158.
12. Там же. С.157.
13. ГА ДНР. Ф. Р-835. Оп.1. Д.55. Л.263-264.
14. Там же. Д.86. Л.61.
15. Там же. Ф. П-9. Оп.1. Д.652. Л.14.
16. Гнітько С.П. Інженерно-технічна інтелігенція Донбасу в 1920-і – на початку 1930-х годов: Дис. ...канд.іст.наук / НАН України, Ін-т історії України. К., 1996. С.114.
17. ГА ДНР. Ф. Р-835. Оп.1. Д.55. Л.18.
18. Коновалов М.А. Указ. соч. С.179.
19. Там же. С.180.
20. ГА ДНР. Ф. Р-1490. Оп.1. Д.61. Л.2.
21. Нікольський В.М. «Резонансні справи» Державного політичного управління УСРР (1921-1934 рр.) // Нові сторінки історії Донбасу: Зб. статей / Упоряд. З.Г. Лихолобова. Кн.8. Донецьк, 2000. С.158-162.
22. ГА ДНР. Ф. П-326. Оп.1. Д.74. Л.19.
23. Там же. Ф.Р-835. Оп.1. Д.55. Л.188.

УДК 930.1:351.74 «1953/1964»

Ю.Н. Краснонос

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: ur.kr@yandex.ua

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ДОНБАССА В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ (1953 – начало 1960-х гг.)

Аннотация

В статье с помощью анализа архивных документов, нормативно-правовых актов и других источников выявлены организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел Донбасса в условиях реформирования советской правоохранительной системы в 1953 – в начале 1960-х гг., раскрыта специфика противодействия преступности со стороны сотрудников милиции региона.

Ключевые слова: органы внутренних дел, милиция, структура, правоохранительная деятельность, преступность, общественная безопасность.

Summary

The specifics of the counteraction of the region's militia officers to criminality in Donbass are considered in this article with the help of archival documents, normative-legal acts and other materials, the legal foundation of the activities of the bodies of internal affairs under the reform conditions in 1959 and 1960 is also revealed.

Keywords: *the bodies of internal affairs, militia, structure, law-enforcement agency, criminality, public security.*

Реформирование и деятельность советских органов внутренних дел является одной из актуальных проблем в отечественной науке. Именно поэтому исследование предпосылок, характера и результатов реформ органов внутренних дел Донбасса как составной части советской правоохранительной системы в 1953-начале 1960-х гг. представляет несомненный интерес, по-своему отражает специфику реконструируемой эпохи, существенно расширяет объем наших знаний по истории милиции в общесоюзном и региональном аспектах, позволяя осмыслить опыт прошлого, учесть его в современной практике.

Происходившая в исследуемый период демократизация государственного механизма непосредственно отразилась и на функционировании милицейских

подразделений, определив динамику советской правоохранительной деятельности на длительный период советской истории.

Труды, посвященные вопросам реформирования системы органов внутренних дел СССР в 1950-1960-е гг. не были предметом комплексного исследования. Отдельные аспекты по исследуемой теме были представлены в коллективных монографиях «История советской милиции»[1], «Советская милиция – история и современность»[2], «История МВД России. 1802-2002 год»[3], «МВД России. 200 лет на страже закона и правопорядка» [4], в работах М. Еропкина [5], Р.С. Мулукаева, Н.Н. Карташева [6].

Среди работ, посвященных организационно-структурным преобразованиям и деятельности органов внутренних дел Донбасса в период хрущевской либерализации следует отметить коллективную монографию «Из истории милиции советской Украины» [7], сборник документов П.П.Михайленко, Я.Ю. Кондратьев [8], в которых нашли отражение отдельные вопросы и специфика правоохранительной деятельности милицеских подразделений Украинской Советской Социалистической Республики (УССР) и Донецкого края, в частности.

Отдельное место в историографии проблемы занимают труды, непосредственно посвященные истории органов внутренних дел Донбасса на разных этапах истории, в том числе и в рассматриваемый период. Среди данных работ следует указать на «Историю донецкой милиции» [9], «Историю Госавтоинспекции Донбасса» [10], диссертационное исследование А.А.Абдуллина [11], в которых раскрывается динамика организационных и социально-исторических факторов правоохранительной деятельности милиции Донецкого края, в том числе и в исследуемый период.

Целью статьи является анализ организационно-правовых основ и специфики профессиональной деятельности органов внутренних дел (ОВД) Донбасса в условиях реформирования советской правоохранительной системы в 1953-в начале 1960-х гг.в период хрущевской «либерализации» общественных отношений в СССР.

В марте 1953 г., после смерти И.В. Сталина, в советском руководстве нарастает политическое соперничество партийных элит во главе с Н.С.Хрущевым, Л.П.Берией и Г.М.Маленковым, каждая из которых стремилась обеспечить себе поддержку со стороны социально-правовых и административных институтов. Так, инструментом поддержки Л.П.Берии должно было стать Министерство внутренних дел СССР, объединившее в весной 1953 г. органы внутренних дел и государственной безопасности страны. Однако, бериевская группировка потерпела поражение, что стало одним из ключевых факторов начала реформирования советской правоохранительной системы. Победившая партийная группа, лидером которой стал Н.С. Хрущев, становится на путь ослабления жесткого политического режима и начинает проводить политику либерализации общественных отношений[12, с. 56-57].

В рамках постсталинской «демократизации» важным политико-правовым актом стал указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1953 г.,

предусматривающий упразднение органа внесудебной репрессии- Особого совещания при Министре внутренних дел СССР г. и выведение из системы МВД СССР органов государственной безопасности. В январе 1954 г. на основании постановления ЦК КПСС «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата» при Совете Министров Союза ССР был образован Комитет государственной безопасности.

Следующим важным организационно-правовым мероприятием в рамках заявленного курса на реформирование правоохранительной системы стало создание в феврале 1955 г. Министерства внутренних дел РСФСР, что способствовало устранению излишнего централизма в системе управления органами внутренних дел СССР, не соответствовавшего развитию общественных отношений в государстве[1, с.87].

В феврале 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, на котором Н.С. Хрущёв выступил с разоблачением культа личности Сталина и осуждением сталинского тоталитарного режима. В условиях развернувшейся после съезда политики «десталинизации» было осуществлено важное организационно-правовое мероприятие, направленное на возрождение принципа двойного подчинения ОВД. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1956 г. «О мерах по улучшению работы МВД СССР» произошло преобразование областных (краевых) Управлений МВД и подчиненных им Управлений милиции в единые Управления внутренних дел (УВД) исполкомов Советов депутатов трудящихся [5, с.158].

В соответствии с Указом Верховного Совета УССР от 30 декабря 1956 г. «О преобразовании Управлений МВД УССР при областных советах депутатов трудящихся в Управления внутренних дел исполнительных комитетов областных советов депутатов трудящихся и Управлений, отделов (отделений) милиции в городах и районах в Управления, отделы (отделения) милиции исполнительных комитетов городских и районных советов депутатов трудящихся» на территории Донбасса также происходит реорганизация органов внутренних дел на основе принципа «двойного подчинения»: по ведомственной линии (вышестоящим органам МВД), а также по линии «советской» (с подчинением исполкомам местных Советов на правах их отделов). Отныне начальников управлений внутренних дел, управлений, отделов и отделений милиции стали утверждать на сессиях соответствующих Советов депутатов трудящихся. При этом доклады, отчеты, информация руководителей милицейских подразделений стали систематически слушаться на сессиях Советов, заседаниях их исполкомов.

Фактически, в СССР была восстановлена система двойного подчинения органов внутренних дел местным Советам и вышестоящим органам МВД, действовавшая на первом этапе истории Советского государства в 1917-1930 гг. Возрождение принципа двойного подчинения милиции официально объяснялось стремлением к расширению участия общественности в борьбе с правонарушениями, обеспечении охраны общественного порядка. На практике данный шаг способствовал усилению зависимости ОВД от местных партийных и

советских органов, в первую очередь, обеспечив рост их воздействия на кадровую и воспитательную деятельность среди сотрудников милиции [13, с.123].

В рамках проводившейся административной реформы Управления милиции Ворошиловградской и Сталинской областей преобразовались в Управления внутренних дел исполнительного комитета соответствующих областных Советов депутатов, аналогичная реорганизация прошла в городах и районах всего Донбасса. (5 марта 1958 г. Ворошиловградская область была переименована в Луганскую, 9 ноября 1961 г. Сталинская – в Донецкую).

Начальником Управления внутренних дел исполнительного комитета Сталинского областного Совета депутатов трудящихся был утвержден Поперека Михаил Степанович, генерал-майор, с 22 ноября 1968г. – генерал-лейтенант внутренней охраны, бессменный руководитель сталинской (донецкой) милиции в исследуемый период (1954-1974 гг.). Начальником Управления внутренних дел исполнительного комитета Ворошиловградского областного Совета депутатов трудящихся был утвержден полковник Дуличенко Николай Прокофьевич (1954-1958 гг.), а затем полковник – комиссар милиции III ранга Карагодников Александр Григорьевич (1958 – 1974 гг.), с 23 октября 1973 г. – генерал-майор милиции [14].

Показателем повышения роли Советов депутатов трудящихся в осуществлении контроля за деятельностью органов внутренних дел стало создание в составе Советов комиссий по социалистической законности и охране общественного порядка, которые начали функционировать с 1957 г., воздействуя на деятельность органов внутренних дел, выявляя факты нарушения законности, принимая меры по их устранению. Среди главных приоритетов деятельности комиссий по социалистической законности и охране общественного порядка в Донбассе во второй половине 1950-начале 1960-х гг. стало противодействие таким негативным явлениям, как, пьянство, самогонварение, хулиганство. К примеру, в Сталинской области в 1960 г. за занятия самогонварением к уголовной ответственности было привлечено 293 лица. При этом, на основе деятельности комиссий по социалистической законности относительно 1190 человек были применены меры административного воздействия в виде денежных штрафов [15]. В Луганской области в начале 1960-х гг. наблюдалась стойкая тенденция роста лиц, задержанных за мелкое хулиганство: в первом полугодии 1960 г. за подобные проступки было привлечено к ответственности, в том числе через решение соответствующей комиссии 2759 человек, а за аналогичный период 1961 г. – 5430 [16].

Следует указать, что в центре внимания советских и партийных органов, общественности в указанный период традиционно находилась вопросы укрепления законности и правопорядка в деятельности самих органов внутренних дел. Так, 29 января 1958 г. ЦК КПСС принял постановление «О фактах нарушения законности в деятельности милиции», в котором отмечалось, что в работе милицеских подразделений фиксируются факты нарушения социалистической законности в отношении граждан, не преодолена практика их необоснованного задержания, грубого обращения с ними со стороны некоторых работников

органов внутренних дел. ЦК КПСС указывал, что случаи нарушения законности в деятельности органов внутренних дел являются следствием слабой воспитательной работы с личным составом. Перед ЦК компартий союзных республик, местными партийными органами была поставлена задача усилить руководство и контроль за деятельностью органов внутренних дел, а также, продолжая линию прошлых лет, принять меры к пополнению их рядов партийно-комсомольскими кадрами и военнослужащими, уволенными в запас [17, с.491].

Во второй половине 1950-х-в начале 1960-х гг. процесс пополнения милицейских рядов Донбасса лучшими представителями региональных трудовых коллективов, прежде всего из рядов активной, политически сознательной и подготовленной молодежи приобретает массовый и идеологически организованный характер. Преимущественными правами при зачислении на службу в органы внутренних дел имели традиционно коммунисты и комсомольцы, лица, обладающие соответствующим образовательным уровнем и физической подготовкой, прошедшие службу в рядах Вооруженных Сил СССР. Так, по инициативе УВД исполнительного комитета Луганского областного Совета обком Коммунистической партии СССР в 1960 г. дважды принимал решение, по которому городские и районные комитеты партии обязывались обеспечить милицейские подразделения Луганщины наиболее подготовленными и мотивированными коммунистами. Результатом проведенной общественно-политической работы стало делегирование и зачисление в ряды луганских правоохранителей в 1960 г. 141 коммуниста [18].

Указанная общественно-политическая инициатива активно проходила и на территории соседней области Донбасса. Так, в 1960 г. по информации УВД исполнительного комитета Сталинского областного Совета депутатов трудящихся для замещения вакантных должностей на службу в органы было принято 1421 человек, среди которых: 292 – по направлению партийных и комсомольских организаций, 131 – демобилизованные из рядов Советских Вооруженных Сил, 207– коммунистов, 58 – комсомольцев. Для закрепления вновь прибывших сотрудников на местах осуществлялись меры морального и материального стимулирования, вплоть до предоставления им вне очереди квартир и улучшения условий проживания [19].

Важным направлением перестройки кадровой работы советских органов внутренних дел в исследуемый период стало создание новых и укрепление существовавших учебных заведений МВД СССР. Особенно остро проблема подготовки квалифицированных кадров стояла в Донбассе, где количество специалистов-юристов среди среднего и младшего начальствующего состава было крайне незначительным. В 1957 г. с целью улучшения подготовки квалифицированных кадров для работы в органах милиции области и приближения обучения слушателей к практической правоохранительной деятельности в г. Жданове открывается учебный пункт милиции УВД Сталинской области. 28 апреля 1961 г. на основании приказа Министра внутренних дел Украинской ССР № 0109 в поселке Новождановка Харцызского района

Сталинской (Донецкой) области была создана Сталинская (в дальнейшем – Донецкая) специальная средняя школа милиции, ставшая центром подготовки кадров младшего и среднего офицерского состава органов внутренних дел не только Донбасса, УССР, но и всего Советского Союза. В 1965 году учебное заведение было передислоцировано в город Донецк [20, с.8].

Отдельные тенденции к прогрессивному развитию социальных процессов в обществе после XX съезда КПСС обусловили новые требования не только к повышению ее профессиональной подготовки ОВД, но и сопровождались становлением новых форм партнерских отношений с общественностью, способствовали изменению традиционного сталинского «репрессивного» имиджа милиции и повышению её авторитета среди населения. В период с 1959 по 1962 гг. курс на перестройку системы органов внутренних дел приобретает черты «административной демократизации», связанной с передачей отдельных правоохранительных функций милиции общественности и трудовым коллективам. Следует при этом подчеркнуть, что общественные формирования по охране общественного порядка, создававшиеся на рубеже 1950-х-1960-х гг. принципиально отличались от прежних. Так, вследствие принятия 2 марта 1959 г. ЦК КПСС и Советом Министров СССР постановления №218 «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране» бригады содействия милиции, которые формировались при горрайорганах внутренних дел и получили широкое распространение еще в 1920-1930-е гг. были распущены. На смену им для помощи органам внутренних дел стали создаваться добровольные народные дружины (ДНД), которые формировались при предприятиях и учреждениях

[21]. Родоначальниками движения ДНД в Донбассе и в УССР выступили рабочие города Енакиево, почин которых был подхвачен трудовыми коллективами промышленных центров региона – Сталино, Жданова, Краматорска, Кадиевки, Лисичанска, Луганска, Северодонецка, Красного Луча и др. В 1961 г. было принято официальное решение о добровольных народных дружинах по охране общественного порядка в УССР. В это время в двух донбасских областях уже действовали сотни штабов ДНД и десятки тысяч дружинников на инициативной основе [22, с.265].

13 января 1960 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было упразднено МВД СССР и все его функции передавались министерствам внутренних дел союзных республик. Данный организационный шаг, инициатором которого являлся лично Н.С.Хрущев, имел ярко выраженный идеологический характер и был направлен на ограничение правового статуса и роли органов внутренних дел с точки зрения их воздействия на внутреннюю политику страны. Акт ликвидации МВД СССР как единого союзного центра борьбы с преступностью можно оценить скорее отрицательно, чем позитивно: ведь фактически произошла ликвидация единой системы органов, осуществлявших борьбу с преступностью, которая имела общесоюзный масштаб и межлокальный характер [3, с.81].

Очередной этап реформирования милиции в хрущевскую эпоху происходит после принятия Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17

августа 1962 г. №900-387 «О мерах по улучшению деятельности советской милиции», согласно которому министерства внутренних дел союзных и автономных республик переименовывались в министерства охраны общественного порядка (МООП) и управлений внутренних дел краев и областей в управления охраны общественного порядка исполнительных комитетов краевых, областных Советов депутатов трудящихся[23].

30 августа 1962 г. МВД УССР было преобразовано в Министерство охраны общественного порядка (МООП). Однако, как показала практика, ликвидация союзно-республиканского министерства внутренних дел имела ярко выраженный субъективистский характер и привела к усложнению координации работы республиканских органов охраны общественного порядка, к дисбалансу в нормативном регулировании отдельных вопросов службы охраны порядка и в итоге серьезно отразилось на качестве правоохранительной деятельности в СССР и в регионах. Например, в г.Донецке в 1963, 1964 гг. наблюдалась стойкая тенденция роста уровня преступности, обусловленная прежде всего увеличением удельного веса таких социально опасных криминальных деяний, как: убийства, разбои, грабежи, кражи государственного и общественного имущества[24].

Актом утверждения нового правового статуса отечественных органов внутренних дел стало и утверждение нового «Положения о советской милиции», которое определяло основные задачи милиции, ее место и роль в системе органов государственного управления. В рамках повышения престижа милицейской профессии Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1962 г. в стране был утвержден в качестве профессионального праздника – «День советской милиции», который отмечался ежегодно 10 ноября. Одновременно с праздничными мероприятиями устанавливалась процедура торжественного принятия присяги всем личным составом милиции, учреждалось присвоение почетного Красного знамени милиции для республиканских, краевых, областных, крупных городских гарнизонов[25].

Накануне Дня советской милиции 9 ноября 1962 г. работниками милиции Донбасса впервые была принята присяга. Празднование Дня милиции и принесение присяги сотрудниками органов внутренних дел широко освещалось средствами массовой информации, пропагандируя их деятельность, показывая всю важность борьбы с преступностью. В ноябре 1963г. Красные знамена и Грамоты Президиума Верховного Совета УССР были вручены в торжественной обстановке милицейским подразделениям Донецкой и Луганской областей, городов Донецка и Луганска[9, с. 367].

Подводя итог, необходимо констатировать, что период 1950-х – начала 1960-х гг. характеризуется кардинальными и противоречивыми реформами всей советской правоохранительной системы МВД, в рамках которой функционировали и органы внутренних дел Донбасса. На первом этапе (1953-конец 50-х гг.) реформы преследовали цель ослабления системы МВД, ее дестабилизации и децентрализации, что привело к формированию модели «двойного подчинения» милицейских подразделений. На следующем этапе (конец

1950-х-начало 1960-х гг.) реформы были обусловлены идеологическими и иллюзорными мотивами советского руководства преодолеть преступность, причины ее возникновения, используя прежде всего механизм взаимодействия с общественностью. Объективным следствием обоих этапов реформ стала децентрализация системы органов внутренних дел, приведшая к ликвидации в 1960 г. общесоюзного МВД СССР, что привело к закономерному росту преступности. В результате реформ, проведенных в 1950-е-начале 1960-х гг., правоохранительная система оказалась разобщенной, а функции контроля и управления милицеескими структурами были переданы партийным и советским органам.

Ссылки и примечания:

1. Из истории милиции советской Украины /под ред. П.П. Михайленко. К.: Рио МООП УССР, 1965. 400 с.; История советской милиции. В 2 т. Т. 2: Советская милиция в период социализма (1936-1977 гг.) / под.ред. Н. А. Щелокова. М.: Юрид. лит., 1977. 346 с.; Советская милиция: история и современность (1917-1987) / под ред. А.В. Власова. М. : Юрид. лит., 1987.551 с.; История МВД России. 1802-2002 год / под редакцией А.М.Смирного.М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. 428 с.; МВД России. 200 лет на страже закона и правопорядка. М., 2002. 368 с.
2. История МВД России. 1802-2002 год / Под редакцией А.М.Смирного.М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. 428с.
3. МВД России. 200 лет на страже закона и правопорядка / С.О. Гонюхов, В.И. Горобцов. М., 2002.
4. Еропкин, М. Развитие органов милиции в Советском государстве / М. Еропкин. М. : Юрид. лит., 1967. 238 с.
5. Мулукаев, Р.С., Карташев, Н.Н. Милиция России (1917-1993): Историко-правовой очерк. / Р.С.Мулукаев, Н.Н. Карташев. Орел: Орловское книжное издательство, 1995. 254 с.
6. Из истории милиции советской Украины / Под ред. П.П.Михайленко. К.: Рио МООП УССР, 1965. 400 с.
7. Михайленко, П.П., Кондратьев, Я.Ю. Історія міліції України: у документах і матеріалах. У 3-х т.Т.3:1946-1990. / П.П. Михайленко, Я.Ю. Кондратьєв. К.: Генеза, 2000.614 с.
8. История донецкой милиции / В.С. Малышев, В.Н. Бесчастный, Ю.Н. Красноносков и [др.]. Донецк : Юрпресс, 2000. 472 с.
9. Макштарев, С.Н. История Госавтоинспекции Донбасса / С.Н. Макштарев, Ю.Н. Красноносков, А.Е.Шевченко.История советской милиции. В 2 т. Т. 2: Советская милиция в период социализма (1936-1977 гг.) / Под.ред. Н. А. Щелокова. М.: Юрид. лит., 1977. 346 с.
10. Советская милиция: история и современность (1917–1987) / Под ред. А.В. Власова Донецк :Юрпресс, 2000. 256 с.

11. Абдуллин, А. А. Діяльність міліції Донбасу (1956-1994 рр.): досвід, проблеми, уроки : : дис. ... канд. істор. наук : спец. 07.00.01 / А. А. Абдулін. Донецьк, 2004. 215 с.
12. Емельянов, Ю.В. Хрущев. Смутьян в Кремле. / Ю.В. Емельянов. М.: Вече, 2005. 416 с.
13. Беда, А.М. Органы внутренних дел в середине 50-х – начале 60-х годов. / А.М.Беда // Полиция и милиция России: страницы истории. – М.: Наука, 1995. 325с.
14. Справочник по истории Коммунистической партии Советского Союза [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.knowbysight.info/index.asp>.
15. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины). Ф.1. Оп.24.Д.5419. Л.34.
16. ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.24. Д. 5505.Л.175.
17. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК:1898-1986. М.: Политиздат, 1986. Т.10.: 1956 - 1960. 547 с.
18. ЦГАОО Украины. Ф.7. Оп.15.Д.486. Л.2.
19. ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.24. Д.5419. Л.67.
20. Донецький юридичний інститут МВС України: історія та сьогодення / В.І. Кравченко, Ю.М. Красноносів, А.Є.Шевченко. Донецьк: ДЮІ, 2005. 264 с.
21. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР №218 от 2 марта 1959 г. «Об участии трудящихся в охране общественного порядка» // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. М, 1959. № 4.
22. Красноносів, Ю.М. Форми взаємодії органів міліції України з населенням щодо протидії злочинності (50-60-ті рр. ХХ ст.): історико-правовий аспект / Ю.М. Красноносів// Вісник Луганського державного університету внутрішніх справ. Луганськ. 2011. №4. С.261-268.
23. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 августа 1962 г. №900-387 «О мерах по улучшению деятельности советской милиции» // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. М., 1962. № 3.
24. Государственный архив Донецкой Народной Республики. Ф.1495.Оп.1.Д.3. Л.41, 42.
25. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1962 г. «Об установлении ежегодного праздника «Дня советской милиции» // Ведомости Верховного Совета СССР», 1963. – №40. – Ст. 412.

УДК 94:304.4(477.6):304.4"1985/1991"

А.В. Дмитриевский

аспирант,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: dmitryjewski@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ДОСУГА ГРАЖДАН В ДОНБАССЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг. (НА ПРИМЕРЕ КИНОФИКАЦИИ ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация

На примере кинофикации рассматриваются проблемы сферы досуга населения во второй половине 1980 гг. в Донецкой области, которые были общими для разных её отраслей. Сфера досуга в регионе была достаточно развитой, предпринимались меры по её совершенствованию, улучшению материальной базы и кадрового потенциала. Однако неравномерность внимания со стороны власти, серьёзные недостатки в кадровой политике, формализм и бюрократизм привели к тому, что сфера досуга с каждым годом всё менее учитывала интересы граждан. В результате этого её государственный сегмент утратил способность влиять на формирование общественного сознания.

Ключевые слова: *Донбасс, СССР, социальная политика, благосостояние, Перестройка, услуги, кинофикация, сфера досуга, кадровая политика, бюрократизм, общественное сознание.*

Summary

By the example of cinema, the problems of leisure of the population of the Donetsk region in the second half of the 1980s are considered, which were common to its different varieties. The leisure sector in the region was quite developed, measures were taken to improve it, to improve the material base and personnel potential. However, the uneven intensity of attention from the authorities, serious shortcomings in personnel policy, formalism and bureaucracy led to the fact that the sphere of leisure took into account the interests of citizens to an ever-smaller degree from year to year. As a result, its state segment lost its ability to influence the formation of public consciousness.

Keywords: *Donbass, USSR, social policy, welfare, Perestroika, services, cinema, cinematography, leisure, personnel policy, bureaucracy, public consciousness.*

Организация досуга населения – один из важнейших аспектов социальной политики: заполнение свободного времени – важный показатель не только уровня, но и качества жизни общества. Отсутствие продуманной системы подходов в

данном вопросе приводит к целому ряду негативных явлений, среди которых – рост пьянства (а в изучаемый период – и наркомании), чьим следствием становятся увеличение заболеваемости населения, количества несчастных случаев и смертности, а также рост числа административных и уголовных правонарушений, в частности – увеличение удельного веса действий такого рода, совершаемых из хулиганских побуждений. Кроме того, сфера досуга находится в числе главных инструментов трансляции идеологических установок в массы, поэтому проходившие в ней в период Перестройки процессы также сказались на состоянии общественного сознания.

Проблема организации досуга в позднем СССР, в том числе и на региональном уровне, становилась объектом внимания исследователей, однако применительно к Донбассу времён Перестройки детально рассматривается впервые [1]. Основными источниками являются документы Донецкого обкома КПУ, содержащиеся в фонде № 326 Государственного архива Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР). Все используемые в статье архивные материалы вводятся в научный оборот впервые. Выбор в качестве примера состояния дел в кинофикации обусловлен наличием в фондах ГА ДНР соответствующего массива документов, дающего не только достаточно полную картину состояния данной отрасли в регионе, но также позволяющего сравнить с ситуацией в других отраслях досуговой сферы.

Основные решения партийных и советских органов по данному вопросу были изложены в Постановлении ЦК КПСС и СССР от 19 апреля 1984 года № 350 «О мерах по дальнейшему повышению идейно-художественного уровня кинофильмов и укрепления материально-технической базы кинематографии» и Постановлении ЦК КПУ и Совета министров УССР от 23 мая 1984 года № 223 «Об организации выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 апреля 1984 г. N 350 "О мерах по дальнейшему повышению идейно-художественного уровня кинофильмов и укреплению материально-технической базы кинематографии"». На их основании бюро Донецкого обкома КПУ приняло соответствующее постановление от 25 июня 1984 года касающееся воплощения в жизнь решений вышестоящих органов [2].

Эти документы содержали две группы мер. Первая предусматривала улучшение перспективного и тематического планирования кинопроизводства, повышение идейно-художественных достоинств фильмов и усиление ответственности за качество произведений. Кроме того она предполагала разнообразить формы пропаганды киноискусства в массах, обеспечить дальнейшее укрепление связей кинематографа с тружениками города и села, активное использование кино в воспитательной и массово-политической работе, особенно среди молодёжи. Средства экрана должны были стать важным инструментом пропаганды советского образа жизни, достижений страны и миролюбивой внешней политики СССР, а также разоблачения агрессивного курса империализма.

Вторая группа мер касалась улучшения качества кинообслуживания населения. Помимо повышения требовательности к руководителям киносети в вопросах формирования репертуарной политики и эффективного использования фильмофонда, прежде всего – лент отечественного производства, она предусматривала также расширение технической базы и поиск путей решения кадровой проблемы. В XII пятилетке предполагалось осуществлять строительство кинотеатров в районах массовой жилой застройки городов за счёт государственных капитальных вложений, а в большинстве остальных мест – за счёт ссуд Госбанка СССР. Также планировалось завершить кинофикацию сельских населённых пунктов, расширить сеть специализированных кинотеатров, а в во всех региональных центрах и крупных городах УССР должны были появиться детские кинотеатры. Для этого требовалось принять меры по упорядочению размещения киноустановок с целью повышения эффективности использования государственной и профсоюзной киносети. Также было запланировано осуществить строительство фильмобазы в Донецке сверх лимитов государственных капитальных вложений с изысканием материальных ресурсов из местных источников за счёт средств, образуемых от превышения доходов над расходами в областном бюджете.

В кадровом вопросе планировалось уточнить потребность в специалистах и создать реальный резерв руководителей управлений кинофикации, контор кинопроката, дирекций киносети. Для повышения материальной заинтересованности кинофикации было установлено, премирование должно производиться за счёт фонда заработной платы по следующей схеме: до 15% должностного оклада за выполнение плановых заданий по валовому сбору средств, и до 2% оклада за каждый процент перевыполнения плана. При этом общий размер премии не должен был превышать половину суммы оклада в месяц.

Во второй половине 1980-х гг. в Донецкой области продолжались расширение и модернизация киносети. По состоянию на 1 октября 1986 г. в регионе насчитывалось 810 государственных киноустановок, из них 537 – в сельской местности. Кинозалы области могли одновременно принять 191,5 тыс. зрителей. Кроме того имелось 7 специализированных детских кинотеатров и 79 – школьных. Для сравнения: в 1985 году в киносети области насчитывалось 23 школьных кинотеатра. Также во всех без исключения кинотеатрах области еженедельно проводилось не менее двух детских киносеансов. В ноябре 1986 года в Донецке был открыт кинотеатр политического фильма «Планета» и 14 залов данного профиля в городах области. Кроме того киносетью были организованы служебные показы фильмов, созданных по заказам Минуглепрома, Минчермета, Минмашпрома, Минхимпрома и ряда других ведомств [3].

Тем не менее, руководство области и субъектов регионального подчинения считало необходимым увеличения числа кинотеатров, зрительских мест в них, а также иных форм обеспечения граждан кинопродукцией. За счёт ссуды Госбанка СССР было запланировано строительство двух кинотеатров в Донецке – на 800 мест в микрорайоне «Текстильщик» и на 600 мест в микрорайоне «Мирный», а

также по одному кинотеатру в Жданове – на 1000 мест, в Харцызске, Горловке, Макеевке, Славянске и Краматорске – на 600 мест, в Красноармейске и Константиновке – на 500 мест, в Торезе и Дзёржинске – на 400 мест, в Великой Новосёлке – на 200 мест. Согласно информации Облисполкома от 28 октября 1986 г. уже велось строительство вышеупомянутого кинотеатра в Жданове, а также было выделено финансирование на строительство кинотеатров в Харцызске, Горловке и Красноармейске. За годы XII пятилетки было запланировано капитально отремонтировать 43 кинотеатра, из них 13 – в 1986 г., однако к октябрю капремонт завершили только в трёх кинотеатрах области [4].

Также внедрялись новые технологии. Например, в том же году в киносеть Донецкой области было направлено 168 кинопроекторов стационарного типа с мощными ксеноновыми источниками света: из них 66 типа 23КПК, 60 типа МеО-5Х, 10 проекторов широкоформатного типа КП-30К, 32 проектора типа 35КСА-11 и 35КСА-12. Это оборудование было установлено в 22 кинотеатрах и 86 сельских киноустановках области. 34 кинотеатра получили кашетирующие устройствами киноэкранов, в 40 кинотеатрах и 200 сельских установках экраны устаревшего типа были заменены на новые перламутровые и пластикатовые. Кроме этого на протяжении 1985-1986 гг. 20 залов были оборудованы устройством автоматического кинопоказа, и число таких установок в общей сложности было доведено по области до 286 единиц. В 1986 г. был переведён с широкоэкранным кинопоказа на стереопоказ кинотеатр «Комсомолец» в Донецке. Помимо этого в Жданове в летом того же года при конторе кинопроката была открыта видеотека по прокату видеозаписей населению. Аналогичное подразделение было открыто и в Донецке в декабре 1986 г.: под него выделили помещение площадью 175 кв. метров. Также до 1990 г. планировалось открыть пять видеозалов в Жданове, Донецке, Макеевке, Краматорске, Горловке [5].

Однако несмотря на громкие рапорты о досрочном выполнении заданий (например, по состоянию на 1 октября 1985 г. с планом XI пятилетки справились 220 киномехаников, 50 предприятий кинофикации и 38 сельских кинобригад), а также инициативы ряда передовых учреждений, таких, как Шахтёрская районная дирекция киносети, кинотеатры имени Шевченко в Донецке и имени Лукова в Жданове, закрыть план двух лет XII пятилетки к началу ноября 1987 года накануне празднования 70-летия Октябрьской революции, киносеть Донецкой области работала крайне неритмично и допускала значительные отставания от намеченных показателей. Например, только за девять месяцев 1986 г. было недодано к плану продажи билетов 477 тыс. руб., а к началу декабря 1987 г. отставание составило свыше 1,5 млн. руб. Это вынудило отдел культуры Донецкого обкома КПУ и Областное управление кинофикации совместно с Госкино УССР провести анализ финансовых показателей обслуживания населения и снизить план 1988 г. на 1,5 млн. руб. В ряде городов, особенно в Горловке, Макеевке и Славянске количество мест в кинозалах на тысячу жителей значительно ниже среднеобластного показателя. Неудовлетворительно решались вопросы строительства кинотеатров в новых городских районах и на селе, а также

областной фильмобазы в Донецке. Подавляющее число школ, ПТУ, техникумов и вузов не были кинофицированы. Из-за отсутствия необходимых ремонтных мощностей и невозможности найти подрядчика (строительные организации практически постоянно были перегружены заказами) многие действующие кинотеатры не ремонтировались по многу лет и не отвечали современным требованиям по оборудованию и комфорту. Однако финансовое управление областного исполкома в декабре 1985 г. посчитало нецелесообразным создание специализированного ремонтно-строительного управления по обслуживанию учреждений кинофикации так как согласно Постановлению Совета министров СССР и ВЦСПС № 87 от 24.10.1985 г. минимальный объём его работ должен составлять 3 млн.руб. в год. Вместо этого для проведения ремонтов кинотеатров и других учреждений культуры области решением облисполкома № 518 от 27.11.1985 г. было поручено областным управлениям кинофикации и культуры в течение 1987-1988 гг. создать на базе ремонтного участка предприятия «Кинотехпром» ремонтно-строительный участок, что не являлось выходом из сложившейся ситуации [6].

Тревогу вызывали и другие моменты. Например, заполняемость кинозалов в Донецкой области в предыдущий изучаемому период уменьшилась с 51% в 1981 г. до 46% в 1985 г., число посещений на одного зрителя за это же время снизилось с 11,6 до 10,1 раза в год, а доля зрителей, которые смотрят советские фильмы снизилась с 59,7% до 50,5%. Увеличились простои киноустановок в сельской местности [7]. Это стало следствием того, что не была налажена должным образом работа по поиску новых форм организации зрителя, без учёта интересов которого зачастую велось репертуарное планирование. Безусловно, были кинотеатры, использовавшие новые формы работы, такие, как показ фильмов по театральному принципу, просмотры и обсуждение кинолент, поднимавших острые проблемы, торжественные премьеры фильмов «Битва за Москву», «Иди и смотри», «Рейс 222», «Письма мёртвого человека», юбилейные сеансы картин «Броненосец "Потёмкин"», «Мать», «Мы из Кронштадта», «Семеро смелых». Транслируемое в магнитной записи вступительное слово к зарубежным фильмам не только охватывало значительную аудиторию, но и по мнению инициаторов использования такой формы работы «позволяло зрителям за блестящим мундиром буржуазного образа жизни разглядеть его истинную сущность». Имели место попытки создания дискуссионных площадок на базе учреждений кинофикации: так в июле 1986 г. совместно с Обкомом профсоюза работников культуры в донецком кинотеатре «Комсомолец» была проведена «Трибуна общественного мнения». Однако в большинстве случаев имел место формалистический подход, а тематика мероприятий не представляла интереса для массового зрителя, что очень хорошо видно из докладных записок Областного управления кинофикации. Например, за два года с момента принятия постановления проведено более 3000 тематических показов, месячников, декад, кино вечеров, киноутренников и кинофестивалей, широкая пропаганда решений XXVII съезда КПСС велась в 139 кино клубах и 260 кинолекториях, которые посетили 450 тыс. зрителей. В 1986 г.

проведено 965 сеансов на атеистическую тематику, показано 35 лент, обслужено 25 тыс. человек. В том же году было проведено 4395 сеансов научно-популярных фильмов, на которых присутствовали 275620 зрителей. Но рекорд 1986 г. поставила антиалкогольная проблематика: за год проведено 35998 сеансов, собравших 3 млн. 928 тыс. посетителей. Столь же косной была и тематика: «Советское кино – трудовым коллективам», «Народ и партия едины», «Ускорение технического прогресса – важнейшая задача XII пятилетки», «Программа мира в действии», «Кино на службе НТР», «Рассказы о партии», «Размышления о нашем современнике», «Экран и время», «Ради жизни на земле», «Продовольственная программа – дело всенародное», «Ещё раз о тревогах века», «Планету сохраним для счастья», «Трезвость – норма жизни», «Пьянству – бой», «Здравствуй, школа!», «Гордая профессия моя». Понятно что подавляющее большинство таких мероприятий носило принудительный характер и чаще всего имело форму демонстрации киножурналов перед основным показом картины [8].

Касательно бюрократизма и формализма – оба эти явления были в порядке вещей для руководства Областного управления кинофикации. В тех же докладных записках на имя Донецкого обкома партии достаточно часто встречаются фразы: «Выезды на места ответственных работников управления увеличились на 28%...», «Предусмотрено сокращение совещаний на 20 в год, документов, исходящих из управления – на 50...», «На местах определены дни отчётов киномехаников в райдирекциях киносети – один раз в декаду вместо одного раза в неделю...», «Все оперативные вопросы теперь решаются на служебных просмотрах в отделениях кинопроката один раз в неделю...», «Укреплено руководство 15 кинотеатров и райдирекций киносети...» [9].

В документах ГА ДНР отмечается что в изучаемый период в областной киносети имела место большая текучесть кадров, особенно киномехаников, при отсутствии резерва. Многие должности долгое время оставались вакантными, либо замещались неспециалистами. И это при том, что в Шахтёрске действовал кинотехникум, возможности которого не были задействованы в полную силу: например, сообщается что в 1986 году его выпускники заменили в киносети Донецкой области 21 практика, занимавших инженерные должности [10].

В архивном деле, где собрана информация о ходе выполнения Постановления ЦК КПСС и СССР № 350 от 19 апреля 1984 года «О мерах по дальнейшему повышению идейно-художественного уровня кинофильмов и укрепления материально-технической базы кинематографии» также находятся Постановление бюро Донецкого обкома КПУ от 22 января 1987 «О работе Енакиевского горкома партии по выполнению постановления ЦК КПСС "О мерах по улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений"» и докладные записки с мест. То, что все эти документы собраны в едином массиве, позволяют нам сделать сравнительный анализ для ответа на вопрос о том были ли проблемы, имевшие место в системе кинофикации, характерны и для других отраслей сферы досуга в Донбассе изучаемого нами периода.

В постановлении бюро указывается что из 52 енакиевских предприятий 42 не имеют своих клубов и 35 – спортивных сооружений. В городе слабо внедряется практика долевого участия в содержании и использовании учреждений культуры и спорта, значительная часть из них плохо обеспечена оборудованием и инвентарём. В объединении «Орджоникидзеуголь» из 9 клубов 8 требуют неотложного ремонта и реконструкции. Большинство государственных клубных учреждений расположено в приспособленных и аварийных помещениях. Почти 40% клубных работников и половина штатных работников физвоспитания не имеют специального образования. Велика их текучесть, низкой остаётся партийная прослойка. В городе не получили развитие новые формы культурно-массовой работы. Формально работают культурно-спортивные комплексы: только каждый пятнадцатый взрослый и каждый шестой подросток занимаются в группах здоровья и спортивных секциях, более 30% призывников не подтверждают нормы ГТО [11]. В ответной информации Енакиевского горкома КПУ также сообщается что три кинотеатра в городе выполнили план только за 4 квартал 1987 года, а основной причиной этого является слабый репертуар фильмов. О косности подходов городского управления кинофикации к делу говорят названия кинолекториев и киноклубов: «Трезвость – норма жизни», «Кино в борьбе за мир», «Подросток и закон», «Ровесник», «Красная Шапочка», «Дюймовочка», «Пионерия 80-х». Кроме того признаются факты отсутствия культурных центров в новых микрорайонах «Горняк» и имени Брайляна, нерешённости проблемы обеспечения государственных досуговых учреждений мягким и жёстким инвентарём, а также необходимости приобретения автобуса для библиотечного обслуживания отдалённых районов. Также горком посчитал целесообразным передачу находящихся в пригородах учреждений культуры и спорта на баланс обслуживаемых совхозов и других предприятий [12].

Для воплощения в жизнь постановления были приняты определённые меры: например, на оборудование и инвентарь только для учреждений государственной сети было потрачено 35 тыс. руб. Из действовавших в городе 103 библиотек 7 были открыты в 1987 г., охват населения библиотечными услугами составил 67%, а молодёжи – 73%. В городе действовало 120 любительских объединений и клубов по интересам, а в ходе проведённого смотра художественной самодеятельности приняло участие 16 тысяч енакиевцев, создано 5 новых хоровых коллективов, 4 коллектива бального танца, 3 оркестра народных инструментов, 6 духовых, получили дальнейшее развитие фольклорные ансамбли. Были изменения и в кадровой сфере: в 1987 г. в сферу культуры и спорта принято 18 молодых специалистов, 15 работников направлены на учёбу в вузы, 5 – в техникумы и училища, 7 – прошли курсы повышения квалификации. Таким образом в период с 1 января 1987 г. по 1 января 1988 г. кадровый состав работающих в государственных учреждениях досуга города Енакиево изменился следующим образом: количество специалистов с высшим образованием увеличилось с 50 до 57 человек, со средним специальным – со 110 до 128 человек, а членов КПСС – с 14 до 15 человек. Таким образом мы можем утверждать что проблемы и тенденции, наблюдавшиеся в

изучаемое нами время в кинофикации Донецкой области были характерны и для других отраслей сферы досуга в регионе [13].

Информация Енакиевского горкома КПУ – самый поздний из имеющихся в деле документов, составленный в начале 1988 г., поэтому в нём значительно лучше отражены новшества, входившие в жизнь общества. Например, упоминается о такой популярной в то время экспериментальной форме работы, как ночные киносеансы. Также сообщается о развитии системы платных услуг населению в сфере досуга, что также коррелирует с активизацией государственной политики в данном вопросе. В то время активно создавались абонементные группы, видеотеки, пункты проката культ- и спортивного инвентаря, устанавливались игровые автоматы. Енакиевские учреждения физкультуры и спорта в 1987 г. оказали населению услуг в 95 абонементных группах на сумму 65,1 тыс. руб. при плане 60 тыс. руб., детские музыкальные и художественные школы – на 198 тыс. руб. при плане 189,3 тыс. руб., ДК им 40-летия Победы на 91,5 тыс. руб. при плане 90 тыс. руб. [14].

В изучаемый период в Донецкой области имелась достаточно развитая сфера досуга населения. Партийные и советские органы предпринимали меры по её совершенствованию, улучшению материальной базы и кадрового потенциала. В то же время отмечались и негативные явления.

Прежде всего стоит отметить то, что внимание сфере досуга со стороны региональной и местной власти уделялось по остаточному принципу. Зачастую степень интенсивности этого внимания напрямую зависела от выхода в свет постановлений вышестоящих органов. Следствием всего этого становились накопление проблем, а также попытки форсированного их решения.

Серьёзными были пробелы и в кадровой политике. Низкий уровень материального стимулирования приводил к тому, что отмечались сильная текучесть кадров, а также весьма частые случаи приёма на работу лиц, не имевших специального образования, причём не только на должности рядового персонала, но даже руководителей низшего, а иногда и среднего звена.

Ещё одной, не менее важной, группой факторов, являвшейся в значительной мере следствием двух предыдущих, были косность подходов к работе, формализм принимавшихся решений, заорганизованность и бюрократизм. К середине 1980-х гг. сфера досуга с каждым годом всё менее учитывала интересы конечного потребителя её услуг – гражданина, однако всё чаще предлагала продукт, предназначенный исключительно для отчётов перед вышестоящим руководством. Попытки исправить положение в последующие годы в основном носили разрозненный характер, базировались на усилиях отдельных руководителей, и не переросли в системное явление. В результате этого государственный сегмент сферы досуга оказался неконкурентоспособным перед кооперативным и теневым сегментами, активно предлагавшими новые формы, такие, например, как видеосалоны, дискотеки, тренажёрные залы (т.н. «качалки»), гастроли рок-музыкантов, повлиявшие в немалой степени на формирование общественного сознания.

Ссылки и примечания:

1. Панасенко С.И. Проблемы и специфика реализации советской концепции досуга на примере культурно-досуговой сферы города Армавира (1943 – 1991 гг.): монография / С.И. Панасенко. Армавир: РИО АЛСИ, 2014. 438 с.
2. ГА ДНР Ф. 326. Оп. 134. Д.184. Л. 2.; Постановление ЦК КПУ и СМ УССР от 23 мая 1984 г. N 223 «Об организации выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 апреля 1984 г. N 350 "О мерах по дальнейшему повышению идейно-художественного уровня кинофильмов и укреплению материально-технической базы кинематографии"» [Электронный ресурс] / Профессиональная нормативно-правовая библиотека «НОРМАТИВ. PRO». 2018. Режим доступа: <http://document.ua/pro-organizaciju-vikonannja-postanovi-ck-kprs-ta-radi-minist-doc12537.html>
3. ГА ДНР Ф. 326. Оп. 134. Д.184. Л. 6, 11, 13, 18.
4. Там же. Л. 7, 13-14.
5. Там же. Л. 7, 12-13.
6. Там же. Л. 3-4, 6-7, 19, 22, 26-27.
7. Там же. Л. 22.
8. Там же. Л. 6-7, 9-12, 19.
9. Там же. Л. 11-12.
10. Там же. Л. 15, 19, 22-23.
11. Там же. Л. 37-38.
12. Там же. Л. 45-46.
13. Там же. Л. 43,45-46.
14. Там же. Л. 44-45.

Донбасс в цифрах

УДК 93/94

А.С. Скоков

аспирант,

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени В. Даля», Луганская Народная Республика, г. Луганск

e-mail: sckockov.anton@yandex.ru

ПРОВЕДЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ НА ДОНБАССЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Аннотация

В статье дан анализ проведения Крестьянской реформы 1861 г. на территории Донбасса, рассмотрены выкупные платежи крестьянского сословия региона как вид прямого налога, определена мера наделения крестьян землей, выявлено влияния реформы на изменение системы налогообложения крестьян, проанализированы методы борьбы правительства с недоимками по крестьянским платежам, определены причины отмены подушной подати, рассмотрена прибыльность крестьянского хозяйства, определена роль крестьянства как основного и наиболее многочисленного налогоплательщика в Российской империи.

***Ключевые слова** крестьянская реформа, социально-экономические преобразования, выкупные платежи, временнообязанное состояние, подушная подать, десятина, надел.*

Summary

The article analyzes the implementation of the Peasant Reform of 1861 in the Donbass region, considers the redemption payments of the peasant class of the region as a type of direct tax, determines the measure of land allotment to peasants, reveals the impact of the reform on changing the taxation system for peasants, the methods of the government's struggle against peasant payments in default are analyzed, the reasons for the abolition of the poll tax are determined, the profitability of the peasant economy is considered, as well as the role of peasantry as the main and most numerous taxpayer in the Russian Empire.

***Keywords:** peasant reform, socio-economic transformation, redemption payments, temporarily bound, capitation, tithing, allotment.*

В истории Российской империи крестьянское сословие занимает особое место. Крестьянство являлось основной податной категорией населения, которая вынесла на своих плечах неоднократные войны, модернизацию промышленности и сельского хозяйства. Помимо этого, крестьянство Донбасса являлось основным источником рабочей силы в быстро развивавшемся индустриальном регионе, имевшим огромное значение для развития экономики всей страны.

К середине XIX в. назрела очевидная необходимость коренной реформы социально-экономической системы Российской империи. Поражение в Крымской войне выявило опасную тенденцию запаздывающего развития России по сравнению с ее реальными и потенциальными геополитическими соперниками. Переход к капиталистическим отношениям требовал притока ресурсов, социально-политические преобразования требовали реформирования устаревших патриархальных податей и появления принципиально новых видов налогообложения, в первую очередь перехода к подоходному принципу сбора налогов.

Научная новизна исследования заключается в том, что автор, используя новые, а также недостаточно изученные архивные документы РГИА и Луганской архивной службы, конкретизировал ход Крестьянской реформы на территории земель, входивших в состав Донбасса во второй половине XIX в.

Донбасс – это исторически сложившийся регион, имеющий как географические, так и культурно-исторические рамки. В географическом смысле различают территорию «Большого Донбасса», которая включает в себя бывшие Луганскую и Донецкую области, а также части Днепропетровской и Ростовской областей (территорию Донецкого каменноугольного бассейна), и территорию «Малого Донбасса» – северную часть Донецкой (за исключением Приазовья) и южную часть Луганской (за исключением северной части – Слобожанщины) областей[1, 444]. Как культурно-историческая общность Донбасс сложился на стыке Новороссии и Слобожанщины, синтезировав в себе как различные субэтноты русского народа, так и представителей других наций (греки, немцы, евреи, армяне, татары).

Ключевым событием XIX в., касающимся социально-экономических отношений в Российской империи в целом и на Донбассе в частности, была Крестьянская реформа 1861 г., уже хотя бы в силу того факта, что крестьянство составляло более 90% населения России. Перед проведением реформы среди крестьян Донбасса распространялись различные противоречивые слухи и предположения. Так, 5 апреля 1861 г. Славяносербский предводитель дворянства Гладкий сообщал губернатору: «Вслед за объявлением Манифеста я нарочно съездил на одну сельскую ярмарку и при объяснении с крестьянами убедился, что они поняли свои права и обязанности и преисполнены благодарностью Всемилостивейшему Государю за дарованные им облегчения; большинство из них рассуждают разумно, но многие не охотно примиряются с мыслью, что они не получают землю безвозмездно. До сих пор в уездах не

произошло ничего важного, но частные случаи слушания так велики, что земская полиция и я постоянно находимся в разъездах. При рассылке положений крестьянам указан тот отдел, где изложены настоящие их права и обязанности, но я имел случай убедиться, что по простоте своей и безграмотности, крестьяне нелегко понимают все, что написано недоступным для них языком, почему, кроме разъяснения положения чинами полиции, я предполагаю еще, по окончанию поста, собрать крестьян по приходам и приехать самому для узнания, каково им новое положение»[2, 30]. В заключение Гладкий сообщает, что в особых мерах надобности пока нет, но за последствия, при отдаленности уезда, ручаться он не может.

В результате реформы крестьяне получили личную свободу и права свободных сельских обывателей, т. е. определенные гражданские, семейные и даже некоторые политические права (например, право создавать крестьянское самоуправление). Правосубъектность крестьян была резко расширена. Тем не менее, крестьянство оставалось низшим слоем общества, но экономически и политически оно приобретало определенную перспективу. Центральным звеном реформы был вопрос о земле. Вся земля в имении признавалась собственностью помещика, в том числе и та, которая находилась в распоряжении крестьян. Они должны были выкупить свою усадьбную и надельную землю. До выкупа своих наделов крестьяне назывались «временнообязанными», т.е., несмотря на отмену крепостного права, должны были продолжать нести повинности в виде барщины или оброка. Земля же подлежала выкупу. В основной массе крестьяне получили меньше земли, чем находилось в их пользовании до реформы [3, 16]. Это обусловило их переселение в города и пролетаризацию, несмотря на попытки правительства этому воспрепятствовать.

Реформой 19 февраля 1861 г. налоговые обязательства крестьян перед помещиками подверглись более четкой регламентации: в уставных грамотах были определены размер и форма повинностей, сроки и порядок их исполнения. Функция наблюдения за исполнением крестьянами повинностей ложилась на мирового посредника, который, получив жалобу от помещика, должен был по собственному усмотрению предложить методы принуждения крестьян к выполнению повинностей [4, 141]. Он имел право приказывать сельским начальникам не выдавать паспорта крестьянам, которые своевременно не рассчитались с помещиками, отправить неплательщиков на заработки, составить опись и инициировать распродажу крестьянского имущества, отобрать у крестьян на три года часть их земель для сдачи в аренду и компенсации долга крестьян помещику из арендных платежей. Полиция и сельское начальство активно помогали посредникам в выполнении этих распоряжений [5, 145]. Таким образом, полной личной свободы крестьяне не получили, помещик продолжал обладать значительной властью над крестьянами.

Вследствие реформы крестьянство было лишено значительного количества земли. Помещики не только оставили в своей собственности лучшие земли, но и сохранили монопольное право на владение лесами, водоемами, недрами. Система, которая сложилась в конце концов, исходила из того принципа, что крестьянин должен получить земли ровно столько, чтобы она привязывала его к деревне, не допускала пролетаризации и ухода в город, но в тоже время чтобы этой земли крестьянину не хватало, и они вынуждены были арендовать у помещиков землю либо идти в батраки [3, 13]. Надел свыше 6 десятин, обеспечивавший прожиточный минимум крестьянина, получили, согласно данным «Статистики поземельной собственности», лишь 4,8% всех помещичьих крестьян [6, 13]. Положение крестьян Донбасса характеризует ситуация в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии: до 1861 года средний надел на душу составлял 3,5 десятин земли, после – 2,8. Государственные крестьяне получили 288 тыс. десятин земли, или 8 десятин на душу [7, 170]. Размер душевого надела для крестьян Старобельского уезда колебался от 4,5 до 1,5 десятины. В других местах устанавливался единый надел. Для крестьян Славяносербского и Бахмутского уездов он равнялся четырем, а для крестьян Земли Войска Донского – 3,5 десятинам земли. Помещики же сохранили за собой огромные владения. Так, княгине М.А. Долгорукой в селениях Михайловка, Паньковка и др. принадлежало 4 415 десятин земли, графине С. Муравьевой в с. Георгиевском – 2 502 десятины, принцессе Е. М. Мюрат в селах Александровка, Каменка, Первозвановка – 18 561 десятина. Рекордными же были владения семьи Булацель, достигавшие 22 628 десятин [8, 96].

Широкое распространение в нашем крае получили т.н. "дарственные наделы". Так, в Славяносербском и Старобельском уездах крестьяне получили в "дар" более 7 тыс. десятин и лишились, таким образом, около 22 тыс. десятин наделной земли. В результате, "дарственники" были наименее обеспечены землей: на крестьянский двор приходилось 2,1, на работника – 1,6, на едока – 0,3 десятины земли. Около 8% "дарственников" вскоре после реформы и вовсе лишились надела. До заключения выкупной сделки крестьяне за пользование землей должны были вносить оброк до девяти рублей или отрабатывать 40 мужских или 30 женских барщинных дней в год [8, 95]. Будучи безденежными, крестьяне расплачивались за землю постепенно, попадая в зависимость от того же помещика, и вынуждены были, как и ранее, работать на него. Например, жители села Штеровка, где в 1862 г. насчитывалось 40 ревизских душ и проживало 200 человек, должны были ежегодно отрабатывать в имении помещика Булацеля 11 340 человеко-дней. Недостаток и неплодородие земли, продолжающееся отбывание повинностей были причинами массового отхода крестьян на заводы и рудники в Луганск, Алчевск, Кадеевку, Лисичанск и другие промышленные центры Донбасса, где они пополняли ряды рабочих. Выкупные платежи в 3 – 4 раза превышали фактическую стоимость земли, 28% крестьян остались без земельных наделов [9, 9]. Подушная подать была

распределена крайне неравномерно. Например, в селе Новоселовке Бахмутского уезда подушная подать составляла неподъемную для крестьянского хозяйства сумму в 16 руб. на ревизскую душу, а в селе Варваровка того же района – 3 рубля [9, 10]. В 1872 вся обрабатываемая земля Бахмутского уезда была обложена налогом, который составлял 1,5 коп. с удобной для обработки десятины земли и 0,4 коп. – с неудобной. В 1875 г. налог на землю с 441 тыс. дес. земли дворян составлял 6 коп. с десятины, с 319 тыс. десятин крестьянской земли также 6 коп., с неудобных угодий – 2 коп. Крестьяне были вынуждены платить помещикам и казне огромные суммы выкупных платежей, количество которых в 3-4 раза увеличивало рыночную цену земельного надела. На протяжении всего периода пребывания во временнообязанном положении, который продолжался от двух до девяти, а кое-где и 20 лет, крестьяне должны были выполнять многочисленные повинности в пользу помещиков – денежные (оброк) и отработочные (барщина). Значительные пережитки крепостничества сохранились и в правовом положении крестьянства, которое было зачислено в разряд низшего податного сословия, поэтому платило подушную подать, выполняло рекрутскую повинность.

В РГИА содержатся документы, освещающие ходы выкупной операции на землях, входивших в состав Донбасса. Так, временнообязанные крестьяне деревни Новоселовка Криничанской волости Славяносербского уезда Екатеринославской губернии, состоявшие на издольной повинности, 4 июня 1865 г. заключили выкупную сделку с Олимпиадой Ивановной Сентяниной, вдовой подпоручика [10, 1]. От крестьян подпись поставил Елисей Михайлович Гайворонкин. Надел составил 4 десятины, оброк – 9 руб. Количество всей выкупаемой земли, кроме неудобной – 68 десятин, на душу – 4 десятины. С 17 надело предусматривалось 153 руб. оброка. Выкупная ссуда – 2040 руб. [10, 3]. Выкупалось 17 ревизских душ [10, 19]. Крестьяне деревни Новоселовка Криничанской волости Славяносербского уезда Екатеринославской губернии, всего четыре ревизские души, 7 июня 1880 года выкупили у помещика Василия Андриановича Березовского усадебную оседлость и полевые угодья в полном наделе, с получением ссуды от правительства сроком на три года [11, 3]. Территория, на которой был произведен выкуп земли, относилась к 3-й степной полосе 3-й местности. [11, 21]. По Уставной грамоте, количество выкупаемой земли составило 16 десятин земли, по 4 десятины на душу. Оброк за надел составил 9 рублей. Капитализация оброка составила 6%, за исключением 1/5 всей земли, и ссуда составила 480 руб. [11, 4]. За вычетом приусадебных участков – 380 руб. [11, 27]. Оброк должен был вноситься в срок, назначенный уездным мировым судом с 9 мая по 8 ноября. От крестьян Уставную грамоту подписали временнообязанные крестьяне деревни Новоселовки Григорий Демьянович Колесников и Федор Демьянович Колесников, а за неграмотных, по их личной просьбе, подписал крестьянин Савелий Сидоренко. Новоселовский сельский староста Иван Жданов также был безграмотным, и

поэтому приложил печать. Для составления уставной грамоты также требовалось согласие попечительницы жены В.А. Березовского Прасковьи Андриановны Гавриловой. Личности присутствующих удостоверял подпоручик Николай Петрович Сентянин [11, 10]. Свидетелями выступили жители деревни Воскресеновка Василий Павлович Горянский, Семен Корнеевич Тынянский и крестьянин той же деревни Матвей Герасимович Макжула. Криничанский волосной старшина Василий Тимофеевич Журавлев приложил печать. Непременный член Славяносербского уездного по крестьянским делам присутствия Иван Мусин-Пушкин засвидетельствовал, что «сия уставная грамота состоялась по добровольному согласию обеих сторон и все условия в ней известны крестьянам деревни Новоселовка» [11, 11]. Временнообязанные крестьяне стали крестьянами-собственниками [11, 14]. Помещику выплачивалось 350 руб. 5% билетами, 5 р. 84 коп. досрочными процентами, наличными деньгами – 24 руб. 16 коп., всего – 380 руб. Крестьяне должны были выплачивать 22 р. 80 коп. ежегодно в течении 49 лет [11, 27]. Таким образом, средний надел земли в 4 десятины при недостаточном количестве удобрений и неблагоприятных климатических условиях для занятия сельским хозяйством следует признать явно недостаточным для нормального жизнеобеспечения крестьянской семьи, а чрезмерные выкупные платежи еще более отягощали положение временнообязанных крестьян. В результате росли недоимки, как по выкупным платежам, так и по подушной подати.

С недоимками боролись, нередко прибегая к крайним мерам. На подступах к селам выставлялись караулы для того, что доставить возвратившихся с заработков крестьян к старосте, чтобы сразу же в счет налогов отобрать у них заработанные средства, применялись серьезные штрафные санкции к семьям, не сумевшим выплатить задолженность. Так, в с. Крымском Славяносербского уезда к 80-х гг. XIX в. накопились недоимки по казенным податям и другим платежам в сумме 2 182 руб., а на некоторых хозяйствах, в которых, кроме дома, не было никакого недвижимого имущества, числились безнадежные недоимки по податям от 20 до 70 руб. и более. Хозяйства многих неплательщиков разорились. В этих условиях собрание сельской общины утвердило «часть душевых наделов, а у некоторых и весь полевой надел на души недоимщиков впредь до окончательного погашения недоимки отобрать и отдать в пользование тем крестьянам, которые исправно платят налоги» [12, 211]. Большой вред наносили злоупотребления представителей власти, стремившихся отличиться на сборе недоимок. Ярким примером этого была ситуация в с. Макаров Яр, где было 315 домов. Крестьяне получили надел по четыре десятины на ревизскую душу. Но не все могли исправно платить налоги. К 1868 г. накопилась недоимка в 8 тыс. руб., для ее погашения был описан весь скот: волы, кони, коровы, овцы. При наличии круговой поруки описывался и продавался скот не только недоимщиков, но и тех, кто исправно платил налоги. Скот продавался по ценам намного ниже рыночных: коровы по 50-60 руб. за десятку, кони – по 5-6 руб. за голову. Освободиться от круговой

поруки могли только зажиточные крестьяне путем выкупа. В селе их оказалось 76 человек. Они выкупили свои наделы, стали полными собственниками и потребовали выделения своей земли в отдельный надел [12, 211]. Часть крестьян, чтобы поддержать свое хозяйство, прибегали к аренде земли не только у помещиков, но и у более зажиточных односельчан, к отходничеству или к другим формам найма рабочих рук. Появление этой прослойки способствовало развитию капитализма как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Остальные хозяйства постепенно разорялись. Разорившиеся крестьяне пополняли состав пролетариата либо становились деклассированными элементами. Наличие круговой поруки в системе налогообложения становилось все более архаичным элементом, а ее отмена – насущной необходимостью, к тому же не только размеры налогов и повинностей, но и сложившаяся практика их взысканий мешали стабильному развитию крестьянского хозяйства. Во время уплаты податей крестьяне массово сдавали свои наделы, вместо того, чтобы достать нужные деньги. В отдельных случаях происходило списание недоимок. Так, в деревне Лазоревка Славяносербского уезда было списано 72 руб. 90 коп. подушной подати и 16 руб. 70 коп. подушного сбора [13, 6].

Сельские общества пытались добиться справедливого распределения платежей. В разных местах их разверстывали по-своему: чаще всего по количеству земли, кое-где – по количеству ревизских душ либо даже на всех работников, иногда – и на рабочий скот. Распространение платежей на рабочий скот существовало в Мариупольском уезде. В селе Адрианополе Славяносербского уезда выкупные платежи распределили на 197 ревизские души, а остаток всех платежей – на 239 работников. В с. Павловка было двойное распределение платежей – на умерших и живых. В селе Нижнем до 1879 г. земельный налог и подушную подать за умерших платили сами крестьяне. Вследствие этого они не дорожили своими наделами. Например, в 1879 г. община сдала землю в аренду каменноугольной кампании. Платежи за умерших начала платить компания, их земля частично перешла общине, частично была роздана отдельным хозяйствам. В итоге земля оказалась в руках наиболее богатых крестьян. В селе Петропавловском в 1885 г. при переделе давали землю на десятилетних мальчиков, а в с. Городище – даже на девятилетних [12, 209].

Приусадебная земля не входила в земельный надел и предоставлялась бесплатно. Пользуясь этим, некоторые крестьяне начали захватывать земли выгонов, увеличивая приусадебные участки. В результате в селе Крымском 4% хозяев сосредоточили в своих руках 17% приусадебной земли – по 1,7 дес. на двор. Некоторые захватили по 2 дес., в то время как у 24% жителей села приусадебный участок составлял 0,1 дес. Подобные явления наблюдались и в с. Городище. Это вызвало широкое движение против самозахватов. В с. Крымском община ввела налог по 3 руб. с десятины приусадебной земли, захваченной сверх нормы, и запретила в дальнейшем незаконное расширение

участка. Община с. Желтого в 1879 г. замеряла усадьбы и облагала налогом по 1 коп. за квадратную сажень пригодной земли, занятой самовольно, и по 0,5 коп. – за непригодную [14, 47]. Однако, захваты земли продолжались и в дальнейшем.

В 1865-1866 гг. была проведена реформа некрепостных крестьян – военных поселян, казаков, колонистов. Принадлежавшие им земли были за выкуп переданы в собственность общин, которые предоставляли их в пользование. Земельный надел у этой категории крестьян составлял от 9 до 15 десятин на ревизскую душу [8, 77]. Эта категория сельских жителей оказалась в более выигранном положении, чем бывшие помещичьи крестьяне.

Таким образом, Крестьянская реформа 1861 года не решила крестьянского вопроса. Количество земли для нормального функционирования крестьянского хозяйства было недостаточным, лучшие земельные участки были переданы помещикам. Крестьянский двор был переобременен разнообразными налогами и повинностями (казенными, мирскими, земскими), их выполнение для большинства крестьянских хозяйств являлись трудновыполнимой задачей. Многие крестьяне Донбасса разорялись, из года в год росли недоимки, однако практика взыскания налогов с крестьян отличалась жесткостью, она предусматривала продажу имущества, как правило, за бесценок, и конфискацию земельного участка. Налоговая политика правительства по отношению к крестьянам тормозила развитие сельского хозяйства и вызывала повсеместное недовольство, которое сыграло свою роль в последовавших революционных событиях. Прямым последствием Крестьянской реформы и особенностью российской налоговой практики являлся тот факт, что главную тяжесть крестьянского обложения составляли не столько подушные сборы, сколько выкупные платежи, которые не соответствовали ни доходности земельных наделов, ни совокупным заработкам крестьян. Вместе с тем, реформа имела прогрессивное значение, поскольку крестьянам была предоставлена личная свобода и гражданские права, которые, однако, были ограничены по сравнению с другими сословиями вплоть до начала XXв.

Ссылки и примечания:

1. Большая советская энциклопедия. (В 30 томах). Т. 8. Дебитор Эвкалипт. М.: Советская Энциклопедия, 1972. 592 с.
2. Екатеринославская губерния. Памятная книжка и адрес-календарь 1903 г. Екатеринослав, 1903. 312 с.
3. Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Документы крестьянской реформы. Т.7. М.: Юридическая литература, 1989. 816 с.
4. Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II, 1855-1861. Т. 1. Берлин, 1862. 420 с.

5. Берестовий, А.І. Прямі податкові платежі селян підросійської України: спроби їхньої модернізації (1860-ті 1870-ті рр.) / А.І. Берестовий // Гуржіївські історичні читання. 2009. № 3. С. 143-149.
6. Зайончковский, П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы / П.А. Зайончковский. М.: Социально-экономическая литература, 1958. 473 с.
7. Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1867 год. Екатеринослав: типография губернского правления, 1867. 310 с.
8. Бельдюгин В.А., Пробейголова С.В., Федоровский Ю.Р. История отечества: курс лекций. Луганск, 2017. 304 с.
9. Татаринов, С.Й. Вплив Бахмутського повітового земства на розвиток сільського господарства (1859 – 1916 рр.) / С.Й. Татаринов // Питання історії науки і техніки, 2011. № 1. С. 8-18.
10. Дело о выкупе временнообязанными крестьянами земельных наделов у Сентяниной О.И. деревни Новоселовки (Екатеринославская губ.) 23 апреля 1865 – 7 октября 1865 г. // РГИА. Ф. 577. Оп. 11. Д. 873.24 л.
11. Дело о выкупе временнообязанными крестьянами земельных наделов у Березовского В.А. деревни Новоселовки (Екатеринославская губ.) 5 мая 1881 – 5 апреля 1883 г. // РГИА. Ф. 577. Оп. 11. Д. 775.45 л.
12. Подов, В.И., Курило, В.С. Історія Донбасу / В.И. Подов, В.С. Курило. Луганськ: ДЗ ЛНУ ім. Т. Шевченка, 2009. 300 с.
13. Переписка с Екатеринославской казенной палатой о передаче земли от одного лица к другому и др., списки мещан и крестьян, выписка из окладного расписания о количестве дохода и др. // Госархив ЛНР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 20. 171 л.
14. Молчанов В.Б. Донбас у системі соціально-демографічних та економічних процесів (XIX – початок XX ст.). К.: Інститут історії України НАН України, 2015. 106 с.

Всемирная история

УДК 94 (592.36)+929 Ли Куан Ю "19"

О.А. Дибас

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»,
Луганская Народная Республика, г. Луганск

e-mail: oksana-dibas@rambler.ru

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ЛИ КУАН Ю: ПОСТОРОЕНИЕ «НОВОГО» СИНГАПУРА

Аннотация

В статье рассматривается комплекс мер, направленных на формирование, отбор и воспитание новых кадров, способных обеспечить высокую эффективность функционирования государства Сингапур, его экономическую конкурентоспособность и значимость в системе международных отношений.

Ключевые слова: Сингапур, независимость, антикоррупционная политика, меритократия, профессиональный рост.

Summary

The article considers the set of measures aimed at the formation, selection and education of new personnel capable of ensuring high efficiency of the functioning of the state of Singapore, its economic competitiveness and significance in the system of international relations.

Keywords: Singapore, independence, anti-corruption policy, meritocracy, professional growth.

Современное общество, переживающее процесс реформирования и переход к действенной полицентричности выдвигает новые критерии успешности государства, которые предполагают не только способность государства и общества отвечать на вызовы как внутренние, так и внешние, но также и наличие высокого уровня доверия граждан к органам государственной власти. Одним из наиболее ярких примеров современного успешного государства является Сингапур, который поражает редким сочетанием крошечных размеров с значительными экономическими достижениями. На фоне современного экономического благополучия, инвестиционной и туристской привлекательности, зарождение сингапурской государственности и методы достижения высоких

показателей развития вызывают больше вопросов чем ответов: как удалось приобрести и сохранить независимость, какая применялась тактика отстаивания собственных интересов, какие мотивационные механизмы для граждан были задействованы, каким образом формировалась гражданская лояльность и происходил отход от традиционных для восточного общества форм социального взаимодействия и гендерных отношений. Но факт остается фактом, Сингапур получил независимость не благодаря успехам в гражданском противостоянии или преодолении экономических кризисов и ресурсных ограничений, а просто в 1965 году был исключен из состава Малазийской федерации, в состав которой за два года до этого он добровольно вошел. Обретение независимости Сингапура произошло в силу специфической ситуации сложившейся в регионе и международной обстановки в целом.

Изучение истории становления Сингапура представлено как в отечественной так и в зарубежной историографии. Наиболее известными исследователями являются Э.М. Гуревич [1], С.Н. Пальтов [2], которые комплексно подходили к изучению проблем становления и развития государственности Сингапура. Современные исследователи – В.С. Герасимов [3], А.А. Жуков [4], в большей степени останавливаются на изучении процессов меритократии восточных обществ как альтернативы западному типу развития. Одним из наиболее известных, популяризированных и доступных исторических источников являются воспоминания премьер-министра и отца-основателя современного Сингапура – Ли Куан Ю [5].

В начале своего пути Сингапур представлял собой отсталую в экономическом плане территорию (занимающуюся рыболовецким промыслом), зажатую между весьма недоброжелательными соседями [6]. Несмотря на то что, такого этноса, как сингапурцы не существует, это не помешало жителям Сингапура консолидироваться в правовом поле, общегосударственном пространстве. Но достижение подобных результатов было не сиюминутным и спонтанным, имело не только исторические предпосылки, но и огромную государственную волю [7, 8].

Точкой отсчета в формировании современного Сингапура можно считать активизацию антиколониальной борьбы после окончания Второй мировой войны и постепенный уход из региона одного из наиболее значимых игроков – Великобритании. Для Сингапура это проявилось в получении самоуправления в 1959 году и инициированном Ли Куан Ю референдуме 1963 года, после которого остров вошел в состав Малайской федерации, покинув ее в 1965 году [9].

После обретения независимости перед руководством государства стала проблема выбора системы государственного устройства, политической системы и доминирующей идеологии. Система государственного и политического устройства на первых порах была позаимствована у британцев, чей пример был наиболее доступен. В связи с этим в Сингапуре начиная с образования независимого государства была принята за основу британская система

парламентского правительства, но при этом более 50 лет руководство государством принадлежало Партии «Народного действия» [10].

Власть жестко централизована и основывается на сосуществовании принципов меритократического общества, строгой бюрократической иерархии, а также постоянного привлечения и обучения будущих управленческих кадров, передавая сложившиеся ценности сингапурской нации и государства Сингапур [11]. Именно для обеспечения механизма преемственности в Сингапуре широко распространен институт ментора, по указу Ли Куан Ю, была введена даже государственная должность министр-ментор, т.е. наставник [12]. Передача накопленного опыта государственного управления на высших должностях, активная деятельность социальных лифтов и назначение по способностям, наравне с жесткой антикоррупционной политикой легли в основу кадровой политики Ли Куан Ю, которая создала условия для реализации Сингапурского экономического феномена.

Следует обратить внимание на целую серию реформ, проведенных Ли Куан Ю, направленных на переформатирование Сингапура из полуфеодальной территории, с доминированием семейственности, местничества, закрытости системы управления государством, отсутствия социальных лифтов в одно из передовых государств мира, по ряду показателей успешности входящее в десятку наиболее эффективных, успешных, лично ориентированных.

Одной из наиболее значимых и эффективных реформ, направленной на формирование нового чиновника-государственного управленца, по праву считается, антикоррупционная, призванная перебороть исконно китайскую традицию к кумовству, мелкому взяточничеству и бюрократическому произволу (при условии, что китайское население составляет около 30%) [13]. Реализация столь необходимых преобразований происходила в достаточно длительный период. Основы кадровой политики Сингапура были заложены еще в британский период – 1952 году, когда было создано антикоррупционное бюро, главной задачей которого была борьба с коррупцией во всех эшелонах власти. Главной особенностью данного бюро стала возможность привлечения к ответственности любого нарушителя, невзирая на его социальный статус, этническую или религиозную принадлежность. Главными задачами антикоррупционной стратегии страны являлось: ликвидация в государственном аппарате такого явления как взяточничество; упрощение бюрократических процедур и механизмов, а также жесткая законодательная регламентация деятельности чиновников, а также введение крайне жесткого контроля за соблюдением профессиональной этики в государственной служебной деятельности.

Премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю по этому поводу заявлял: «Сингапур сможет выжить лишь в том случае, если министры и управляющие чиновники будут неподкупны и квалифицированы. Необходимо показать сингапурцам связь между упорным трудом и высокой наградой за него. Только при таком подходе люди, иностранцы и жители страны, станут вкладывать инвестиции в Сингапур; лишь тогда сингапурцы будут работать для

самореализации и обеспечат себя и своих детей хорошим образованием, вместо того, чтобы мечтать о связях и надеяться на подарки со стороны влиятельных друзей и родственников» [14].

Достижение подобных задач было реализовано целым комплексом мер, который включал не только создание прогрессивного, современного антикоррупционного законодательства, но и его подкрепление пропорциональной уголовной ответственностью, отличающейся особой жесткостью.

Практическая реализация данного тезиса предполагала многоэтапность. С 1973 года Министерством финансов была развернута специальная антикоррупционная программа, которая предусматривала ужесточение антикоррупционных мер, сопровождающееся не только внедрением ротации чиновников, установлением прозрачности кадровых проверок, а также широким применением внеплановых проверок. С 80-х годов методы наказания сменились методами поощрения, направленными на улучшение качества бюрократии. Данные преобразования проявилось в регулярном увеличении уровня заработной платы и приведением ее в соответствие к уровню доходов в бизнес структурах.

Кроме надзора и наказания обеспечению эффективности антикоррупционной деятельности призваны послужить введенные высокие социальные гарантии государственным и муниципальным служащим, а также практика постоянной ротации государственных служащих.

Достаточно эффективным методом на примере Сингапура является привлечение СМИ, которые широко освещают антикоррупционную деятельность в стране, а также создают стереотип неприязни и отвращения к взяточничеству и коррупционерам [15].

И конечно, необходимо отметить роль социальных лифтов в кадровой политике страны. Внедренная Ли Куан Ю образовательная реформа предоставляла возможность, лучшим из лучших по показателям успеваемости и моральным личностным характеристикам, получать образование в лучших университетах мира, с последующей возможностью профессиональной самореализации. При этом предыдущие заслуги семьи, клана или расовая принадлежность не должны были отражаться на профессиональных перспективах [16].

Главной задачей в кадровой политике Ли Куан Ю считал формирование понимания гражданами особенностей Сингапура: его ресурсного потенциала, экономических приоритетов, этнического и религиозного многообразия и необходимости высоких требований к кадровому обеспечению государственных структур, задачей которых является обеспечение эффективности функционирования государства: «Меня беспокоит, что сингапурцы воспринимают Сингапур как нормальную страну, сравнимую с Данией, Новой Зеландией или даже Лихтенштейном и Люксембургом», – Заявлял Ли Куан Ю. – «Сингапур не может себе позволить такой роскоши, как самоуспокоенность или масштабные эксперименты. Если мы будем пренебрежительно относиться к этим обстоятельствам, все усилия будут напрасны. Дания или Швеция могут обойтись и посредственным правительством, но для Сингапура это означает постепенный

упадок» [17]. По мнению Ли Куан Ю необходимым условием успешного развития Сингапура является наличие исключительного таланта у лица, наделенного властью. При этом ключевые институты власти и правительство должны возглавляться цельными и способными личностями, при несоблюдении данных требований невозможно будет рассчитывать на положительную динамику развития: «Если наверху находятся более слабые люди, то вся система медленно рухнет. Это неизбежно» [18].

«Сингапур – это общество, основанное на усилиях и заслугах, а не на богатстве или привилегиях, полученных от рождения. Элиты обеспечивают направление, планирование и контроль над использованием возможностей государства в интересах народа... Эта группа использует наши ограниченные ресурсы таким образом, что они смогут стать тем катализатором в нашем обществе, который сможет обеспечить поддержание в Сингапуре... социальной организации, которая позволяет нам, не обладая практически никакими природными ресурсами, обеспечивать второй по высоте уровень жизни в Азии... Основное бремя текущего планирования и реализации государственных проектов ложится на плечи 300 ключевых личностей... Эти люди происходят из семей среднего и бедного класса. Они происходят из разных языковых групп. Сингапур – это меритократия. И эти люди пришли во власть благодаря их особым заслугам, тяжёлой работе и высокой производительности» [19].

Таким образом, примененная в Сингапуре кадровая политика сделали государственный аппарат управления Сингапура одним из наиболее результативных и успешных во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе, а опыт Ли Куан Ю в вопросах формирования новых кадров может братья за основу государствами, находящимися в процессе становления государственности. Сингапурский опыт развития демонстрирует симбиоз капиталистических западных ценностей с традиционно восточными, а также возможность сосуществования либерализма с авторитаризмом. Наиболее значимым в кадровой политике Ли Куан Ю является успешная антикоррупционная и социальная политика, направленная на формирование «нового чиновника» – «нового бюрократа», заинтересованного в результатах своего труда и нацеленного на формирование положительного делового имиджа. Новая бюрократия, получившая хорошее образование и имеющая достойную оплату труда, по мнению Ли Куан Ю должна отрицательно относиться к коррупции как явлению и направлять интеллектуальный и трудовой потенциал на планомерное развитие государства, привлекательного как для иностранных, так и для собственных граждан.

Ссылки и примечания:

1. Гуревич Э.М. Правящая партия Сингапура: структура, идеология, политика // Юго-Восточная Азия. История. Современность. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. С. 141–170.

2. Пальтов С.Н. Независимому Сингапуру – 40 лет // Азия и Африка сегодня. 2005. №8. С. 27–35.
3. Герасимов В.С. Политическая меритократия: восточная альтернатива западным традициям управления // Вестник МГИМО-Университета № 2 (41) 2015. С.230–237 http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/025_politologiya_gerasimovvs.pdf
4. Жук А.А. Политическая меритократия в Сингапуре. Историческая и социально-образовательная мысль. Том.7. №6. Часть 2, 2015. С.39.
5. Ли Куан Ю Сингапурская история: «Из третьего мира в первый» (1965–2000). М. : МГИМО-Университет МИД России, 2005. 630 с.; Ли Куан Ю Мой взгляд на будущее. М. : Альпина нон-фикшн, 2017. 446 с.; Lee Kuan Yew. Singapore mourns the passing of its founding prime minister // The Straits Times. 23–30 March, 2015 // <http://www.straitstimes.com/leekuan-yew-8-days-mourning>.
6. Акунов А.А., Иманбекова А.С. Некоторые приемы борьбы с коррупцией на примере Сингапура <https://www.krsu.edu.kg/vestnik/2014/v9/a27.pdf>
7. Плейт Том Беседы с Ли Куан Ю. Гражданин Сингапур, или как создают нации / [Пер. с англ. А. Ракина]. М.: Издательство «Олимп-Бизнес», 2015. 232 с.
8. Milestone – 1888–1990. Singapore Civil Defence Force. Проверено 17 июля 2006. Архивировано 10 мая 2006 года.
9. Пальтов С.Н. Независимому Сингапуру – 40 лет // Азия и Африка сегодня. 2005. №8. С. 30.
10. Сургуладзе В. Идеология трудолюбивой нации: Ли Куан Ю и уроки сингапурского «экономического чуда» / В.Сургуладзе // Международная жизнь. Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1319>
11. Жук А.А. Политическая меритократия в Сингапуре. Историческая и социально-образовательная мысль. Том.7. №6. Часть 2, 2015. С.40.
12. Акунов А.А., Иманбекова А.С. Некоторые приемы борьбы с коррупцией на примере Сингапура <https://www.krsu.edu.kg/vestnik/2014/v9/a27.pdf>
13. Сургуладзе В. Идеология трудолюбивой нации: Ли Куан Ю и уроки сингапурского «экономического чуда» / В.Сургуладзе // Международная жизнь. Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1319>
14. Там же.
15. Ли Куан Ю Сингапурская история: «Из третьего мира в первый» (1965–2000). – М. : МГИМО-Университет МИД России, 2005. С.327.
16. Ministry of Education Singapore. Education System. URL: <http://www.moe.gov.sg>; Singapore’s Social Development Unit (SDU) // <http://app.sdn.sg/>
17. Ли Куан Ю Сингапурская история: «Из третьего мира в первый» (1965–2000). – М. : МГИМО-Университет МИД России, 2005. С.327.
18. Там же. С.322.
19. Плейт Том Беседы с Ли Куан Ю. Гражданин Сингапур, или как создают нации / [Пер. с англ. А. Ракина]. – М.: Издательство «Олимп-Бизнес», 2015. 232 с.

Международные отношения

УДК 327.8

М.М. Кухтин

кандидат политических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru

МЕСТО ГЕРМАНИИ НА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЕ ЕВРАЗИИ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА

Аннотация

В статье, на основе трудов классиков геополитики, дается оценка геостратегического положения исторической и современной Германии. Делается вывод, что представителями данного подхода заявленная тема изучена неполно, однако разработанная ими методология сохраняет актуальность и помогает восполнить указанный пробел, правильно осмыслить новые факты. Намечаются перспективные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: геополитика, геостратегия, Германия, международные отношения, мировая политика.

Summary

Basing on the works of the classics of geopolitics, an assessment of the geostrategic position of historical and modern Germany is made in the article. The conclusion is drawn that the declared subject was not fully studied by the representatives of this approach, but the methodology developed by them remains relevant and helps to fill this gap, to correctly comprehend the new facts. Promising directions of further research are outlined.

Keywords: geopolitics, geostrategy, Germany, international relations, world politics.

Украинский кризис открыл новую главу в отношениях России и евроатлантического мира. «Война санкций» оказала влияние на экономику обеих сторон, сотрудничество в ряде областей было практически свернуто. В энергетической сфере европейские страны сталкиваются с дополнительными рисками, источником которых нередко являются их собственные правительства или страны-транзитеры природного газа. Резкие изменения политической конъюнктуры до известной степени модифицируют, но не отменяют влияния географических констант на историю и политику. Германия находится в центре

Европы и имеет ряд признаков «страны-моста», расположенной на перекрестке важнейших коммуникаций и выполняющей функции «культуры-переводчика». Официальный Берлин не может неопределенно долго следовать в фарватере американской внешней политики. Страна, которая обладает большими ресурсами, но недостаточно эффективно защищает и использует их, подвергает себя большому риску. Результаты последних выборов в бундестаг свидетельствуют о том, что немецкий избиратель начал глубже осознавать актуальные вызовы национальной безопасности и стоящие перед Германией задачи. Корректировка немецкой внешней политики должна отражать почти полуторавековую традицию геополитического анализа международных отношений, краткий обзор некоторых аспектов которой является одной из задач статьи.

Актуальность темы исследования обусловлена большим международно-политическим весом современной Германии и ее уникальным географическим положением в центре европейского континента. Между тем некоторые глобальные геополитические схемы неполно отражают роль и место страны в мировой политике XIX-XXI вв. Целесообразно систематизировать накопленные в данной области знания, чтобы восполнить указанный пробел. Научная новизна исследования обусловлена как широтой охвата материала, так и намеченным в нем синтезом некоторых подходов глобальной и региональной геополитики. Теоретическое значение исследования обусловлено тем, что оно достаточно четко очерчивает круг релевантных источников и, таким образом, может послужить полезным подспорьем для дальнейшего изучения заявленной темы. Статья также может найти практическое применение в преподавании теории международных отношений, геополитики и смежных дисциплин.

Сегодня Германия играет одну из ведущих ролей в европейской региональной системе международных отношений, хотя ее военно-политическое влияние не соответствует ее экономическому потенциалу. Напрямую и через структуры ЕС Берлин оказывает существенное воздействие на мировой политический процесс, сохраняя статус стратегического партнера США, РФ и других великих держав.

Пройденный Германией исторический путь изобилует неожиданными поворотами и трудными испытаниями, которые еще не вполне освоены мировой геополитической мыслью. Чтобы наглядно представить себе текущее положение в данной области исследований, полезно обратиться к трудам Х. Макиндера [1], Н. Спикмена [2], З. Бжезинского [3], В. Цымбурского [4] и С. Б. Переслегина [5]. Сопоставление достижений англосаксонской и российской школ геополитики позволит рассмотреть заявленную тему через призму структурного и сравнительно-исторического подходов. Все перечисленные авторы известны и как творцы глобальных схем, и как специалисты по прикладному анализу международных ситуаций, что делает предлагаемую выборку достаточно репрезентативной в контексте цели и задач исследования.

В 1904 г. британский географ Х. Макиндер выдвинул политическую концепцию, основанную на выделении трех макрорегионов – «географической

оси истории», внутреннего и внешнего полумесяцев. Приморские районы Евразии, отнесенные ко второму из них, рассматривались как арена борьбы внешних акторов, лишенная геополитической субъектности [6]. Н. Спикмен, спустя десятилетия выступивший с идеей Римленда, напротив, считал ту же территорию средоточием мировой политики, пространством, сама качественная структура которого благоприятствует появлению великих держав [7].

Российский геополитик В. Л. Цымбурский правильно указывал на недостатки анализа Х. Макиндера и Н. Спикмена. Оценка внутреннего полумесяца, данная британским ученым в 1904 г., гораздо лучше соответствует реалиям эпохи «холодной войны», чем начала XXв. Ошибка его американского коллеги имеет обратный характер[8]. Тем не менее, необходимо помнить, что глобальная геополитическая схема не обязана содержать ответы на злободневные вопросы современности, она может проливать свет на события отдаленного прошлого или будущего. При этом объективное значение высказанной идеи может расходиться с сознательными намерениями ее автора.

3. Бжезинский принадлежал к следующему поколению геополитиков, которое было сформировано «холодной войной», он считал спор о сравнительной важности различных типов мощи уже неактуальным[9]. Американский ученый рассматривал всю Евразию как «великую шахматную доску», макрорегион, имеющий ключевое значение для сохранения и укрепления американской мощи. На континенте расположены пять геостратегических игроков – Франция, Германия, Россия, Индия и Китай (интересно, что Великобритания и Япония в данный перечень не входят) [10]. Перечисленные страны существенно различаются по своему военно-политическому и экономическому потенциалу, однако их объединяют наличие самостоятельного «большого проекта» (исторической миссии) и способность работать над его реализацией вопреки внутренним слабостям и внешнему давлению. Германию З. Бжезинский изучает не только в контексте франко-немецкого тандема или европейской политики США («демократический плацдарм»), но и в качестве актора, могущего себе позволить «свою игру» в мировой политике.

С. Б. Переслегин соединяет геополитический анализ с новейшими достижениями геоэкономики и геокультуры. В рамках теории когнитивного общества Германия рассматривается как одна из «точек роста» нового социального строя, идущего на смену изжившему себя индустриализму [11]. Это отнюдь не гарантирует стране геостратегической субъектности, однако значение последней на современном этапе научно-технической революции можно трактовать по-разному. Весьма вероятно, что в будущем судьбы государств и народов будут в большей степени зависеть от конкурентоспособности генерируемых ими смыслов, чем от их военного потенциала в его традиционном понимании. Это означает, что информационное общество заставляет по-новому взглянуть на проблемы культурной идентичности и базовых онтологий. Страны, не сумевшие найти достойный ответ на цивилизационные вызовы, не смогут

компенсировать отставание в данной сфере военным или экономическим превосходством.

Из выше изложенного можно сделать целый ряд полезных выводов. Обращает на себя внимание тот факт, что многие авторы глобальных геополитических схем уделяют Германии сравнительно мало внимания. Рост ее влияния нередко воспринимался современниками как аномалия, а периоды слабости и раздробленности – как «норма» международной политики (здесь можно вспомнить Вестфальский мир, Венский конгресс и «холодную войну»). Соответственно, в геополитическом анализе глобальных трендов «немецкому вопросу» часто отводилось подчиненное положение. Заметное исключение составляет немецкий ученый К. Хаусхофер с его обстоятельным анализом государственных границ Веймарской республики[12] и концепцией «континентального блока»[13]. Такое положение во многом объясняется последствиями мировых войн для Западной Европы. Во-первых, объективно международно-политический вес региона существенно снизился с 1900 по 1950 гг. Во-вторых, в глазах многих европейских интеллектуалов второй половины XXв. геополитика была скомпрометирована, поскольку лидеры Третьего рейха нередко прибегали к ее идеям (разумеется, в урезанном и искаженном виде) для оправдания своих захватнических планов.

Также следует отметить, что разброс оценок упомянутых ученых обусловлен как объективными изменениями международной обстановки, так и ошибками или неточностями анализа. При этом бывали случаи, когда та или иная концепция не вполне соответствовала своему прямому назначению, однако со временем находила неожиданное применение. Теория, призванная объяснить текущую ситуацию, может оказаться более удачной как ретроспектива или прогноз, определить это на момент ее появления далеко не всегда возможно.

Наконец, нужно признать, что влияние географических реалий на исторические судьбы Германии было и остается амбивалентным. Страна занимает центральное положение в Европе, что обуславливает как большие возможности, так и высокие риски (здесь прослеживается известная аналогия с «географической осью истории» Х. Макиндера). Берлин обречен на проведение многоплановой внешней политики, далеко выходящей за региональные рамки и требующей тонкой балансировки целого ряда факторов. Данные трудности отчасти уравнивают большой геополитический потенциал страны, однако, разумеется, не являются непреодолимыми. Впрочем, чтобы достойно ответить на вызовы современности, официальный Берлин должен отказаться от атлантизма в пользу более реалистичной и патриотичной внешней политики. Можно рассматривать разные варианты нового курса: стратегический альянс с Россией (на двусторонней основе или, например, в рамках БРИКС), посредничество между Россией и атлантическим миром и т. д. Тем не менее, уже сегодня можно с уверенностью утверждать, что немецкий атлантизм бесповоротно устарел.

Заявленная тема исследования представляется весьма перспективной. Миграционный кризис, запланированный выход Великобритании из ЕС и

украинские события внушают беспокойство о будущем Объединенной Европы. Ее судьба в огромной степени зависит от действий официального Берлина и переменчивых предпочтений немецкого избирателя. При этом политики и народные массы не могут не считаться с географическими рамочными ограничениями, которые находятся в диалектическом взаимодействии с имманентными факторами общественного развития. В статье рассматриваются незавершенные процессы, что предопределяет приоритетные направления дальнейшей разработки темы. Кроме того, некоторые оценки прошлых событий неизбежно будут пересмотрены в свете новых фактов и подходов.

Ссылки и примечания:

1. Макиндер Х. Д. Географическая ось истории / Х. Д. Макиндер // Классика геополитики. XX век. М.: АСТ, 2003. С. 7–30.
2. Sempa F. P. Spykman's World / F. P. Sempa // The University of North Carolina at Chapel Hill: website. – URL: http://www.unc.edu/depts/diplomat/item/2006/0406/sempr/sempra_spykman.html (дата обращения: 17.03.2015).
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский; пер. с англ. О. Ю. Уральской. М.: Международные отношения, 1999. 256 с.
4. Цымбурский В. Л. Хэлфорд Макиндер: трилогия хартленда и призвание геополитика / В. Л. Цымбурский // Русский Архипелаг: сайт. – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2465> (дата обращения: 17.03.2015).
5. Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С. Б. Переслегин // Philosophy. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. 619 с.
6. Макиндер Х. Д. Географическая ось истории / Х. Д. Макиндер // Классика геополитики. XX век. М.: АСТ, 2003. С. 27–30.
7. Sempa F. P. Spykman's World ...
8. Цымбурский В. Л. Хэлфорд Макиндер: трилогия хартленда ...
9. Бжезинский З. Великая шахматная доска... С. 53.
10. Ibid. С. 56.
11. Переслегин С. Б. Самоучитель игры ... С. 494.
12. Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении / К. Хаусхофер // Классика геополитики. XX век. М.: АСТ, 2003. С. 227–598.
13. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет / К. Хаусхофер. М.: Мысль, 2001. С. 371–418.

УДК 94 [(540):(549.1)] : 341.123

Л.С. Милокост

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»,

Луганская Народная Республика, г. Луганск

e-mail: lubov.milokost@mail.ru

МЕДИАЦИЯ КАШМИРСКОГО КОНФЛИКТА В РАМКАХ ООН (1948 – 1953 гг.)

Аннотация

В статье рассматривается роль ООН в решении кашмирской проблемы в период с 1948 г. по 1953 г. Анализируются основные принципы механизма преодоления конфликта, предложенные Советом Безопасности ООН, их дальнейшая конкретизация в рамках посреднической деятельности А.Г.Л. Макнотона, О. Диксона и Ф. Грэма.

Ключевые слова: *кашмирский конфликт, Индия, Пакистан, Совет Безопасности ООН, медиация, плебисцит, линия прекращения огня, демилитаризация.*

Summary

The article is devoted to the complex investigation of the United Nations' role in solving the Kashmir problem in the period from 1948 to 1953. The main principles for overcoming the conflict proposed by the UN Security Council are analyzed, as well as their further concretization in the framework of the mediation activities of A.G.L. McNaughton, O. Dixon and F. Graham.

Keywords: *Kashmir conflict, India, Pakistan, UN Security Council, mediation, plebiscite, ceasefire line, demilitarization.*

С августа 1947 года одним из важнейших вопросов в отношениях Индии и Пакистана является кашмирский конфликт, с решением которого Дели и Исламабад связывают обеспечение своего государственного и общенационального единства, территориальной целостности и национальной безопасности. Возникнув как сугубо пограничный территориальный спор, кашмирский конфликт с течением времени значительно эволюционировал, превратившись из локального в часть макрорегионального, актуальность изучения которого не вызывает сомнения. В свою очередь актуальность изучения роли ООН в урегулировании проблемы Кашмира определяется анализом возможности

решения этнических и религиозных конфликтов посредством международно-правовых механизмов в рамках международной организации.

Историография проблемы Кашмира представлена достаточно основательным комплексом работ как российских (прежде всего, исследования С.А. Баранова, В.Я. Белокреницкого, Т.Л. Шаумян [1]), так и зарубежных специалистов (например, исследования В.В. Бейкера, Н.Ч. Бехеры, В.Д. Чопры, О.Б. Джонса [2]). Однако исследования, предметом которых является эволюция механизма преодоления кашмирского конфликта в рамках ООН, в российском научном дискурсе малочисленны. Одними из первых является диссертационное исследование Д.В. Спирина [3] и работы Н.В. Мелехиной [4].

Целью данного исследования является анализ предложений А.Г.Л. Макнотона, О. Диксона и Ф. Грэма как попыток дальнейшей медиации кашмирского конфликта в рамках ООН.

Механизм преодоления кашмирского конфликта был предложен Советом Безопасности ООН в 1948 г. В соответствии с резолюцией 39 (1948 г.) была учреждена Комиссия ООН по Индии и Пакистану, направлена первая группа невооруженных военных наблюдателей ООН в зону конфликта [5]. Согласно принятой в апреле 1948 г. резолюции 47 (1948 г.), Комиссии поручалось предложить свои услуги индийскому и пакистанскому правительствам с целью выполнения рекомендаций Совета Безопасности, касавшихся, во-первых, восстановления мира и порядка и, во-вторых, плебисцита, в ходе которого жители Джамму и Кашмира смогут определить судьбу данной территории [6].

В результате работы Комиссии, несмотря на новые вспышки боев в конце 1948 г., Индия и Пакистан все же согласились на прекращение огня. Это было закреплено резолюцией, одобренной Комиссией ООН по Индии и Пакистану от 13 августа 1948 года. Комиссия призвала стороны к прекращению огня и указала, что Исламабад должен согласиться на вывод своих войск с территории Кашмира. Индийское правительство в соответствии с резолюцией должно было вывести из княжества основную часть своей армии, оставив лишь силы, необходимые для поддержания порядка. После вывода пакистанских войск планировалась организационная работа по подготовке проведения плебисцита на территории княжества Джамму и Кашмира. Круг проблем, за которые ООН несла ответственность в ходе решения кашмирской проблемы, был определен в соглашении, подписанном Пакистаном и Индией в 1949 г. в Карачи [7].

Для дальнейшего продвижения в решении основного конфликта в декабре 1948 года по предложению Совета Безопасности посредником между Индией и Пакистаном был назначен канадский генерал А.Г.Л. Макнотон [8, p. 189], который в феврале 1949 год предложил свой план урегулирования конфликта, предусматривающий демилитаризацию территории Джамму и Кашмира в качестве основного этапа подготовки плебисцита. При этом А.Г.Л. Макнотон указывал на необходимость согласования программы постепенной демилитаризации, базовыми принципами которой должны были стать сокращение вооруженных сил по обе стороны от линии прекращения огня путем

вывода войск, разоружения и сокращения военного персонала до минимума, который является достаточным для обеспечения безопасности и правопорядка на данной территории в преддверии проведения плебисцита [9].

У плана А.Г.Л. Макнотона было ряд особенностей. Во-первых, к программе демилитаризации должны были быть подключены и «Северные территории», при этом их местная администрация имела права, при условии наблюдения со стороны ООН, продолжить осуществление властных полномочий. Во-вторых, армия Пакистана и войска Азад Кашмира не рассматривались как одно целое. Это нашло свое выражение в том, что, по плану А.Г.Л. Макнотона, военные формирования Азад Кашмира должны были быть просто разоружены, в то время как пакистанские подразделения – выведены с территории. Учитывая эти составляющие, данное предложение с интересом было воспринято Пакистаном, в то время как индийская сторона выступила против, так как, по ее мнению, это придало бы законный статус Азад Кашмиру. Одновременно особые разногласия вызывали вопросы порядка и объема демилитаризации княжества до проведения плебисцита, степень контроля над осуществлением правительственных функций в княжестве для обеспечения свободного и беспристрастного плебисцита. Несмотря на существующие разногласия в резолюции Совета Безопасности ООН 80(1950) содержался призыв к правительствам Индии и Пакистана незамедлительно принять меры для обеспечения демилитаризации на основе принципов, изложенных в пункте 2 предложений генерала А.Г.Л. Макнотона в течение пяти месяцев со дня принятия резолюции [10].

Ответственность за реализацию предложений А.Г.Л. Макнотона 12 апреля 1950 года Совет Безопасности возложил на юриста О. Диксона, представителя США в Комиссии ООН по Индии и Пакистану. О. Диксон прибыл в г. Дели 27 мая 1950 года, 1 июня отправился в г. Карачи, а 27 июня в г. Сринагар. Он много путешествовал по Кашмиру с целью ознакомления с ситуацией на местах. Одновременно с 20 по 24 июля 1950 года О. Диксон организовал встречу премьер-министров Индии и Пакистана, на которой, однако, не удалось достичь договоренностей по вопросу демилитаризации территории Джамму и Кашмира.

С учетом сложившейся ситуации О. Диксон предложил свой план демилитаризации. О. Диксон указал, что районы, из которых были выведены пакистанские и индийские войска, могли управляться местными органами власти под наблюдением ООН [11]. Индия отказалась от этого плана, поскольку считала, что среди местных властей были сильны пропакистанские настроенные. Переговоры в очередной раз зашли в тупик.

С учетом этих неудач О. Диксон направил премьер-министрами двух стран альтернативный план, который практически ликвидировал бы линию прекращения огня. Этот план включал несколько предложений, а именно: 1) распределение портфелей между различными политическими силами в равных долях и создание в этих рамках «нейтрального» правительства под наблюдением ООН в течение шести месяцев до проведения плебисцита; 2) формирование административного органа для наблюдения за проведением плебисцита

исключительно из представителей ООН [12]. Ни одно из этих предложений не было одобрено Индией, на неконструктивный подход которой указывал представитель ООН по Индии и Пакистану.

В своем окончательном докладе в январе 1951 г. О. Диксон предложил проведение «регионального плебисцита» в штате Джамму и Кашмир, исходя из принципа территориальной дробности бывшего княжества. О. Диксон считал, что в бывшем княжестве есть одни территории, которые безоговорочно проголосуют за присоединение к Пакистану, и другие территории, которые больше тяготеют к Индии. Поэтому необходимо зафиксировать сложившееся положение, а плебисцит провести только в Долине Кашмира – территории, где результат «неизвестен». Таким образом, территория Джамму и Кашмира разделялась бы на 4 части: Джамму, Ладакх, Долину Кашмира включая Музаффарабад и Гилгит с зависимыми от него территориями в Балтистане [13].

Премьер-министр Индии Дж. Неру был, в принципе, готов согласиться с этим планом, так как предполагал, что во главе с Шейхом Абдуллой долина Кашмира отошла бы к Индии. Однако решающим аргументом против этого плана все же являлась исходная позиция индийского руководства о принадлежности всего бывшего княжества Индии. Пакистан же отверг этот план, потому что считал необходимым проведение плебисцита на территории всего Джамму и Кашмира. К тому же реализация плана О. Диксона предполагала бы полную демилитаризацию всего Джамму и Кашмира, ввод туда многочисленного международного контингента, а это повлекло бы серьезные политические и финансовые трудности.

Обсуждения в Совете Безопасности по отчету О. Диксона начались в феврале 1951 года. В этот период активно шли прения по вопросу о целесообразности «регионального плебисцита» при одновременном расширении военного присутствия ООН в регионе, что вызвало негативную реакцию как со стороны индийского, так и со стороны пакистанского представителей [14]. Индийский представитель 1 марта 1951 г. проинформировал Совет Безопасности об отказе дальнейшего обсуждения предложений О. Диксона, так как в полном объеме они не удовлетворяли индийскую сторону. Одновременная активная подготовка Индии к проведению учредительного собрания в Джамму и Кашмире свидетельствовала о нежелании индийского правительства решать проблему Кашмира посредством предложений Совета Безопасности и о переходе к одностороннему решению проблемы в ущерб решению вопроса посредством участия международного сообщества. Так, в соответствии с утверждением Роберта Дж. МакМахона, американские чиновники все чаще обвиняли Индию в отказе от различных предложений Совета Безопасности под сомнительными юридическими основаниями, чтобы избежать плебисцита, так как его «наиболее вероятный результат» не был выгоден Индии [15].

В марте 1951 года был утвержден окончательный текст резолюции, в которой указывалось, что созыв «объединенной национальной конфедерацией Джамму и Кашмира» и все мероприятия, которые учредительное собрание может

попытаться провести для установления будущей структуры и статуса всего княжества или любой его части, не будут считаться решением дальнейшей судьбы княжества в соответствии с принципами, заложенными в предыдущих резолюциях Совета Безопасности ООН [16]. В соответствии с резолюцией О. Диксон освобожден с поста представителя ООН по Индии и Пакистану.

Во исполнение решений, содержащихся в резолюции Совета Безопасности ООН от 30 марта 1951 г., 30 июня 1951 года Ф. Грэм, новый представитель ООН по Индии и Пакистану, прибыл в зону конфликта. Уже 7 сентября 1951 года им было направлено индийскому и пакистанскому правительствам список предложений, большая часть из которых сводилась к традиционным: 1) отказ от военного сценария решения конфликта; 2) соблюдение линии прекращения огня; 3) приверженность идеи плебисцита; 4) рассмотрение демилитаризации как условия проведения плебисцита [17]. Одновременно Ф. Грэм призвал индийское и пакистанское правительства соблюдать режим прекращения огня и после окончания процесса демилитаризации, а также рассмотреть возможность созыва международной конференции под эгидой ООН для реализации программы демилитаризации.

18 декабря 1951 года Ф. Грэм предоставил первый доклад, в котором указывалось на определенные успехи в переговорах между Индией и Пакистаном в поисках компромисса относительно размера войск, которые будут сохранены после периода демилитаризации. Достаточно долго обсуждался так называемый «план Деверса», но 18 декабря 1952 года Ф. Грэм выдвинул инициативу об одинаковом соотношении числа индийских и пакистанских войск на территории Джамму и Кашмира, продлении периода демилитаризации до 15 июля 1952 года. Эти предложения были поддержаны Исламабадом, но отклонены Дели. Одновременно, Пакистан требовал немедленного направления администратора плебисцита на территорию бывшего княжества, в то время как Индия считала его присутствие целесообразным только после проведения демилитаризации.

Относительно предложений Ф. Грэма и его действий в качестве посредника между Индией и Пакистаном, в Совете Безопасности разгорелась оживленная дискуссия, в которой, впервые с начала рассмотрения спора, выступил представитель СССР Я. А. Малик, обвинив англо-саксонский блок в пропакистанской позиции. Несмотря на острую критику со стороны СССР, по решению Совета Безопасности Ф. Грэм получил еще два месяца для дальнейших консультаций с Дели и Исламабадом.

Переговоры продолжились в Нью-Йорке с 29 мая по 16 июля 1952 года, а затем с 26 августа по 10 сентября 1952 года в Женеве. По результатам переговоров Ф. Грэм был вынужден признать свою неспособность содействовать продвижению в урегулировании спорных вопросов и провал двух раундов переговоров.

В резолюции 98 (1952) Совет Безопасности призвал правительства Индии и Пакистана к дальнейшим переговорам по вопросу численности вооруженных сил [18]. После принятия резолюции переговоры были продолжены в Женеве с 4

февраля по 19 февраля 1953 года, но договоренности достичь не удалось. Индия выступила с предложением о необходимости уменьшения численности войск на пакистанской стороне до 4 000 и полной независимости властей Азад Кашмира от Пакистана, одновременно настаивая на увеличении индийского контингента до 21 000 [19]. В свою очередь представители Пакистана требовали ограничения численности бойцов на индийской стороне до 18 000 в соответствии с резолюцией 98 (1952), так как предложение Дели о возможности увеличения контингента угрожало безопасности Азад Кашмира.

В марте 1953 года, в результате отсутствия продвижения в переговорном процессе, Ф. Грэм отказался выступать в роли посредника ООН между Индией и Пакистаном, заявив о возможности решения спорных вопросов посредством прямых двусторонних переговоров между двумя правительствами.

Таким образом, во время первых обсуждений кашмирского вопроса в Совете Безопасности ООН в 1948 году было предложен механизм разрешения кризиса, основополагающим принципом которого выступало проведение плебисцита на спорной территории. Конкретизация данного принципа содержалась в предложениях А.Г.Л. Макнотона, которые предусматривали демилитаризацию штата в качестве необходимого этапа проведения плебисцита. Однако попытки О. Диксона и Ф. Грэма наладить конструктивный диалог по ряду вопросов относительно демилитаризации не встретили поддержки со стороны ни Индии, ни Пакистана. Основным результатом деятельности Совета Безопасности ООН по решению кашмирского конфликта в 1949 – 1953 гг. стала линия прекращения огня в Кашмире, которая де-факто превратилась в линию раздела бывшего княжества.

Ссылки и примечания:

1. Баранов С. А. Сепаратизм в Индии. М. : ИВ РАН, 2003. 238 с.; Белокреницкий В. Я. Исламский радикализм, кашмирский кризис и геополитическая ситуация в центре Азии // Ближний Восток и современность. М. : Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. С. 3–11; Белокреницкий В. Я. Межгосударственные конфликты и региональная безопасность в Южной Азии // Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М.: МГИМО, РОСПЭН, 2002. С. 415–428; Белокреницкий В. Я. Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. Избранные публикации 2008–2016 гг. М. : ИВ РАН, 2016. 712 с.; Белокреницкий В. Я. Пакистан-Индия: конфронтационная стабильность? // Международные процессы. 2006. № 2. С. 69–78; Шаумян Т. Л. Кто и почему воюет в Кашмире?: индо-пакистанское вооруженное противостояние в Каргиле: причины и последствия М. : НИОПИК, 1999. 63 с.; Шаумян Т. Л. Проблема стабилизации обстановки в Кашмире: внутренние и внешние факторы // Индия в глобальной политике. М. : ИВ РАН, 2003. С. 130–141.
2. Baker W. W. Kashmir: Happy Valley, Valley of Death. Las Vegas : Defenders publication, 1994. 175 p.; Behera N. Ch. Demystifying Kashmir. Washington: The

- Brookings Institution, 2006. 359 p.; Chopra V. D. Genesis of Indo-Pakistan Conflict on Kashmir. New Delhi: Patriot Publications, 1990. 260 p.; Jones O. V. Pakistan: Eye of a Storm. London : Yale University Press, 2002. 328 p.
3. Спирин Д. В. История кашмирского конфликта и роль ООН в поиске путей его урегулирования : автореф. дис. ...к.и.н. : 07.00.03 / Дмитрий Владимирович Спирин. М, 1996. 22 с.
 4. Мелехина Н. В. Кашмир в современных индийско-пакистанских отношениях // Азия и Африка сегодня. 2008. №5. С. 34–39; Мелехина Н.В. Пути и перспективы урегулирования кашмирского конфликта // Восток. 2008. №3. С. 23–32.
 5. Резолюция СБ ООН 39 (1948) от 20 января 1948 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/ GEN/NR0/048/22/IMG/NR004822.pdf?OpenElement](https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/048/22/IMG/NR004822.pdf?OpenElement) (дата обращения: 13.08.18).
 6. Резолюция СБ ООН 47 (1948) от 21 апреля 1948 г. URL: [https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/ GEN/ NR0/ 048/ 30/ IMG/ NR 004 8 3 0.pdf?OpenElement](https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/048/30/IMG/NR004830.pdf?OpenElement) (дата обращения: 21.08.18).
 7. Acceptance of Instrument of Accession of Jammu and Kashmir State. URL: www.kashmir-infomiation.com/historicaldocuments.html (date of the application: 21.08.18).
 8. Agreement between Military Representatives of India and Pakistan Regarding the Establishment of a Ceasefire Line in the State of Jammu and Kashmir (Karachi Agreement). URL: [https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/IN%20PK_490729_%20 Karachi %20Agreement.pdf](https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/IN%20PK_490729_%20Karachi%20Agreement.pdf) (date of the application: 20.08.18).
 9. Proposal in respect of Jammu and Kashmir made by General A.G.L. McNaughton, President of the Security Council of the United Nations, pursuant to the decision of the Security Council taken at its 457th meeting, on 22 December, 1949. URL: [https://www.mtholyoke.edu/ acad/intrel/uncom3.htm](https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/uncom3.htm) (date of the application: 16.08.18)
 10. Резолюция СБ ООН 80 (1950) от 14 марта 1950 г. URL: [https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION / GEN/ NR0/ 065/ 15/ IMG/ NR006515.pdf?OpenElement](https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/065/15/IMG/NR006515.pdf?OpenElement) (дата обращения: 18.08.18).
 11. Jyoti B. Gupta Jammu and Kashmir. The Hague : Martinus Nijhoff, 1968. P. 234.
 12. Resolution 80 (1950) Concerning the India-Pakistan question, submitted by the Representatives of Cuba, Norway, United Kingdom and United States and adopted by the Security Council on March 14, 1950. (Document No. S/1469), dated the 14th March, 1950. URL: [https:// www.mtholyoke.edu/ acad/intrel / kashun80.htm](https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/kashun80.htm) (date of the application: 23.08.18).
 13. Resolution adopted at the meeting of the United Nations Commission for India and Pakistan 1950. URL: <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/uncom2.htm> (date of the application: 23.08.18).
 14. Gururaj Rao H.S. Legal aspects of the Kashmir Problem. Bombay : Asia Publishing House, 1967. P. 201.

15. McMahon R.J. The Cold War on the Periphery: The United States, India, and Pakistan. New York : Columbia University Press, 2003. 234 p.
16. Резолюция СБ ООН 96 (1951) от 10 ноября 1951 г. URL: [https:// documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/ GEN /NR0 /072/ 29/IMG/ NR007229.pdf?Open Element](https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/072/29/IMG/NR007229.pdf?OpenElement) (дата обращения: 18.08.18).
17. Jyoti B. Gupta Jammu and Kashmir. The Hague : Martinus Nijhoff, 1968. P. 287.
18. Резолюция СБ ООН 98 (1952) от 23 декабря 1952 г. URL: [https://documents-dds-ny.un.org/doc/ RESOLUTION/ GEN/NR0/ 083/ 39/ IMG/ NR008339.pdf?OpenElement](https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/083/39/IMG/NR008339.pdf?OpenElement) (дата обращения: 19.08.18).
19. Ganguly S. Conflict Unending: India-Pakistan Tensions since 1947. New York : Columbia University Press, 2001. P. 98.

Политология

УДК 321.1(477.62)“19/20”

К.В. Черкашин

*кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры политологии Донецкого национального университета
e-mail cyrilcherkashyn@gmail.com*

ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЖИТЕЛЕЙ ДОНБАССА

Аннотация

Статья посвящена проблеме этнической самоидентификации жителей Донбасса в XX – XXI вв. по данным переписей и массовых социологических опросов. Отмечаются колебания в этнической самоидентификации населения, высказываются предположения относительно их причин. Рассматривается вопрос применимости двух основных концепций этничности: примордиализма и конструктивизма.

Ключевые слова: этнос, самоидентификация, конструктивизм, примордиализм, этнический маркер.

Summary

The article is devoted to the problem of the ethnical self-identification of the Donbass people in the 20th-21st centuries based on the data of population censuses and polls. There are fluctuations in the ethnic identity of the population, speculations are made regarding their causes. The article considers the issue of the applicability of the two main concepts of ethnicity: primordialism and constructivism.

Keywords: *ethnos, self-identification, constructivism, primordialism, ethnical marker.*

В нынешнее время на территории Донбасса имеет место вялотекущий военный конфликт между Украиной, поддерживаемой Западом, и Народными Республиками, поддерживаемыми Российской Федерацией. В условиях такого противостояния одним из первостепенных вопросов государственного строительства Республик Донбасса является проблема самоидентификации (в том числе и этнической) жителей этого региона. Ведь то, кем себя считают жители данной территории определяло и будет определять её геополитическую принадлежность. Кроме того, с чисто академической точки зрения, как известно в современной этнополитологии господствует две концепции этничности. 1. Примордиализм, согласно которому этничность является объективной данностью, имеющей свою основу в природе или обществе. 2. Конструктивизм, в соответствии с которым этнос – это искусственное образование, результат деятельности самих людей. Постараемся на примере Донбасса выяснить применимость двух этих теорий.

Таким образом, целью данной работы является определение закономерностей динамики этнической самоидентификации жителей Донбасса в XX – XXI вв., а также прояснение вопроса применимости двух основных концепций этничности (примордиализма и конструктивизма) для донбасского и всего постсоветского материала. В рамках достижения этой цели буду решаться следующие задачи: изучение динамики этнической самоидентификации жителей Донбасса по данным переписей населения; введение в научный оборот итогов массовых социологических опросов, касающихся вопросов этнической самоидентификации населения Донбасса; определение важнейших характеристик самоидентификации жителей данного постсоветского региона.

Проблемы этнической идентификации жителей Донбасса нередко освещались в научной литературе. При этом в советское время в большей степени подчёркивался аспект интернациональности состава населения региона, а в период «независимой» Украины, его (населения) «украинства». За последние годы по этнической проблематике Донбасса было написано немалое количество научных работ, в том числе – диссертаций. Ссылка на некоторые из таких работ [1-8].

Основные данные переписей населения по вопросу национальной принадлежности по Донецкой области представлены в следующей таблице.

Таблица 1

Доля украинцев и русских в Донецкой области
по данным переписей населения 1926 – 2001 гг. [9-10].

	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2001 г.
Украинцы	61,6%	59,4%	55,6%	53,1%	50,9%	50,7%	56,9%
Русские	24,7%	31,3%	37,6%	40,6%	43,2%	43,6%	38,2%

Общие тенденции советских переписей: украинцы составляют большинство, но их доля, как и доля представителей явных национальных меньшинств (греков, евреев, немцев, молдаван) постепенно сокращается, доля русских постепенно растёт. Затем на первой Всеукраинской переписи в 2001 году доля украинцев существенно (на 6%) выросла, а русских – сократилась (на 5%). К итогам этой переписи были определённые претензии: на её проведение было выделено ограниченное финансирование, что отразилось на качестве работы переписчиков; не была предусмотрена двойная идентичность и т.п. Но автор не склонен считать этнические показатели этой переписи тотально подтасованными. Скорее подействовала неопределённость понятия «украинец»: зачастую оно связывалось с рождением и проживанием (собственным или родителей) не территории Украины. Чёткие «этнические маркеры» в данном случае отсутствовали.

На рис. 1 представлены итоги ответов жителей Донецка в 2009 – 2014 гг. в ходе восьми социологических опросов на вопрос об этнической самоидентификации («Кем Вы считаете себя по национальности?»). По городу опрашивалось от 400 до 800 респондентов, доверительный интервал (возможное колебание показателей) составляет от $\pm 5\%$ до $\pm 3,5\%$.

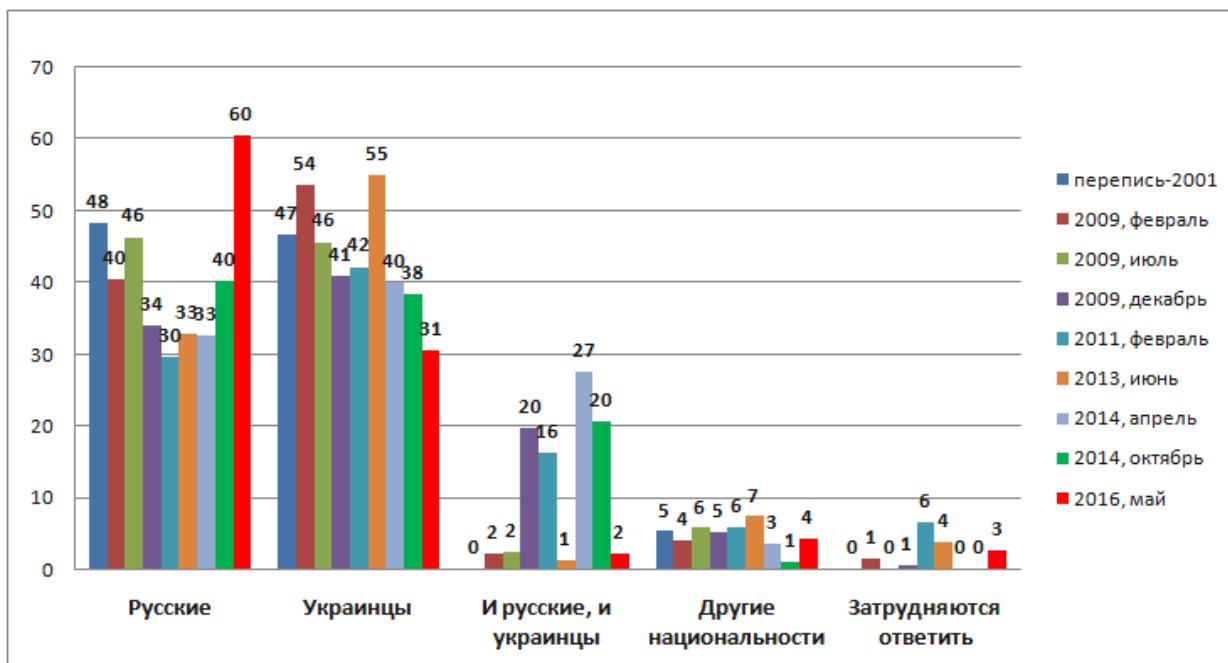

Рис.1. Этническая самоидентификация жителей Донецка по итогам опросов (%)

Следует отметить существенные колебания этнической самоидентификации на наблюдаемых примерах, как и нередкие затруднения респондентов с ответом на этот вопрос (часть опрашиваемых считала его не совсем удобным, некорректным). В значительной степени итоги ответов зависели от формулировки вопроса и процедуры опроса: а) были ли ответы полностью анонимными (самостоятельное заполнение бюллетеня респондентом с дальнейшим «секретным голосованием»); б) предлагались ли респонденту варианты ответов на вопрос (закрытый или открытый вопрос); в) какие конкретно варианты ответов

предлагались, а точнее – вариант двойной идентичности «и русский, и украинец». Наличие среди предлагаемых ответов варианта с двойной идентичностью («и русский, и украинец») резко повышало долю респондентов выбиравших такой вариант ответа: в различные периоды от 16% до 27%. Вместе с тем, если такой вариант ответа не предлагался, самостоятельно его относительно себя предлагали немногие респонденты – до 2% от всех опрошенных.

Общая тенденция на рис. 1 до 2014 года – доля респондентов, называвших себя русскими постепенно сокращалась, а доля украинцев постепенно росла. Итоги опросов с 2014 года демонстрируют обратный процесс: доля русских (достаточно стремительно) выросла, а украинцев – сократилась. Последняя тенденция может иметь два основных объяснения. 1. Выезд части жителей, считающих себя украинцами с территории, контролируемой ДНР по политическим мотивам. Безусловно, этот процесс имеет место, однако точно оценить его масштабы на данный момент затруднительно. 2. Переориентация части респондентов ранее считавших себя украинцами в пользу русских. Встречались комментарии респондентов: «Ранее я был украинцем, а сейчас – русский». После боевых столкновений и обстрелов жилых кварталов со стороны Украины популярность «украинства» в самом широком понимании, на территории контролируемой ДНР резко снизилась.

Рис. 2 представляет итоги ответов на вопрос по этнической самоидентификации по ДНР и ЛНР: по каждой республике было опрошено по 1000 респондентов, доверительный интервал не превышает $\pm 3\%$.

Рис. 2. Этническая самоидентификация жителей ДНР и ЛНР в мае 2016 г. (%)

Как видим большинство жителей республик назвали себя русскими. Хотя, например, согласно итогам последней Всеукраинской переписи 2001 года на территориях ныне контролируемых ДНР этнический состав должен быть таким:

50% – украинцы, 45% – русские, 5% – представители других национальностей. При этом по итогам опроса по 63% жителей двух республик как наиболее важную для себя назвали региональную идентичность («Кем Вы считаете себя в первую очередь?» – жителем Донбасса, ДНР/ЛНР, Луганщины). Прежде всего, себя считают представителями своей национальности соответственно 4% и 2% опрошенных.

Вместе с тем представители «третьих» национальностей (греки, евреи, азербайджанцы и др.) не демонстрировали таких резких изменений в вопросе этнической самоидентификации, какие существовали между русскими и украинцами. Доля представителей «третьих» национальностей от опроса к опросу за последние годы, как правило, оставалась стабильной – около 5%. Такие результаты наводит на мысли о применимости для них «примордиалистской парадигмы».

Изложенные факты позволяют сделать следующие выводы. Большинство жителей области отождествляет себя со славянским населением и переход от русских к украинцам и обратно (как схожим народам) ранее осуществлялся весьма легко. За последние годы (с 2014 года) наблюдалась явная тенденция роста доли русских, эта идентичность явно доминирует в республиках (украинцами себя считает треть населения). В связи с произошедшими политическими событиями и боевыми действиями в дальнейшем такой лёгкий переход представляется затруднительным. Категория «украинец» на данный момент не обладает чёткими «этническими маркерами» и является скорее территориальной (рождённые в СССР и Украине). Если для славянского населения Донбасса доминирует конструктивистская парадигма, то для национальных меньшинств (греков, армян, евреев, азербайджанцев и др.) – примордиализм. Следовательно, применимы обе теории, но «в своих случаях».

Ссылки и примечания:

1. Никольский В.Н. Русские в Донбассе (по материалам «Сплошной подворной переписи Донецкой губернии [январь – февраль 1923 года]») // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2015. №2(56). С.47-51.
2. Пенькова О.Б. Основные аспекты формирования этнической идентичности в смешанных семьях Донбасса в XX – начале XXI веков / О. Б. Пенькова // "Запорожские еврейские чтения"(2010; Днепропетровск) Доклады и сообщения, 28-29 октября, 2010 г., Запорожский нац. ун-т. – Днепропетровск: Ткума, 2011. С. 128-134.
3. Куромія Г. Свобода і терор у Донбасі: українсько-російське прикордоння, 1870-1990-і роки. К.: Основи, 2002. 510 с.
4. Мартинчук І.В. Національно-культурне будівництво серед етнічних меншин Донеччини (20-і -початок 30-х рр. XX ст.): дис...канд. іст. наук: 07.00.01 / Мартинчук І.І. Донецьк, 1998. 199 с.

5. Обидьонова О.В. Національні меншини Донбасу в 20-30-ті роки ХХ століття: дис... канд. іст. наук: 07.00.01 / Обидьонова О.В. Донецьк, 2000. 243 с.
6. Сучкова О.Ю. Євреї в Донбасі (20-30-ті роки ХХ ст.): дис... канд. іст. наук: 07.00.01 / Сучкова О.Ю. Донецьк, 2005. 247 с.
7. Малярчук Н.Г. Росіяни в Донбасі (20-30-ті рр. ХХ ст.): дис... канд. іст. наук: 07.00.01 / Малярчук Н.Г. Донецьк, 2006. 310 с.
8. Чаплик М.М. Росіяни в Україні (1989 – 2001 рр.): історико-демографічний аспект : автореф. дис... канд. іст. наук / М. М. Чаплик; Донец. нац. ун-т. Донецьк, 2007. 20 с.
9. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года // Всеукраинская перепись 2001. Электронный ресурс: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>
10. Сколько народов живёт в Донецкой области? // Комитет. – 11 июля 2011 (Источник: Главное управление взаимодействия с общественностью и по делам национальностей и религий Донецкой ОГА). Электронный ресурс: <http://kramtp.info/news/14/full/id=17159>.

УДК 321

Л.А.Лобова

Институт междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации РГЭУ (РИНХ)

Ростов-на-Дону, Российская Федерация

e-mail: lora.lobova2009@yandex.ru

П.Ю. Губарев

соискатель кафедры теоретической и прикладной политологии

«Южный федеральный университет»,

Ростов-на-Дону, Российская Федерация

e-mail: gubarev@novorossia.me

ИНФОРМАЦИОННО – ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И УРОВНИ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация

В данной статье анализируется проблема эффективного управления политическими рисками в условиях глобальной конкуренции. Автор отмечает, что обеспечение прозрачности деятельности органов государственной власти в России может выступить как один из способов разрешения информационно-политических рисков. Весьма значительна роль государства в управлении рисков

и обеспечении условий повышения уровня транспарентности органов власти. Но если сравнить активность и оперативность реагирования рассматриваемых подсистем на появление информационно-политических рисков, то лидирует, несомненно, общественная подсистема.

Ключевые слова: транспарентность, государственная власть, информационно-политические риски, гражданское общество, сетевое общество.

Summary

This article presents the problem of political risks management in the context of the global competition. The author notes that ensuring transparency of the public authorities' activities can act as one of the ways of resolving information-political risks. The role of the state in resolving risks and ensuring conditions for increasing the authorities' transparency is very significant. But if the activity and responsiveness of the subsystems in question to the emergence of information-political risks are compared, the public subsystem is undoubtedly the leader.

Keywords: transparency, state power, information-political risks, civil society, network society.

Развитие государственных систем многих стран мира, вовлеченных в глобализационный процесс, движется в русле повышения уровня транспарентности органов государственной власти. Для стран, игнорирующих данный тренд, появляется риск оказаться в экономической и политической изоляции, а также понизить имидж своего государства на международной арене.

Процессы глобализации универсальны по определению, однако, вариативны в своих проявлениях. Современная волна глобализационных процессов, связанная с интенсивным развитием информационного общества, обозначила как для многих развивающихся стран широкий спектр проблем, так и для экономически отсталых стран, детерминировав опасные информационные угрозы для неустойчивых политических систем.

Однако информационно-политические риски в социально-политической системе присутствуют не только в условиях переходного процесса к информационному обществу, но в сложившемся, устойчиво развивающемся информационном обществе.

Обозначенная проблематика общественно-политических рисков понятийно описывается следующим образом.

Политический риск – это общественный феномен, включающий в себя прогнозируемые как неблагоприятные, так и положительные последствия политических действий. Наличие в политическом риске, как определенных потерь, так и множество возможностей благоприятных последствий позволяет сделать вывод о риске как об ориентации (цели) субъекта в своей деятельности и на успех, а не только на негативные последствия. Данный момент важно учитывать при анализе и разработки процедур управления политическим риском. Если спрогнозированы последствия уже принятых управленческих решений, и

они носят неблагоприятный характер, тогда действия принимавших их лиц, должны быть направлены на уменьшение возможности возникновения причин, которые способствовали их появлению (предупредительные действия). Если же вероятные последствия благоприятны, то разрабатываются меры для пролонгирования спектра благоприятных последствий (содействующие действия).

Политический риск является неотъемлемой частью любого политического процесса, а также частью отношений между субъектами социальной жизни. Оценка и последующее управление рисками предоставляет возможность прогнозировать политические события, избегать конфликтные ситуации, резкие негативные изменения, связанные с политической деятельностью или же смягчить их негативные эффекты возможных рисков.

Управление информационно – политический риск – это выявление последствий сбоя циркуляции информации в политической среде между субъектами политического процесса, которые осуществляют взаимодействие с помощью информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Информационно-политические риски, связанные с переходным процессом к информационному обществу, условно обозначим как риски «первого порядка», которые возникают в связи с виртуализацией взаимоотношений между государством и обществом, политическими институтами, политически активными гражданами. Информационно-политические риски, возникающие в сформировавшемся информационном обществе, определим как риски «второго порядка»[1]. Такие риски присущи системе государственного управления, широко использующей информационно-коммуникативные технологии.

Расширение глобального информационного пространства ставит задачу для национальных государств создать систему «электронного правительства», которая способна обеспечить прямое участие граждан в государственном управлении. Власть, в том числе российская, при отсутствии собственных ИТ – разработок, заимствует уже эффективно работающие проекты и концепции «электронного правительства» и внедряет в отечественную практику, абстрактно-утилитарно, т.е. нередко без учета национальных и других особенностей государства.

Следует также подчеркнуть, что в Указе Президента РФ от 7.05.2018 №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [2] ставится цель «обеспечения ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере» и решение ряда задач, в том числе: «Создание современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней; формирование системы подготовки кадров, направленной на обучение основам повышения производительности труда, в том числе посредством использования цифровых технологий и платформенных решений».

Так, из всех реализованных западных проектов «электронного государственного управления», в России удалось реализовать проект единого правительственного портала, интегрировавшего в одну иерархическую интернет –

систему сайты органов муниципальной, региональной и федеральной власти, а также внедрить практику оказания электронных государственных услуг (ЭГУ) для населения посредством «одного окна». В то время как Запад уже активно развивает сетевую систему «электронная демократия» (э-демократии) [3].

В процессе переходного процесса к компьютеризации и интернетизации политической сферы в российской практике обозначился «риск первого порядка» в виде политико – конфликтогенной проблемы цифрового неравенства, когда неравномерность распределения финансовых ресурсов повлекла за собой появление цифрового неравенства между органами власти федерального и регионального уровней, а также между отдельными министерствами и ведомствами. Такая ситуация привела к диспропорции в структуре электронного государственного управления.

Информационная закрытость российской государственной власти и стремление гражданского общества получать «прозрачную» и достоверную информацию о деятельности органов власти – еще одна причина возникновения информационно-политического риска «первого порядка». Данный «люфт» способен подорвать доверие общества к политическим институтам.

Поскольку российской политической системе присущи риски «первого порядка», то центральное место в управлении информационно-политическими рисками, должно принадлежать транспарентности государственной власти.

Исследуя проблему транспарентности государственного управления, многие авторы указывают на информатизацию его институтов. Так, Ю. Авинова в своей научной работе указывает на тот факт, что «характерной чертой недавнего прошлого была гонка вооружения в ведущих странах мира, то сегодня – это гонка информатизации, обозначающая не как обогащение в технической и информационной сферах, так и построение единого информационного пространства, создание информационного общества» [4].

Под транспарентностью следует понимать предоставление достоверной информации органами государственной власти о реализации своих полномочий широкому кругу общественности, и с целью их привлечения к обсуждению и принятию управленческих решений. Реализация данного процесса возможна при условии развитости гражданского общества. Если гражданское общество не достаточно развито, и не способно осуществлять контроль над деятельностью власти, то «прозрачность» системы государственной власти никак не снижает степень информационно-политического риска «первого порядка». Если же процессы информатизации и демократизации общества протекают параллельно, то вместо классического гражданского происходит формирование « сетевого» общества, построенного на телекоммуникационных сетях. В отличие от гражданского «сетевое общество» базируется на функционировании неформальных институтов и сообществ. Имея техническую возможность «сетевое общество» стремится удовлетворить потребность в получении объективной информации о деятельности органов государственной власти и побуждает ее к ответным мерам. Политическая коммуникация, с позиции сетевой теории [5],

определяется как сетевое взаимодействие формальных и неформальных политических акторов [6] для осуществления политического процесса, который включает в себя получение обратной связи с целью последующего внесения коррективов в политический курс, политическую стратегию по обеспечению национальной и региональной безопасности общества.

Концепт национальной и региональной безопасности включает и информационную безопасность. С одной стороны, вопросы безопасности необходимо рассматривать как условие обеспечения гражданских прав и интересов, а также национальных интересов страны в целом. С другой стороны, безопасность – это явление, ограничивающее в определенной степени свободу, так как засекречиваются определенные государственные информационные ресурсы, соответственно некоторые сведения становятся доступными исключительно для строго определенного круга должностных лиц. Баланс между двумя свойствами информационной безопасности является основой определения объема информации для гражданского пользования. Но все же интересы национальной безопасности вынуждают власти увеличивать объемы засекреченных данных, тем самым понижая уровень транспарентности деятельности органов государственного управления. Проблема отечественной практики заключается в сокрытии информации, не попадающей под категории конфиденциальности, и не составляющей государственную тайну, тем самым углубляя причину появления информационно-политических рисков в политической системе страны.

Разработка оптимальных для современной России технологий управления информационно-политическими рисками, принципиально возможна лишь тогда, когда у органов государственного управления есть необходимость и техническая возможность обеспечения транспарентности своей деятельности. В России же транспарентность видят только в развитии правительственного интернет – портала в рамках системы «электронного правительства», причем созданного на федеральном уровне, в то время как граждане взаимодействуют, в первую очередь, с муниципальными и региональными уровнями власти.

Также решением задачи поиска механизма в управлении информационно-политическими рисками, может стать создание общественной информационной экспертизы как независимого и отдельного института гражданского общества. Такая структура, на наш взгляд, способна уравновесить в условиях перехода на IT-формы взаимодействия, равновесие политической системы страны.

Таким образом, систему управления информационно-политическими рисками можно представить как совокупность действий и методов, которые способны предотвратить и (или) минимизировать последствия рисков, связанных с информатизацией политической сферы общества.

Схематично, система управления информационно-политическими рисками состоит из двух подсистем: государственной, обладающей материально-техническими и административными ресурсами и общественной. При использовании определенных инструментов, органы власти и институты

гражданского общества способны контролировать риски «первого порядка» на всех уровнях российской политической системы.

Таким образом, в российских условиях значительная роль в разрешении рисков и организации повышенного уровня транспарентности власти принадлежит государственной подсистеме. Однако высокая активность и скорость реакции на появление информационно-политических рисков – прерогатива административно, организационно, финансово свободной общественной подсистемы.

Независимые общественные организации и эксперты постоянно производят масштабные исследования как официальных информационных ресурсов, так и законопроектов, проектов федеральных и региональных целевых программ, государственных концепций и доктрин, прогнозируют степень информационно-политических рисков, вычисляют уровень вероятности появления угроз устойчивому развитию политической системы России [7].

Дальнейшее развитие общественных институтов в системе выдвижения, экспликации и управления политико-информационными рисками способно повысить эффективность функционирования этой системы и увеличить степень разрешения рисков «первого уровня» в процессе формирования информационного общества [8].

В условиях перехода к информационному обществу средством управления информационно – политическими рисками можно рассматривать транспарентность государственной власти. Это предоставит возможность прямого участия граждан и гражданских институтов в осуществлении государственной политики, и контроля над деятельностью органов власти.

В Российской Федерации состояние транспарентности государственной системы управления регулируется государством. В его ведении обеспечение сохранности тайных, секретных сведений. Низкий статус общественных структур в системе управления информационно-политическими рисками не позволяет эффективно осуществлять управление рисками «первого порядка» и на их последующее разрешение.

Представим возможное содержание вывода: управляя информационно-политическими рисками можно регулировать и координировать одновременно процесс демократических преобразований в стране и когерировать [9] динамичное равновесие устойчивости эволюционирующей политической системы. Для российской политической практики этот вывод особенно важен, так как он создает возможности, предпосылки для снижения уровня сразу нескольких угроз, в том числе и проблем с обеспечением национальной безопасности страны.

Ссылки и примечания:

1. А.А. Коробов, С.А. Овчинников. Транспарентность государственной власти как средство разрешения информационно-политических рисков.
2. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

3. Коробов А.А., Мельникова Т.С., Митяева Н.В. Формирование общественной потребности в развитии систем электронного правительства и электронной демократии в современной России / А.А. Коробов, Т.С. Мельникова, Н.В. Митяева ; [под общ. ред. Т.С. Мельниковой]. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016.
4. Авинова Ю. Информационная политика Российского государства на современном этапе: концептуальные и основные задачи / Ю. Авинова [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.svobodainfo.org/info/page?tid=633200007&nd=458202135>
5. Хойслинг Р. Социальные процессы как сетевые игры. Социологическое эссе по основным аспектам сетевой теории. М.: Логос-Альтера, 2003.
6. Максutow А. Г. Политическая коммуникация в сетевом пространстве // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.- 2007. – № 6.
7. Овчинников С.А., Семенов В.П. Общественная информационная экспертиза – реальность информационного общества // Информационно-коммуникационные технологии в сфере культуры: сб. науч. тр. по итогам Международной научно-методической конференции (г. Саратов, 19 – 24 сентября 2011 г.). Саратов, 2011.
8. Овчинников С.А. К вопросу теоретического обоснования возникновения и развития нового научного направления политологии – информационно-политической рискологии // Вестник СГСЭУ. 2011. № 4 (38); Афанасьева О.В. Открытое государство как институт устойчивого развития // Общественные науки и современность. 2013. № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2015/05/05/1251193793/60-71-Afanasyeva.pdf>(дата обращения: 21.07.2015); Плято С.С. Обеспечение транспарентности политической власти в современной России: институциональный аспект: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2011; Интернет «Бизнес-словарь». Рискология [Электронный ресурс] – режим доступа: [www. businessvoc. ru/bv/TermWin.as p? theme=&word_id=29537](http://www.businessvoc.ru/bv/TermWin.asp?theme=&word_id=29537).
9. Когерентность – скоррелированность (согласованность) нескольких колебательных или волновых процессов во времени, проявляющаяся при их сложении. Колебания когерентны, если разность их фаз постоянна во времени, и при сложении колебаний получается колебание той же частоты.

УДК 327.8

О. В. Онопко

кандидат политических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: onopko.oleg@gmail.com

КОНЦЕПЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация

Автором сделана первая попытка политологического анализа Концепции внешней политики Донецкой Народной Республики. Документ устанавливает институциональные разграничения в сфере внешнеполитических полномочий между высшими и центральными органами государственной власти, органично дополняет и развивает сегмент национального права, регулирующий внешнюю политику. Концепция уточняет официальную позицию государства по поводу политического статуса русского народа Донбасса, вектора интеграции, урегулирования вооруженного конфликта с Украиной.

Ключевые слова: концепция внешней политики, Донецкая Народная Республика, де-факто государства, внешняя политика, политические институты, внешнеполитическая идеология.

Summary

The first attempt at a political analysis of the Foreign Policy Concept of the Donetsk People's Republic is made by the author. The document establishes institutional distinctions in the area of foreign policy powers between the supreme and central state bodies, organically complements and develops the foreign policy segment of the national law. The Concept clarifies the official position of the state on the political status of the Russian people of Donbass, the vector of integration, the settlement of the armed conflict with Ukraine.

Keywords: foreign policy concept, Donetsk People's Republic, de-facto states, foreign policy, political institutions, foreign policy ideology.

1 марта 2019 года Глава Донецкой Народной Республики Д. Пушилин подписал Указ №56, которым была утверждена Концепция внешней политики государства [1]. Данное событие не только официально подтвердило стремление республики оставаться самостоятельным действующим лицом в мировом

политическом процессе, но и ознаменовало начало нового этапа в истории становления и функционировании системы органов внешних сношений ДНР.

Принимая это во внимание, представляется целесообразным выявить специфику влияния Концепции на институциональную среду и идеологию внешней политики ДНР.

По С. Патрушеву, институциональная среда представляет собой «институты в смысле «политического установления» – совокупности «правил игры», т.е. правил, норм и санкций, образующих политические, социальные и юридические рамки взаимодействий между людьми, которые через систему положительных и отрицательных стимулов направляют поведение людей в определенное русло и тем самым делают ситуацию менее неопределенной» [2]. Отсюда – под институциональной средой внешней политики ДНР следует понимать сложный комплекс разноуровневых актов международного и, прежде всего, национального права, регулирующих деятельность органов государственной власти республики на меж- и надгосударственном уровне.

Ввиду того, что на сегодняшний день суверенитет ДНР имеет ограниченное международное признание, фокусироваться на международно-правовых нормах (дипломатического, консульского и др. права) при изучении институциональной среды внешней политики не имеет особого практического смысла. Вместе с тем за годы независимости в республике уже сделан ряд важных шагов в сфере конституционного законодательства и государственного строительства – принят ряд нормативных правовых актов, способствующих более эффективному юридическому регулированию внешнеполитической деятельности:

1. Конституция ДНР определяет исключительный статус Главы при принятии внешнеполитических решений и осуществлении государством международных взаимодействий. В частности, одним из направлений деятельности Главы является «определение основных направлений развития» государства, согласно ч. 4 ст. 56 Конституции, Глава представляет ДНР «в отношениях с иностранными государствами, при этом он вправе подписывать международные договоры» её имени [3]. Исходя из содержания п. 8 ч. 1 ст. 70 и ст. 73 Конституции, Глава ДНР вправе не только подписывать международные договоры от имени государства, но и расторгать их. Кроме того, после конституционной реформы ноября 2018 г., разделившей посты Главы Республики и пост главы исполнительной ветви власти, за первым осталось назначение министра иностранных дел, а также министров «силового блока». Это закрепляет за Главой ДНР полный контроль над «внешнеполитической триадой» государственных институтов (МИД, вооруженные силы, спецслужбы).

2. Закон ДНР «О международных договорах» устанавливает порядок заключения, ратификации, выполнения и прекращения международных договоров. Согласно ст. 4 данного закона, «международные договоры республики наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются составной частью ее правовой системы» [4].

3. Постановление Совета Министров «Об утверждении Положения и структуры Министерства иностранных дел Донецкой Народной Республики» закрепляет, что МИД является «государственным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере международных отношений ДНР» [5]. Также положением определяются задачи МИД ДНР и устанавливается, что руководство его деятельностью осуществляет Глава Республики.

Несмотря на наличие нормативных правовых актов, минимально необходимых для ведения внешней политики и осуществления внешних сношений, по мере развития донецкой государственности и расширения сети международных контактов, всё более насущной становилась потребность в политическом документе, который бы:

- 1) разделял сферы ответственности между органами государственной власти ДНР по вопросам международных отношений;
- 2) определял основные принципы внешнеполитической идеологии республики.

До ДНР среди де-факто государств постсоветского пространства только Приднестровская Молдавская Республика обладала концепцией внешней политики, которая была утверждена президентским указом в 2012 году [6]. Именно приднестровская концепция, судя по структуре и отдельным элементам содержания, вероятно была взята за основу при разработке донецкой. Так или иначе Концепция внешней политики ДНР выполняет предъявленные к ней требования.

В институциональном плане в части 4 Концепции «Формирование и реализация внешней политики Донецкой Народной Республики» она устанавливает фундаментальное разделение обязанностей между высшими и центральными органами государственной власти:

1. Важнейшим институтом внешней политики ДНР является Глава республики, который осуществляет общее руководство, определяет основные направления внешнеполитической деятельности, а также представляет республику в международных отношениях.

2. Законодательное обеспечение внешней политики возложено на Народный Совет.

3. За реализацию внешней политики отвечает Правительство.

4. Министерство иностранных дел обязано готовить для Главы Республики «предложения по внешнеполитической стратегии, ведет работу по непосредственной реализации внешнеполитического курса, контролирует выполнение международных обязательств и координирует деятельность органов исполнительной власти и органов местного самоуправления в сфере внешней политики» [1].

5. Оговаривается консультативное значение гражданского общества при выработке внешнеполитических решений.

В идеологическом плане Концепция уточняет ряд вопросов, по которым ранее не существовало чёткой официальной позиции властей ДНР, отраженной в нормативных правовых актах (в лучшем случае имелись отдельные комментарии первых лиц государства):

1. Население Донбасса рассматривается как часть «разделенного русского народа, русско-православной цивилизации».

2. Обретение международного признания и мирное урегулирование вооруженного конфликта с Украиной – официально являются целями внешней политики ДНР.

3. Взаимодействие с Россией, Луганской Народной Республикой и Республикой Южная Осетия – стратегический приоритет государства. При этом отношения с ЛНР рассматриваются как «военно-стратегические» и «братские».

4. Ключевой приоритет внешней политики ДНР – «евразийская интеграция» (в будущем участие в СНГ, ЕЭС, ШОС).

5. ДНР «выступает за строгое и неукоснительное выполнение обязательств, взятых на себя обеими сторонами конфликта в рамках Минских соглашений».

Одной из важнейших задач, которые решает Концепция в идеологической сфере, как раз является разрешение проблемы сочетаемости приверженности Минским соглашениям с внешнеполитическим курсом на построение независимого, международно-признанного государства. В частности, устанавливается, что принципы, заложенные в Минских соглашениях, являются основой для «мирных, равноправных политических переговоров», выступающих единственным приемлемым средством урегулирования Донбасского конфликта.

В пункте 3.6. Концепции «Мирный процесс» заявляется, что «приоритетной целью внешнеполитической деятельности Донецкой Народной Республики является достижение стабильно мира путём переговоров и дипломатии». Одной из задач внешней политики ДНР Концепция определяет «оказание влияния на руководство Украины в целях выполнения обязательств, принятых Украиной в рамках Минских соглашений». При этом отмечается, что данное воздействие на Киев планируется проводить дипломатическим путём «совместно с международным сообществом»; Украина и ДНР объявляются двумя сторонами вооруженного конфликта, а принципы «равноправия, взаимоуважения и учета интересов друг друга» определяются как важнейшие при реализации будущей модели отношений между ними.

Утверждение Концепции позволяет сделать обоснованное предположение о сути внешнеполитической идеологии ДНР – комплексе взглядов, идей, представлений, принципов, ориентаций и лозунгов, концептуально отражающих отношение правящего политического режима к международной системе, а также текущему положению, миссии и будущему республики в ней. К основным характерным чертам идеологии внешней политики ДНР можно отнести

- апеллирование к международному праву, институтам и мировому сообществу;

- приверженность мирным, политическим способам урегулирования вооруженного конфликта на Донбассе;
- стремление обрести международное признание, стать субъектом международного права;
- стремление к членству в международных межправительственных организациях, в т.ч. и военно-политических (ОДКБ);
- вера в политические ценности (социальное государство, межнациональную гармонию, право народов на самоопределение).

Всё это в значительной мере соответствует принципам политического идеализма, который отстаивает гуманистические ценности, принципы высокой политической ответственности, верховенства закона прав и свобод человека и гражданина, демократии. В мировой политике политический идеализм делает основной акцент на идеях всеобщего мира, коллективной безопасности, вере в силу международных организаций и международного права.

Концепция внешней политики ДНР органично дополняет внешнеполитический сегмент национального права, определяет институциональные контуры для дальнейшего совершенствования системы органов внешних сношений республики, её внешнеполитическую идеологию. Отдельно следует отметить, что Концепция требует дальнейшего интент- и политико-лингвистического анализа, что позволило бы не только выявить и понять основные смыслы, заложенные в её текст, но и эффективно оценить её влияние на внешнюю политику и государственную политику в сфере национальной и гражданской идентичности.

Ссылки и примечания:

1. Указ Главы Донецкой Народной Республики об утверждении Концепции внешней политики Донецкой Народной Республики / Денис Пушилин. Официальный сайт. URL: https://denis-pushilin.ru/doc/ukazy/Ukaz_N56_01032019.pdf (дата обращения: 02.03.2019).
2. Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: Этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. 2001. № 2. С. 149–189.
3. Конституция Донецкой Народной Республики / Народный Совет Донецкой Народной Республики. URL: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 02.03.2019).
4. Закон «О международных договорах Донецкой Народной Республики» / Народный Совет Донецкой Народной Республики. URL: <https://dnrsovet.su/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-mezhhdunarodnyh-dogovorah-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 02.03.2019).
5. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики «Об утверждении Положения и структуры Министерства иностранных дел Донецкой Народной Республики» / Совет Министров Донецкой Народной

Республики. URL: <http://smdnr.ru/wp-content/uploads/2016/07/1-32.pdf> (дата обращения: 02.03.2019).

6. Концепция внешней политики Приднестровской Молдавской Республики / Министерство иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики. URL: <http://mfa-pmr.org/ru/Qpj> (дата обращения: 02.03.2019).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИЗДАНИЕ ДОНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА,
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**
Сетевое издание

№4 (67) 2018

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Никольский В.Н., д-р ист. наук.

Заместитель главного редактора – Бобровский А.С., к-т ист. наук.

Ответственный секретарь – Кухтин М.М., к-т полит. наук.

Члены редакции:

Агапов В.Л. – д-р ист. наук, **Бредихин А.В.** – д-р ист. наук, **Кузнецова Е.В.** – к-т полит. наук, **Морозов Р.Н.** – к-т ист. наук, **Пенькова О.Б.** – к-т ист. наук, **Черкашин К.В.** – к-т полит. наук.